

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B

845,376

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Library*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

77
76

3893 314-4-30 94

Воспоминанія Д. Никифорова.

21 313
261

Nikif

Ivanovich

МОСКВА

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

426725

OP18580

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ иллюстраціями событій того времени и портретами дѣятелей
царствованія императора Александра II.

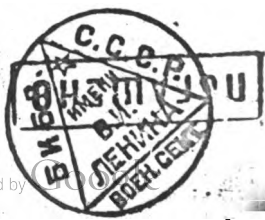
МОСКВА.

Университетская типография, Страстной бульваръ.

1904.

D. T. Front

28

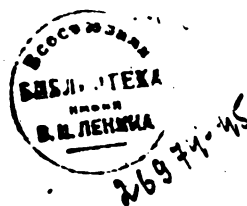
DK
600
.N68
1907a

615001-400

~~HN~~
~~854~~

22/22
10/22

Дозволено цензурой, Москва, 7 ноября 1903 г.

Государь Императоръ Александръ II.

**Съ автографѣ, сдѣланной въ 1856 году П. Щедровскимъ, подписанной Государемъ.
Изъ коллекціи С. П. Виноградова.**

ГЛАВА I.

Кончина Императора Николая I.—Заключение мира.—Стихи на окончание войны.—Приезд въ Москву.—Первые впечатлѣнія по приездѣ.—Приготовленіе къ коронаціоннымъ торжествамъ.—Графъ Закревскій.—Командантъ Казарь.—Губернаторъ Симельниковъ.—Предложеніе мнѣ мѣста плацъ-адъютанта.—Приездъ иностранныхъ пословъ и Принцевъ.—Приездъ царской фамиліи.—Парадный въѣздъ Государя въ Москву.—Отъездъ Государя въ с. Останкино.—Священное Коронованіе.—Дороговизна въ Москвѣ по случаю большого сѣзда.—Похищеніе посольствъ.—Балы у пословъ.—Графиня Раппъ.

Во время кончины Императора Николая I я находился на высотахъ Севастополя, и потому лично не могъ присутствовать въ Москвѣ, но изъ разсказовъ домочадцевъ могъ заключить о степени вліянія, оказаннаго смертью рыцаря Императора на московское общество.

Большинство, благоговѣя предъ личностью покойнаго Императора, было смущено неожиданной его кончиной. Многие боялись, что черезчуръ уступчивый характеръ новаго Императора повліяетъ на ходъ продолжавшейся войны и умалитъ достоинство Россіи. Но была партія либераловъ, радовавшаяся кончинѣ Государя, и даже въ Успенскомъ Соборѣ во время присяги новому Императору говорившая, что съ воцареніемъ Александра II наступитъ новая эра свободы, задержанная усопшимъ.

Первый приездъ Императора Александра II въ Москву былъ во время моего отсутствія изъ нея, потому я не могу высказать впечатлѣній москвичей во время его приѣзда въ Первопрестольную.

Война продолжалась... Несмотря на отчаянное сопротивленіе Малаховъ Курганъ былъ взятъ, и вслѣдствіе потери этого важнаго пункта, южная часть Севастополя очищена нашими войсками.

Какъ послѣ сильной бури наступаетъ затишье, такъ и на холмахъ Севастополя, послѣ грома орудій и взрыва

мишь, наступила полная тишина. Раздѣлявшія часть воды Севастопольской бухты служили намъ демаркаціонной линіею, черезъ которую не переступала ни та, ни другая сторона. Дипломатія работала о заключеніи мира, а мы тоскливо ожидали результата ихъ переговоровъ. Томленіе и бездѣйствіе было хуже битвы. Разнородные слухи мѣнялись ежедневно, такъ что никто не могъ отличить правды отъ выдумокъ. Наконецъ заключено перемиріе, а затѣмъ и полный миръ. Дозволено было посѣщать непріятельскій лагерь, и какая то тяжесть спала у всѣхъ съ души. Всѣ были довольны окончаніемъ войны, за исключеніемъ интендантскихъ чиновниковъ (сильно набившихъ себѣ карманъ) и крымскихъ невѣстъ, дѣлавшихъ себѣ относительно великодушными партіи, такъ что неизвѣстный поэтъ увѣковѣчилъ ихъ въ слѣдующемъ стихоплетеніи:

Невѣстамъ крымскимъ негодно,
И интендантству тожь-желаніе народно
Чтобъ миру быть.
И вотъ всѣ сплось къ Царю съ мольбою!
На тѣхъ вѣкахъ всего впервые
Сыны Россіи удале
Стопнулись тутъ и идутъ прочь. Для многихъ
Блеснувшій лучъ надежды милой погибнетъ... Какъ и прежде
Въ какомъ-нибудь писецѣ невѣждѣ,
Придется чувства разжигать,
А тамъ дѣлится со вдовами,
Таврида жалкими крохами.
И слезно просить всѣ Царя,
Чтобъ къ ихъ несчастью снисходя,
Овъ долю ихъ войной поправилъ,
О мирѣ думать бы оставилъ.
И къ нимъ прожоро-интендантство,
Пристало въ честное кампанство,
И завопило: Царь нашъ Царь!
Зачѣмъ наносить намъ ударъ?
Не мы-ль Твое отъ Турокъ сѣно
Предавши пламени спасли,
Не мы-ли чинно и степенно
Пагонцевъ роты въ Крымъ ввели.
Не мы-ли надшіи скотъ скупали,

Не ми-ли сгнившій хлѣбъ втоптали,
Глубоко въ землю, и степенно
Вели себя всегда почтенно.
Не то, что армій офицеры.
Что ихъ манеры!
Топорны жалки и сѣшны,
Они хотъ храбры, но грушны.
Всегда безъ хѣры напивались,
И даже пьянше валялись.
Въ театрахъ дѣлали скандалы;
Такіе стали ужъ пахалы,
Что самъ великій Бѣловодскій
Своею властью плацъ-маіорской
Ихъ усмирить не могъ.
А мы межъ тѣмъ: „Свидѣтель Богъ“,
Всегда день черныи вспоминали
И на день этотъ припасали.
Они же забіяки, ни себѣ
Въ крови добытаго въ трудѣ,
Ни для другихъ не припасутъ,
И до копѣйки все пропьютъ.
Война нужна! Пусть ихъ научить
Какъ нужно жизнью дорожить.
Необходимо должно, нужно,
Пускай ударятъ смѣло, дружно,
Врага сомнутъ и передъ свѣтомъ
Связавъ себя святымъ обѣтомъ,
Подобной мерзостью ирреказъ
Не тѣшатъ больше свѣта глазъ.

Получивъ отпускъ, я поѣхалъ къ роднымъ въ деревню,
а оттуда предпринялъ путешествіе въ Москву, гдѣ въ то
время шли приготовленія къ коронаціи.

Въ маѣ 1856 года подъѣзжалъ я къ Бѣлокаменной по
рязанскому шоссе. На послѣдней почтовой станціи Лю-
берцы въ почтовую телѣжку заложили мнѣ хорошую
тройку. На облучьѣ сѣлъ ямщикъ, молодой парень, три
дня передъ тѣмъ женившійся. Вѣхалъ онъ первый разъ
послѣ своей свадьбы. Веселое и довольное лицо его по-
стоянно озарялось улыбкой.

Скоро показалась золотая шапка Храма Христа Спасителя, за ней колокольня Симонова монастыря, да еще главы других храмовъ.

Подъѣхали къ рогожской заставѣ. Человѣкъ пошелъ предъявлять подорожную. Ямщикъ подвизывалъ колоколичка.

Сидя на перекладной, я любовался на облитую солнцемъ Москву, позабывъ двухдневную тряску. Погода была превосходная. Служитель вернулся изъ караулки, шлагбаумъ поднять и мы тронулись по тряской Московской мостовой. Я мечталъ о свиданіи съ родными и не замѣтилъ, какъ мы миновали нѣсколько улицъ. Мечты мои прервались сильнымъ толчкомъ и тележка покачнулася на бокъ. Я едва удержался на мѣстѣ, инстинктивно ухватившись за край тележки. Соскочило переднее колесо. Пока ямщикъ исправлялъ поврежденіе и отыскивалъ вывалившуюся чеку, я осматривалъ окружающіе меня дома и читалъ надписи ихъ владельцевъ. Катастрофа случилась около дома купца Аллилуева. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ быть въ Рогожской; домъ принадлежалъ той же фамиліи, и не было замѣтно снаружи въ немъ никакихъ перемѣнъ. Видно, что рогожцы народъ консервативный. Остановился я на углу Петровки и Кузнецкаго моста въ гостиницѣ Франція, содержимой въ то время знаменитымъ Морель—патріархомъ всѣхъ теперешнихъ содержателей оперетокъ, кафе-шантановъ и разныхъ увеселительныхъ садовъ.

Комнаты были доступной цѣны. Я платилъ за номеръ съ альковомъ для кровати—рубль. Обѣдъ стоилъ тоже рубль. Гостиница была первоклассная; въ настоящее время въ подобныхъ гостиницахъ такихъ цѣнъ не существуетъ. Переодѣвшись въ парадную форму, я отправился явиться въ Комендантское правленіе.

Московский комендантъ Генералъ-Лейтенантъ Кизмеръ былъ мой старый знакомый по Севастополю. Я немедленно былъ приглашенъ бывать у него, тѣмъ болѣе, что у насъ были общіе свойственники. Отъ коменданта я поѣхалъ на Поварскую къ крестному отцу моему и брату моего дѣда, у котораго былъ собственный домъ рядомъ съ церковью Симаона Столпника (теперь Грачева).

Дядь былъ богатый Московскій баринъ, хлѣбосолъ, большой пріятель Графа Закревскаго, съ которымъ въ молодости служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ бытность Графа Министромъ.

Москва была полна пріѣзжими, и оживлена необыкновеннымъ суетнымъ движеніемъ на улицахъ. Всѣ готовились къ предстоящей коронаціи. Двойной комплектъ гвардейскихъ полковъ стоялъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ. Кромѣ дѣйствующихъ 12 полковъ, было 12 полковъ резервныхъ. Посрединѣ Ходынского поля устроена была огромная ротонда, въ которой давались танцевальныя вечера.

Гвардейская кавалерія стояла частью въ Москвѣ, на многочисленныхъ въ то время постоянныхъ дворахъ, а частью въ окрестныхъ деревняхъ.

Московское общество проводило лѣто въ Москвѣ. Мамыньки съ дочками ѣздили два раза въ недѣлю на танцевальныя вечера въ Ходынскую ротонду, куда собиралась и гвардейская молодежь. Домъ Московскаго Генералъ-Губернатора былъ приготовленъ для жительства Великаго Князя Константина Николаевича. Графъ Закревскій жилъ въ домъ Оберъ-Полиціеимейстера. Оберъ-Полиціеимейстеръ въ Сущевской части. Дочь графа Закревскаго—Графиня Л. А. Несельроде жила на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ и ни на какіе выходы и балы не выѣзжала.

Въ Москвѣ всѣ стремленія, всѣ толки сводились къ одному—къ торжеству предстоящаго, въ скоромъ времени, священнаго коронаванія.

* Чинъ коронаціи учрежденъ въ Россійскомъ Государствѣ со времени Великаго Князя Владимира Всеволодовича, когда Греческій Царь Константинъ Мономахъ прислалъ этому Государю въ XII столѣтіи животворящій крестъ изъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ на золотомъ блюдѣ, святыя бармы или ожерелье съ иконами для ношенія на раменахъ, цѣпь арабійскаго золота и сердоликовую краблицу Августа Цезаря Римскаго.

*) Коронаціонный альбомъ, изданный Министерствомъ Императорскаго Двора.

Съ того времени Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ и нарекается Мономахомъ.

При перенесеніи престола въ Москву, чинъ этотъ и совершается въ ней въ Успенскомъ соборѣ.

Сохранилось описаніе торжествъ коронацій Великаго Князя Дмитрія Іоанновича (внука Іоанна III). Царя Іоанна Грознаго, Θεодора Іоанновича, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михайла Θεодоровича, Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, по примѣру Греческихъ Императоровъ, первый приобщился въ св. Алтарѣ, какъ церковнослужители или первые христіане, особо отъ тѣла и особо отъ крови Христовой. Онъ былъ послѣднимъ изъ Россійскихъ Государей, вѣнчавшихся Мономаховыми регалиями.

Для общаго коронаванія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изготовлены были новые одинаковые кресты, короны, бармы, скипетры и державы. Петръ I первый изъ царей торжественно короновалъ свою супругу Екатерину I.

При коронаваніи Императора Петра II въ первый разъ вынесены были въ числѣ регалій государственное знамя, мечъ и печать, а съ Императорскою мантиєю алмазная цѣпь ордена Св. Андрея Первозваннаго. При коронаваніи Императрицы Анны Іоанновны въ первый разъ раздавались знатымъ особамъ золотыя и серебряныя медали, вычеканенныя по случаю этого событія; обычай этотъ удержался до днесь.

Коронація Императрицы Елисаветы была торжественна; особо замѣчательнъ былъ въѣздъ Императрицы изъ с. Всесвятскаго, кортежъ заключался изъ 34 парадныхъ варетъ; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ. Такимъ же торжествомъ отличалась Коронація Императрицы Екатерины II.

Императоръ Павелъ I имѣлъ въѣздъ изъ Петровскаго дворца, построеннаго его матерью. Короновался въ дагматикѣ, съ нимъ же короновалась Императрица Марія Θεодоровна.

Императоръ Александръ I короновался въ военномъ мундирѣ, съ нимъ же короновалась Императрица Елисавета Алексѣевна.

Коронація Императора Николая I отличалась тѣмъ, что Его Величество возсѣдалъ не на персидскомъ тронѣ, а на алмазномъ тронѣ Царя Алексѣя Михайловича, а Императрица Александра Ѳеодоровна на золотомъ тронѣ Царя Михаила Ѳеодоровича. Мѣропомазаніе совершалось изъ драгоценной крабицы Августа Цезаря Римскаго. Государь прикладывался ко кресту, осѣнявшему грудь Петра Великаго во время Полтавской битвы.

Вотъ даванныя, на основаніи которыхъ было устроено торжественное коронованіе Императора Александра II.

Для устройства чина коронованія и предстоящихъ празднествъ учреждена была коммиссія подъ наблюденіемъ Министра Двора Графа Владиміра Ѳеодоровича Адлерберга. Въ званіе Верховнато Маршала облеченъ былъ Д. Т. С. I-го класса Князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ.

Пышность, сопровождавшая торжества ни въ какихъ странахъ, ни въ какія времена не бывавшая. Воздвигнутый повелѣніемъ Императора Николая Кремлевскій дворецъ соединилъ въ себѣ древнія драгоценныя святыни, вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ по своему устройству единственное въ мірѣ для предстоящихъ празднествъ помѣщеніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ 760 лѣтъ тому назадъ поставлены первые великокняжескіе покои, гдѣ въ началѣ XVI столѣтія Великій Князь Василій Іоанновичъ соорудилъ золотыя и жилыя хоромы, сохраненныя въ первобытномъ видѣ, только обновленныя. Грановитая Палата, съ Краснымъ крыльцомъ, Святыя Сѣви, Тайникъ, Терема, Царицыны Палаты и вообще всѣ сокровища русской старины, собранныя въ оружейной палатѣ. Святыни церковныя и святыни историческія, служа основаніемъ Императорскому Кремлевскому дворцу, окружены новыми постройками, соотвѣтствующими расширенію Имперіи. Весь второй этажъ вновь возведенной постройки заключаетъ въ себѣ нѣсколько роскошныхъ залъ, получившихъ названіе въ память Россійскихъ знаменъ отличія.

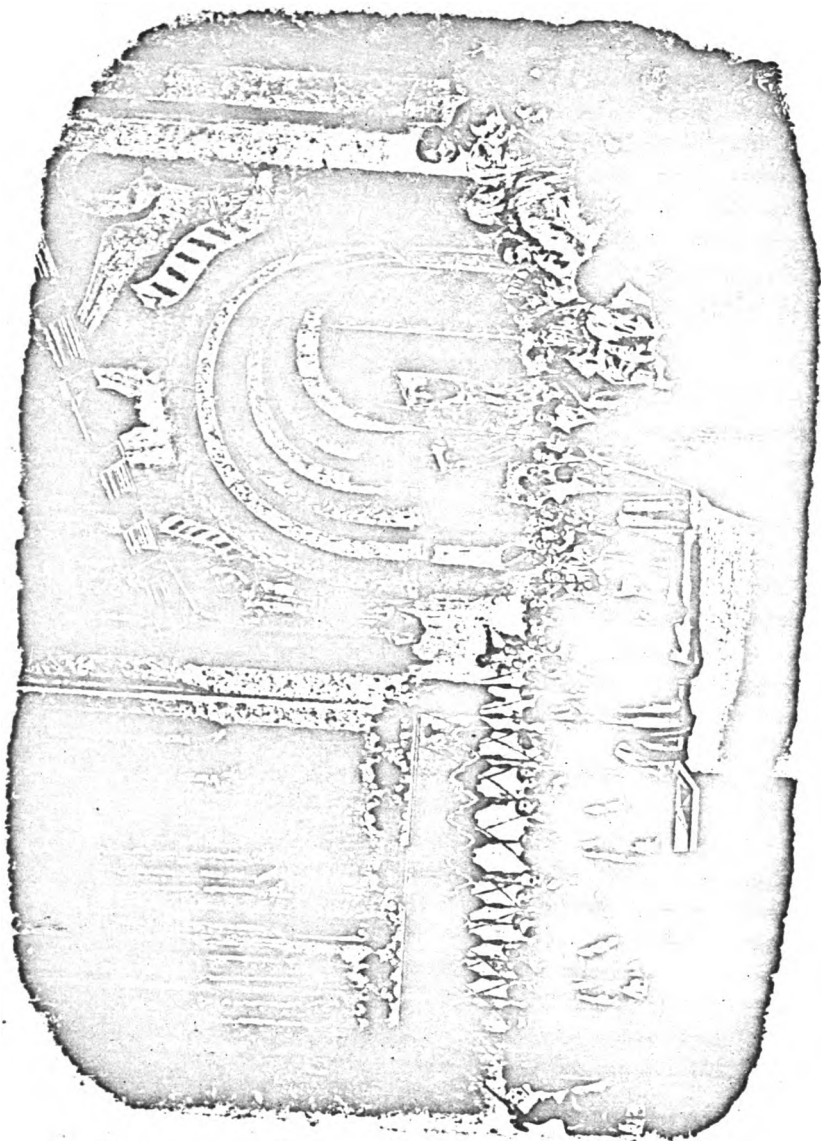
Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ состоялъ Графъ Арсеній Андреевичъ Загребскій, Гражданскимъ Губернаторомъ былъ Генералъ-Маіоръ Синельниковъ.

Еще до прїѣзда Царской фамилии разнесся слухъ, что Нахѣстинкомъ Кавказа назначается Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій, любимый адъютантъ Государя, когда онъ былъ еще наследникомъ престола. Слухъ этотъ подтверждался еще тѣмъ, что войска, временно посланные на Кавказъ во время Восточной войны оставлены были на Кавказѣ. Говорили, что система веденія кавказскихъ войнъ будетъ радикально измѣнена. Массой военныхъ силъ кавказскія независимыя племена будутъ раздавлены и на Кавказѣ водворится счастливая и спокойная идиллія. Московскія кумушки и бабушки засуетились, стараясь всѣми способами прикомандировать своихъ любимцевъ къ новому восходящему свѣтилѣ. Многимъ это и удалось.

Во время сбора войскъ на Ходынскомъ полѣ, для присутствія на коронаціонныхъ торжествахъ, Губернаторомъ Синельниковымъ былъ устроенъ павильонъ на Ходынскомъ полѣ, гдѣ молодежь собиралась танцевать два раза въ недѣлю. Я помню, что я прїѣхалъ туда въ первый разъ и былъ пораженъ красотою г-жи Дубельтъ, дочери А. С. Пушкина, такъ выделялась она изъ толпы своихъ сверстницъ.

Въ Москвѣ было два коменданта. Старшій генералъ-лейтенантъ Н. П. Кизмеръ былъ только что переведенъ изъ Севастополя (гдѣ занималъ такую же должность). Онъ занималъ большую квартиру въ потѣшномъ дворцѣ въ Кремлѣ (бывшій домъ бояръ Милославскихъ), третій и четвертый этажъ дворца; но былъ холостымъ, ему много было и третьяго этажа, гдѣ находилось 12 большихъ комнатъ; четвертый же этажъ былъ не меблированъ и оставался пустымъ.

Комендантское Правленіе, занимавшее второй этажъ, на время коронаціи, было перемѣщено за Москву рѣку въ домъ Пылиньскаго, гдѣ теперь Маринское женское училище. Для скорѣйшаго сообщенія Кремля съ Комендантскимъ Правленіемъ, былъ сдѣланъ временный деревянный мостъ черезъ рѣку. Въ помѣщеніи Комендантскаго Правленія въ Кремлѣ была устроена квартира дежурнаго Генерала, Генералъ-Адъютанта Катенина. Второю комендантъ въ

Митрополитъ Филаретъ провозноситъ рѣчь Императору Александру II, когда Онъ.
приблизился къ паперти Успенскаго Собора.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Москвѣ былъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Саморуго. Государыня Императрица Марія Александровна во время представленія заинтересовалась оригинальностью фамиліи Барона и спросила, откуда происходитъ его родъ. Баронъ отвѣтилъ Ея Величеству, что родъ его происхожденія итальянскаго. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Московскій Комендантъ Генералъ Кизмеръ предложилъ мнѣ занять при немъ должность плацъ-адъютанта, освободившуюся за переходомъ плацъ-адъютанта Золотарева адъютантомъ къ Графу Закревскому. Тотчасъ написано было требованіе въ полкъ о высылкѣ моего формулярнаго списка и доложено Графу Закревскому, по полученіи согласія котораго я считалъ себя почти уже опредѣленнымъ на мѣсто. Часто судьба, или случай разрушаетъ почти оконченное зданіе.

Вслѣдъ за прїѣздомъ Двора въ Москву, Министръ Двора Графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ, обозрѣвая что-то въ Кремлѣ, былъ недоволенъ распоряженіями Маіора—отъ воротъ полковника Ильина, и выразилъ ему свое неудовольствіе въ рѣзкой формѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Ильинъ былъ совершенно правъ. Графъ извинился передъ нимъ, сказавъ: «я влиовать, проси у меня что хочешь». Полковникъ Ильинъ просилъ, чтобы Графъ Владиміръ Федоровичъ ходатайствовалъ у Графа Закревскаго о назначеніи сына его Петра Ивановича на имѣющуюся вакансію Плацъ-Адъютанта. Графъ Адлербергъ согласился и письмо къ Графу Закревскому было отправлено. Въ письмѣ Графъ упомянулъ, что назначеніе Ильина Графъ принимаетъ за личное себѣ одолженіе.

На другой день Закревскій потребовалъ меня къ себѣ,---показалъ письмо и сказалъ, что при всехъ желаніи исполнить обѣщаніе, мнѣ данное, онъ не можетъ идти противъ желанія Графа Адлерберга. Графъ обѣщался хлопотать о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ 3-й Гвардейской Дивизіи, которая по окончаніи Коронаціонныхъ празднествъ останется въ Москвѣ для занятія карауловъ.

Бывъ частнымъ образомъ прикомандированъ къ ординарсъ-гаузу для изученія службы, я долженъ былъ удалиться въ отпускъ, продолженный мнѣ Корпуснымъ Коман-

диромъ .Инпранди. Но телескопъ перевернулся и показалъ новые виды.

На вечеръ у Комеданта Кизмера, въ числѣ приглашенныхъ гостей находился Государственный Секретарь Владиміръ Ивановичъ Будковъ. Я игралъ въ ералашъ въ дамской партіи. Владиміръ Ивановичъ Будковъ сидѣлъ около нашего стола и сыпалъ каламбуры и экспромты не великопостыжнаго пошиба. Дамы смѣялись—одни я сидѣлъ угрюмый. После одного каламбура Будковъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „отчего я набрасываю тѣнь на обружающія меня звѣзды?“ Одна изъ красавицъ передала ему случившееся со мной обстоятельство и при окончаніи прибавила: „Вотъ Вы умный человекъ, пособили бы ему“. А какая будетъ мнѣ награда? сказалъ Будковъ. „Я васъ поцѣлую“. Былъ отвѣтъ. Руку при свидѣтеляхъ, отвѣтилъ Будковъ. Всѣ посмѣялись и конечно приняли за шутку, позабыли разговоръ. Спустя нѣсколько дней былъ объявленъ Высочайшій приказъ: „Въ Богъ почившій Императоръ Александръ I въ 1814 году приказать изволилъ: чтобы на должности планъ-адъютантовъ назначались офицеры изъ числа раненныхъ, между тѣмъ усматривается, что приказъ этотъ не исполняется. Почему Государю Императору угодно было подтвердить, чтобы должности эти замѣнялись ранеными офицерами. Когда представленіе Пашва достигло Главнаго Штаба, его вернули Графу Закревскому съ отказомъ. Я былъ вновь представленъ и утвержденъ въ должности. Графу Адлербергу послали отъ Закревскаго извинительное письмо въ невозможности исполнить его просьбу. Все это сдѣлалъ Владиміръ Ивановичъ, благодаря своей необычайной памяти вспомнилъ существованіе стараго приказа и напомнилъ о немъ Военному Министру Сухопуту.

* Уже въ концѣ іюля начали прибывать иностранные. Принцы и окредитованные послы. Прибыло восемь принцевъ крови и 138 членовъ дипломатическаго корпуса.

Войскъ гвардіи и гренадеръ сосредоточено было въ Москвѣ до 80 тысячъ.

* Коронаціонный Альбомъ.

Официальныя церемоніи начались съ прибытіемъ изъ С.-Петербурга Императорскихъ регалій. Августа 11-го и 12-го прибыли въ Москву Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини: Елена Павловна и Еватерина Михайловна съ супругомъ, Принцъ Ольденбургскій съ супругой и дѣтьми. Августа 13 прибыла вдовствующая Императрица Александра Осодоровна, пожелавшая присутствовать на коронаціи. Государынѣ сопутствовала Великая княгиня Марія Павловна—вдова Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, Великій Князь Николій Николаевичъ съ супругою Александрою Петровною.

Государь Императоръ прибылъ 14 августа въ 10 часовъ 25 мин. вечера на станцію Химки выѣсть съ Государыней Императрицей Маріей Александровной, въ сопровожденіи наследника Цесаревича Николая Александровича, Великихъ Князей Александра, Владиміра, Алексѣя Александровичей, Великой Княжны Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны съ Августѣйшими ихъ дѣтьми и Великой Княгини Маріи Николаевны.

Въ Химкахъ была первая встрѣча, и отъ станціи экипажи направились по вновь устроенному шоссе до Петровскаго дворца. Путь освѣщался иллюминаціей. Весь путь до Петровскаго дворца былъ занятъ несмѣтною толпою. Дорожный экипажъ Государя остановился у воротъ дворца. Государь вышелъ изъ кареты, встрѣченный Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ Закревскимъ и другими властями; отвѣтивъ на ихъ привѣстіе, Государь поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Преображенскаго полка и вошелъ во дворецъ, гдѣ прослушалъ краткое молебствіе, снова вышелъ на крыльцо, принять ординарцевъ и, сказавъ нѣсколько словъ присутствующимъ властямъ, удалился на покой.

15 и 16 августа Государь осматривалъ войска, собранныя на Ходынскомъ полѣ и подъ Москвою.

Торжественный въѣздъ въ столицу былъ назначенъ 17 августа въ три часа дня.

Въ 12 часовъ начали строиться на предназначенныхъ мѣстахъ — кавалерія вдоль шоссе, за городомъ, пѣхота — по улицамъ.

Большинство домовъ на Тверской было украшено флагами, коврами, цвѣтами и гирляндами. Члены дипломатическаго корпуса помѣщались въ роскошномъ домѣ Бѣло-сельскаго-Бѣлозерскаго (теперь Елисѣева), гдѣ хозяева угощали ихъ роскошнымъ завтракомъ. Высшее общество Москвы наполняло трибуны Англійскаго клуба, нарочно устроенныя на дворѣ зданія. У триумфальныхъ воротъ, на площади старыхъ Триумфальныхъ воротъ, при пересѣченіи Садовой съ Тверской, на Страстной площади, у Воскресенскихъ и Спасскихъ воротъ выстроены были галереи въ древне-русскомъ стилѣ, все это сплотивъ было переполнено публикой.

Послѣ 9 выстрѣловъ изъ орудій, поставленныхъ на разводной площадкѣ Кремля, загудѣли всѣ колокола церковей. Затѣмъ тронулось шествіе изъ Петровскаго дворца. Шествіе открывалъ Полціймейстеръ и 12 жандармовъ. Затѣмъ ѣхали войска, дворяне, депутаты азіатскихъ народовъ. За ними Государевъ дворъ, лакеи и егеря.

За ними въ открытомъ фартонѣ въ 6 лошадей ѣхали два церемоніймейстера съ жезлами. Потомъ ѣхалъ оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ, украшеннымъ знаменитымъ изумрудомъ. Далѣе слѣдовалъ церемоніймейстеръ и 25 камеръ-юнкеровъ верхами, за ними церемоніймейстеръ и 11 камергеровъ.

Слѣдующіе номера составляли четырехмѣстныя кареты, въ которыхъ ѣхали вторые чины двора, за ними первые чины двора, далѣе слѣдовали Члены Государственного Совета. Потомъ Оберъ-Гормейстеръ Графъ А. И. Шуваловъ. лейбъ-эскадронъ Кавалергардовъ. За нимъ Государь Императоръ въ лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. Потомъ ѣхали Великіе Князья: Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Князь Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, Николай Максимілиановичъ, Принцъ Петръ Ольденбургскій,

Его Высочайшее Высочество Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлецкій и иностранные гости, Министръ Двора и свита Государя. Ея Императорское Величество Государыня Александра Теодоровна въ золотой каретѣ время Императрицы Екатерины II, запряженной 8-ю гвѣдыми лошадьми съ сидящими на ремняхъ пажами, окруженная придворными служителями и казаками, въ сопровожденіи Генералъ-Адъютанта верхомъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ каретѣ, подаренной въ 1746 году Королемъ Пруссій Фридрихомъ Великимъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Карета окружена такъ же, какъ у Императрицы Александры Теодоровны. Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія Княгини Марія Павловна и Александра Юсифовна. Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Елена Павловна и Марія Николаевна. Лейбъ-эскадронъ кирасирскаго полка заключалъ великолѣпный отдѣлъ каретъ. Статскія дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины и фрейлины въ четверомѣстныхъ каретахъ.

При вступленіи въ столицу произведенъ 71 выстрѣлъ. Генералъ Губернаторъ послѣ встрѣчи присоединился къ свитѣ. Въ землемѣрѣ городъ встрѣтила дума. Въ бѣломъ городѣ—дворянство. У Воскресенскихъ воротъ Губернаторъ, гдѣ Государь сошелъ съ коня и совместно съ обѣими Императрицами, выслушавъ краткое молитвословіе, приложился къ иконѣ. У Спасскихъ воротъ встрѣтилъ Государя Комендантъ. У Успенскаго Собора Сенатъ. Въ придверіи Собора Ихъ Величества на паперти были встрѣчены Св. Синодомъ. Въ Соборѣ ожидали знатныя особы обоего пола. Когда Государь вступилъ въ Соборъ, то сдѣлано было 85 пушечныхъ выстрѣловъ. При вступленіи Государя во Дворецъ послѣ посѣщенія Соборовъ, Государь, встрѣченный Маршаломъ священнаго Коронованія Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, прошелъ въ покои, причемъ было сдѣлано 101 пушечныхъ выстрѣловъ. Ослѣпительныя позолотою экипажи, блескъ мундировъ, украшеніе домовъ, лошадей и вообще все шествіе, при блескѣ солнечныхъ

лучей было необычайно и народъ оглашалъ воздухъ при-
ветственными кликами.

18 августа Государь присутствовалъ на парадъ Преоб-
раженскаго полка, затѣмъ былъ въ Оружейной Палатѣ,
при приближѣ новаго Государственнаго знамени взявъ
ветхого стараго. Въ 5 час. пополудни Государыня Импе-
ратрица Александра Ѳеодоровна отбыла на свою дачу Але-
ксандрію, а Государь Императоръ съ семействомъ въ Ост-
анкино; принадлежащее графу Шереметеву, гдѣ Государь
пробылъ до 25 числа. Государь тамъ говѣлъ и причастил-
ся Святыхъ Тайнъ. Ежедневно отъ Московскаго комендан-
та посылался рапортъ Государю съ плацъ-Адъютантомъ. Го-
сударь не тревожилъ старика Кнзмера дальними повѣзками.

Старинный дворецъ Села Останкина къ прибыду Госу-
даря былъ заново реставрированъ и могъ служить досто-
инымъ пребыванію въ немъ Державнаго вождя русскаго Го-
сударства.

* 25 августа въ четвертомъ часу Императорскія регалии
перенесены изъ Оружейной палаты въ Андреевскую залу
при обычномъ церемоніалѣ. Большая Императорская ко-
рона сдѣлана при Императорѣ Павлѣ I и цѣнится болѣе 3
милліоновъ руб. Кромѣ брилліантовъ въ ней вставленъ
рядъ рѣдкихъ жемчуговъ и огромный рубинъ, купленный
при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Малая корона Императ-
рицы цѣнится въ 15 тысячъ. Въ скипетръ вставленъ брил-
ліантъ, приобретенный при Императрицѣ Екатеринѣ II,
считающійся однимъ изъ первыхъ въ мірѣ.

Съ 25 числа происходило ежедневное торжественное объ-
явленіе народу о священномъ коронаваніи, для чего еже-
дневно назначались три Генералъ-Адъютанта, два корона-
ціонныхъ Оберъ-Церемоніймейстера, два Сенатскихъ сек-
ретаря, всѣ верхами, при нихъ два эскадрона—одинъ Ки-
валергардскаго, а другой отъ Лейбъ-гвардіи коннаго пол-
ка съ трубачами. При нихъ служители 12 заводныхъ ло-
шадей въ статѣхъ ливрейхъ.

Отрядъ раздѣлялся на двое и каждый шествовалъ по
назначеннымъ ему мѣстамъ. Иностранные послы и послан-

*) Коронаціонный Альбомъ.

ники были извѣщены о днѣ коронаціи двумя церемоній-мейстерами.

Древній Успенскій Соборъ, построенный Великимъ Княземъ Іоанномъ III, былъ украшенъ роскошнѣйшимъ багдахиномъ изъ малинового бархата, съ коронами на верху его. Подъ багдахиномъ стоялъ тронъ. На особомъ возвышеніи посреди амвона были поставлены для Его Императорскаго Величества престолъ Царя Іоанна III, а для Государыни Императрицы Маріи Александровны престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича. По лѣвую сторону былъ приготовленъ столъ для Императорскихъ регалій. Вправо возвышалось особое Императорское мѣсто для Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Подъ багдахиномъ поставленъ былъ престолъ Царя Алексѣя Михайловича для Императрицы Александры Ѳеодоровны. Мѣста для присутствующихъ въ соборѣ во время священнаго коронованія были богато украшены золотыми бахрамами и гнѣзми. У стѣвъ внутри собора были приготовлены мѣста для иностранныхъ пословъ, посланниковъ, придворныхъ дамъ и другихъ особъ.

Грамовитая Палата, гдѣ по окончаніи церковной церемоніи былъ торжественный столъ, тоже была заново украшена.

Дипломатическій корпусъ собрался у французскаго посла Герцога Морни, въ квартирѣ его близъ Страстнаго Монастыря, откуда предшествуемый жандармскимъ эскортомъ прибыли въ 9 часамъ въ Успенскій Соборъ и размѣстились въ предназначенныхъ имъ мѣстахъ.

Синодальные члены находились въ Соборѣ, облаченные въ новыя ризы, нарочно для того изготовленныя. Представители другихъ христіанскихъ исповѣданій тоже находились въ соборѣ.

Четыре кавалергардскихъ офицера заняли мѣста на ступеняхъ амвона и тогда началось молебствіе.

На пути въ Успенскій Соборъ были разставлены, начиная отъ трона Андреевской залы, Дворцовые гренадеры, кавалергарды и лейбъ-гвардія коннаго полка.

Прочія войска имѣли, шъхота по одной ротѣ, а кавалерія по одному пѣшему взводу изъ дворца, въ самомъ же

дворецъ стояли по одному взводу: кавалергардовъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка въ Георгіевской залѣ и по одному взводу отъ 4-хъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ во Владимірской залѣ и взводъ лейбъ-кирасирскаго полка въ Святыхъ Сѣняхъ.

Первымъ былъ вынесенъ на красное крыльцо багдахинъ, подъ которымъ должна была шествовать въ Успенскій Соборъ Императрица Александра Ѳеодоровна. Ея Императорское Величество шествовала, имѣя ассистентамъ двоихъ своихъ сыновей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Багдахинъ несли 8 Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ, а шнуры отъ штанговъ поддерживали 8 Тайныхъ Совѣтниковъ.

Когда Императрица заняла приготовленное для нея мѣсто, то на красное крыльцо вынесенъ былъ 32 штабъ-офицерами багдахинъ, приготовленный для Государя Императора и Государыни Императрицы. Багдахинъ изъ золотой парчи, украшенный страусовыми перьями приняли 32 Генералъ-Адъютанта. Верховный учредитель доложилъ, что все готово; тогда Государь, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ прибылъ въ тронную залу, возсѣлъ тамъ на тронъ, послѣ чего по сигналу трубача началось торжественное шествіе.

1. Взводъ кавалергардовъ.
2. 24 пажа и 24 камеръ-пажа.
3. Два церемоніймейстера.
4. Волостныя Головы.
5. Головы купечества.
6. Представители иностраннаго купечества.
7. Городекая Дума.

Затѣмъ представители всѣхъ отдѣльныхъ учреждений.

Губернскіе Предводители Дворянства.

Сенаторы и Члены Государственнаго Совѣта.

Церемоніймейстеры.

Верховный Церемоніймейстеръ.

Два герольда въ уборѣ.

Императорскія регалии.

Взводъ Кавалергардовъ.

Гонъ-маршалъ.

Графъ Закревскій

Московскій Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъютантъ
Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Оберъ - Гофъ - Маршалъ

Верховный Маршалъ Князь С. М. Голицынь.

Его Императорское Величество, имѣя по сторонамъ Великаго Князя Константина Николаевича и Его Императорское Высочество принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, и позади Министровъ Императорскаго Двора и Военнаго и дежурство, въ левѣ св. Владимира и цѣпи св. Андрея Первозваннаго.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна, имѣя ассистентами Ихъ Великогерцогскихъ Высочествъ Принца Александра Гессенскаго и Герцога Георга Мекленбургъ-Стрѣлцаго. Государыня была въ левѣ св. Екатерины. За ней шли статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

Взводъ кавалергардовъ.

Россійское дворянство, Мануфактуристы, Имѣнное купечество и взводъ кавалергардовъ.

Священное Коронованіе произошло въ Успенскомъ Соборѣ, по окончаніи котораго на Императрицу Марію Александровну кромѣ короны возложенъ былъ знакъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Изъ Собора шествіе направилось по устроенному помосту въ Архангельскій, а потомъ въ Благовѣщенскій соборы, откуда Государь прослѣдовалъ по соединительной площадкѣ на Красное крыльцо, откуда троекратно кланялся народу и возвратился во внутренніе покои. Въ 3 часа былъ торжественный столъ.

Дипломатическій корпусъ не былъ приглашенъ къ обѣду, но былъ до него угощаемъ завтракомъ въ золотой палатѣ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Иллюминація погорилась 27 и 30 августа. Наградъ была масса: болѣе всѣхъ былъ награжденъ герцогъ Морицъ, который въ теченіе мѣсяца удостоился быть награжденнымъ знаками орденовъ св. Александра Невскаго, св. Владимира и св. Андрея Первозваннаго. Облегчены повинности и прощены недоимки до 600 рублей.

На другой день послѣ коронаціи приносили поздравленія въ Андреевской залѣ. Всѣхъ блюдъ было поднесено 81; изъ

ныхъ золотыхъ 10, серебряныхъ 61 и 10 различного достоинства. Въ тотъ же вечеръ былъ балъ въ грановитой палатѣ. 28-го былъ приемъ гражданскихъ чиновъ, а 29-го дамы первыхъ 6-ти классовъ. 30-го былъ большой выходъ къ обѣдѣ у Царя за золотой рѣшеткой, а вечеромъ торжественный спектакль во вновь отдѣланномъ послѣ пожара 1853 года Большомъ театрѣ. Спектакль состоялъ изъ оперы «l'Elezire d'Amore» и балета «Маритантка», были устроены великолѣпные буфеты во всѣхъ коридорахъ и фойе.

31 августа былъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для высшихъ властей. 1-го сентября въ Александровской залѣ для Губернскихъ Предводителей Дворянства, Городскихъ головъ и представителей регулярныхъ войскъ. 2 сентября былъ балъ въ Александровскомъ залѣ. Ужинъ въ Георгіевскомъ. 3-го были маневры. 4-го сентября былъ обѣдъ отъ Московскаго купечества въ городскомъ манежѣ близъ Кремля, а вечеромъ балъ у князя С. М. Голицына. 6 сентября послали въ Георгіевской залѣ, 8 сентября народный праздникъ на 672 столахъ на Ходынскомъ полѣ. 9 сентября большой маскарадъ во дворцѣ, гдѣ было 8000 приглашенныхъ дворянства и купечества. 10 балъ въ Благородномъ Собраніи. 11 балъ у англійскаго посла, 13 обѣдъ предводителямъ дворянства. 15 балъ у австрійскаго посла. 16 балъ у французскаго посла и обѣдъ купечеству во дворцѣ. 17 фелет-веръ противъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ назначенный день коронаціи, ясная и теплая погода обѣщала превосходный полусолнечный день. Кремль съ утра наполнился народомъ. Государь съ Августѣйшимъ семействомъ перѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ наканунѣ коронаціи. Разводная площадь была запружена народомъ; внутри соборной площади, на устроенной на ней эстрады пускали только по выданнымъ прежде билетамъ. Первымъ былъ вынесенъ багдахитъ вдовствующей Императрицы Александры Теодоровны, въ которомъ она тотчасъ же и прослѣдовала въ Успенскій Соборъ. Вскорѣ вынесенъ былъ багдахитъ для Государя и Государыни, несомый Генераль-Адъютантъ, подъ которымъ Ихъ Величества и прослѣдовали въ Соборъ.

Восторгъ народа, при видѣ Ихъ была неописуемъ, особенно, когда по совершеніи уже коронаціоннаго Таинства Ихъ Величества возвращались изъ Собора въ коронахъ, а Императрица въ возложенной на нее при коронаціи лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Долго, даже послѣ торжественнаго объѣда въ Грановитой Палатѣ, когда всѣ удалялись изъ дворца, разводя площадь была переполнена народомъ, выражавшимъ свою радость безчисленными криками ура.

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ. Блесталъ своимъ огнями и старый Кремль. Съѣздъ въ Москву Дворянства былъ огромный. Тогда еще не объѣдившее дворянство стремилось выказать върноподданческія чувства своему Государю. Всѣ стремились разными способами попасть на торжества, балы и смотры, на первые два—это было довольно трудно, не имѣлось такихъ обширныхъ помѣщеній, которые могли бы удовлетворить просьбы желающихъ.

Петербургская знать была полностью въ Москвѣ, и имѣла ходы въ администраціи и придворныхъ сферахъ, удовлетворялась первая.

Дороговизна въ Москвѣ чувствовалась всѣми, особенно издорожали наемъ экипажей и лошадей. До коронаціонныхъ торжествъ наемъ кареты на день стоилъ въ Москвѣ 4 рубля, въ дни коронаціи менѣе 20 рублей было немислимо имѣть экипажъ и то не изъ лучшихъ. За квартиры брали въ коронаціонный мѣсяцъ стоимость ея въ другое время въ годъ, конечно они должны были быть меблированы и снабжены посудой и бельемъ для постелей.

Во время коронаціи Императора Александра II я пробылъ въ Москвѣ, и хотя не официально, но пользовался правами будущей моей должности, а болѣе состоялъ при дамской половинѣ семейства коменданта. Во время торжественнаго въѣзда я сидѣлъ у Страстного монастыря на площади, въ домъ бывшемъ тогда Оберъ-Полиціймейстера Тимашева-Бернцга, а потомъ барона Шепинга; теперь проданъ Базыкину. При солнечной ясной погодѣ видъ на кортежъ, на просторной площади, восхитителенъ. Всѣ говорили о не-

обыкновенномъ въѣздѣ французскаго посланника графа Морни и замѣчательныхъ брилліантахъ Австрійскаго посла графа Эстергази. Придворные экипажи и лошади были на подборѣ; особенно обратила мое вниманіе запряжка швѣта Изабеллы, необыкновеннымъ своимъ колоритомъ. Государь на другой же день по въѣздѣ уѣхать жить въ с. Останкино, имѣніе графа Череметева, гдѣ говѣлъ. Французскій посолъ графъ Морни нанялъ два смежныхъ дома противъ Страстного монастыря—домъ Римско-Корсаковой (теперь 7 гимназія) и домъ Рахманова (теперь Живаго), оба дома были соединены проходомъ въ соединяющихъ ихъ стѣнахъ. Говорили, что первое время, графъ былъ у ногъ своей хозяйки Римско-Корсаковой, но увидавъ въслѣдствіи княжну Трубецкую, перемѣнилъ маневръ и началъ ухаживать за послѣдней, на которой въслѣдствіи и женился. Говорили много про эксцентрическія выходы Корсаковой, но онѣ не подвѣдывали на влюбленнаго графа. Эстергази занялъ на Пречистенскѣ домъ Толмачева (теперь Домовладѣльческаго Общества) и кромѣ найма за помѣщеніе въ домѣ, заплатилъ 15 тысячъ за право срубить деревья сада предъ домомъ. На этомъ мѣстѣ выстроена была палатка, въ которой ужинали во время бала. Англійскій посолъ лордъ Гренвилль нанялъ домъ графини Граціани (теперь Морозова) тоже на Пречистенскѣ, немного подалѣе. Балъ его замѣчательнѣе былъ тѣмъ, что за ужиномъ подали вареные раки, съ непріятнымъ запахомъ, на что выпущено было много остротъ и балабуровъ. Самый блестящій балъ былъ у Морни, особенно были замѣчательны вина за ужиномъ. Но все это ничего не стоило оборотливому французу. Графъ, по праву посла, ввезъ въ Россію безпощадно, такое огромное количество вина, что продажи остатковъ его, покрыла всѣ его коронаціонныя расходы. Въѣздъ Государя былъ изъ Петровскаго дворца. Впереди каретъ Императрицы ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ камеръ-юнкера и камергеры попарно. Лошади были доставлены изъ Кіева и Варшавы подъ начальствомъ жандармскаго полковника Трепова. Лошади были до того хорошо выѣжаны, что исполняли сами устную команду Полковника, который шелъ между лошадьми посреди дороги и

просить только одного, чтобы сидѣли смирно и не дергали понапрасно поводья. Всѣ покорились его просьбѣ, за исключеніемъ камеръ-юнкера Иванова, бывшаго впоследствии помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Ивановъ пожелалъ непременно ѣхать на своемъ превосходномъ пародерѣ и какъ полковникъ ни отговаривалъ его, онъ остался непреклоненъ. Повозка тронулась отъ дворца въ ясное тихое утро; все шло благополучно, передніе ряды достигли Триумфальныхъ воротъ, когда Государь показался изъ дворца, грянуло залпъ орудій, стоявшихъ на Ходынскомъ полѣ. Лошадь г-на Иванова извилась на дыбы, — ѣздокъ не удержался. Вскочили въ воздухъ бѣлые ножки, золотой мундиръ и Ивановъ свалился въ ровъ. Кряки: «держи лошадь» раздались по линіи, лошадь вско-рѣ была задержана и все пришло въ порядокъ, только парный камеръ-юнкеръ В. А. Дашковъ, долженъ былъ продолжать путь въ одиночествѣ. Присутствовалъ я также на куртагѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ. Народный праздникъ не удался: съ утра погода была ненастная, шелъ дождь и когда, передъ пріѣздомъ на праздникъ Государя Императора, начали пробовать не замочила ли веревка и хорошо ли поднимается флагъ Императорскаго павильона, то народъ принявъ это за начало праздника, кинулся на столы и выпить все было расхищено. Когда я только что выѣхалъ за Тверскую заставу за часъ до начала праздника, то встрѣтилъ уже толпу, возвращающаго народа. Дождь по-немногу усиливался и наконецъ обратился въ ливень. Когда Государь пріѣхалъ въ павильонъ то отъ праздника ничего не осталось, только жалкіе разрушенные остатки исправно полпвалъ дождь. Въ циркѣ въ мокрыхъ трико скакали наѣзники и кривлялись клоуны. Государь скоро уѣхалъ. — за нимъ тотчасъ же начала разъѣзжаться публика. Разъездъ былъ безпорядоченъ, экипажи ѣхали чуть не въ шесть рядовъ, а у заставы такъ скопились, что всѣ кареты остановились. Я ѣхалъ въ открытыхъ дрожкахъ и везъ съ собою правовѣда Кобылинскаго. Дрожки остановились между двухъ каретъ, движенія впередъ никакого. Дождь все усиливался. Изъ одной кареты вы-

шелъ Адъютантъ и спросилъ меня, какъ фамилія право-
вѣда. Оказалось въ каретѣ сидѣлъ Приицъ Петръ Геор-
гіевичъ (Ольденбургскій, начальникъ училища. Мой право-
вѣдъ страшно испугался, но благодаря Бога, все обошлось
благополучно. Военный парадъ былъ великолѣпенъ. Пара-
ды 1883 и 1896 сравнительно миниатюрны. Фейерверкъ,
устроенный въ Лефортовѣ, противъ Кадетскихъ корпусовъ,
также не удался. Была тихая безвѣтрная и сырая пого-
да. Дымъ отъ первыхъ ракетъ не унесло въ сторону и
онъ такъ сгущался, что съ половины мы слышали только
громъ и трескъ взрывовъ и въ туманѣ какіе-то огненные
языки. Эффекта никакого. Фейерверкомъ окончилось праз-
днество и начался разѣздъ Императорской фамиліи и
приглашенныхъ гостей. Тогда началась посланническая
торговля. Чрезвычайные посылы привезли винъ и другихъ
товаровъ безпошлинно въ Москву для своего употребленія.
Навезено было столько, что въ продолженіи нѣсколькихъ
мѣсяцевъ все это распродалось. Больше всѣхъ торговалъ
графъ Моринъ. Во время коронаціи пріѣзжала въ Москву
графиня Раппъ, дочь знаменитаго генерала Наполеона I,
который защищалъ и не сдавалъ Данцига, несмотря на
паденіе и плѣненіе Императора. Говорили, что графиня
Раппъ была замужемъ, но разсталась съ мужемъ и носила
свою дѣвичью фамилію. Графиня пріѣхала съ сыномъ маль-
чикомъ 12—14 лѣтъ, при немъ гувернеръ и нѣсколько
человѣкъ мужской и женской прислуги. Наняла графиня
въ Гагаринскомъ переулкѣ большой домъ Костіевской въ
15 комнатъ и расположилась тамъ большой барыней. На-
няла карету, лошадей и ѣздила по всѣмъ посламъ и знати.
Графиня хлопотала получить аудіенцію у Государя и
очень возмущалась, что Моринъ не оказывалъ ей никакого
содѣйствія. Она разсказывала, что искала содѣйствія Го-
сударя на полученіе ея большой суммы денегъ, слѣдую-
щихъ ей за заслуги отца. Мнѣ нѣсколько разъ приходи-
лось сопутствовать ей къ нашимъ Министрамъ Иностран-
ныхъ Дѣлъ и Императорскаго двора, графу Адлербергу.
Но кажется все ея хлопоты не увѣщались успѣхомъ. Уѣз-
жая во Францію, графиня пригласила меня посѣтить ее

въ Парижѣ гдѣ у нея былъ отель въ С. Жерменскомъ предмѣстьѣ. Когда я пріѣхалъ въ 1861 году въ Парижъ, то ея отель былъ проданъ, и она жила, хотя въ хорошей квартирѣ, но въ третьемъ или четвертомъ этажѣ и жаловалась, что Наполеоновское правительство разорило ее процессомъ, несмотря на заступничество русскаго правительства. Вообще вся эта исторія была какая-то странная, и всѣ ея рѣчи недосказанныя.

Графъ Закревскій, жившій во время коронаціи въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, по выѣздѣ изъ Генералъ-Губернаторскаго дома Великаго Князя Константина Николаевича, переѣхалъ въ свою квартиру. Берингъ изъ Сущевскаго частнаго дома въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Москва понемногу успокоивалась. Въ день коронаціи, сопровождаемая высокопоставленныхъ дамъ, я сидѣлъ въ комендантскихъ мѣстахъ, между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ Соборами, такъ что выходъ съ краснаго крыльца и прослѣдованіе въ Успенскій соборъ было мнѣ хорошо видно. Надъ Императрицей Александрой Ѳеодоровной несли балдахинъ именитые Московскіе дворяне, въ числѣ которыхъ былъ и мой дѣдъ.

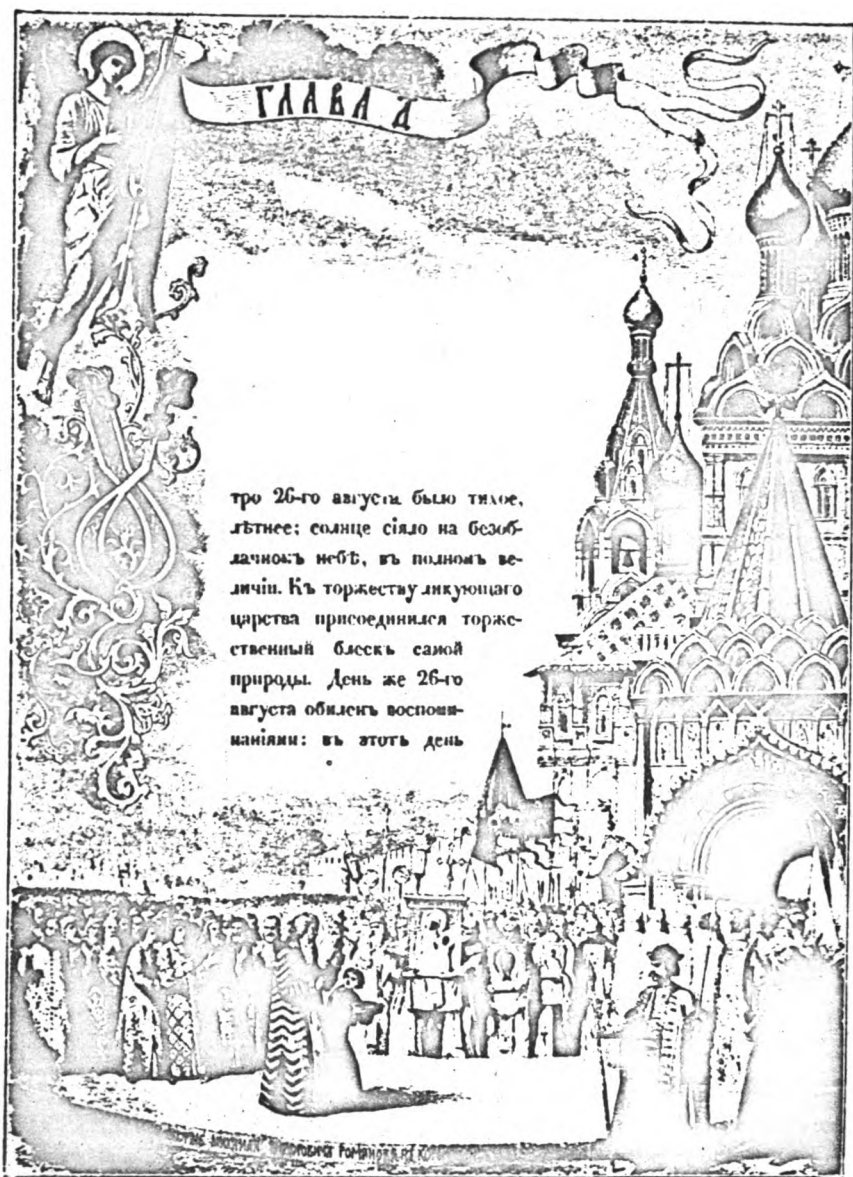
ГЛАВА II.

Мое утвержденіе въ должности плацъ-адъютанта.—Обязанности моей новой должности.—Генералъ Кизмеръ.—Баронъ Саморуго.—Независимость офицеровъ отъ полицейскихъ чиновъ.—Похороны отставнаго Генералъ-маіора Нарышкина.—Балы въ Московскомъ обществѣ.—Дома: Князя Львова, Римскихъ, Графини Паниной, Головинъ Никитскій, Головинъ Покровскій, Графъ Закревскій, Воейковы, Оболенскіе, Оболенская, Кудашева и другіе.—Балъ у Храповицкихъ.—Утренній балъ въ собраніи.

Въ декабрѣ 1856 года вступилъ я въ исполненіе моей должности. Служба плацъ-адъютанта въ Москвѣ была не трудная. По штату полагалось 12 плацъ-адъютантовъ при комендантѣ, но ихъ было 11; должность одного плацъ-адъютанта была превращена въ должность второго коменданта,

которую занимать генералъ - майоръ баронъ Саморуго Утревнїя занятія были не продолжительны, затѣмъ въ комендантскомъ управленіи оставался одинъ дежурный адъютантъ. Другой назначался дежурнымъ по городу, и долженъ былъ сидѣть дома, на случай пожара въ городѣ или другаго экстреннаго происшествія, куда онъ обязательно долженъ былъ немедленно явиться. Остальные адъютанты распределялись такъ: по одному должны были присутствовать въ Большомъ и Маломъ театрахъ. Если въ Благородномъ Собраніи былъ балъ или концертъ, то туда тоже назначался дежурнымъ адъютантъ. Такое же было дежурство и въ другихъ клуббахъ, если тамъ назначалось общественное увеселеніе. По распоряженію Государя Императора Николая I. такъ высоко ставившаго воинское званіе, никакая полицейская власть не имѣла никакого права, не только арестовать, но даже удалить или сдѣлать замѣчаніе офицеру, чѣмъ нибудь нарушившему общественныя правила. О всякомъ проступкѣ офицера тотчасъ полиціей докладывалось дежурному плацъ - адъютанту и послѣднимъ дѣлалось соответствующее распоряженіе. Да иначе и быть не могло. Полиція въ большинствѣ случаевъ состояла изъ служебныхъ отбросовъ, которые не только тайно, но даже явно брали взятки, не стѣсняясь ни общественнымъ мнѣніемъ, ни тысячею глазъ, смотрящихъ на это беззаконіе. Офицеръ ни въ какомъ отношеніи не былъ подчиненъ паружной полиціи, которая могла только довести комендантскому управленію о сдѣланномъ имъ нарушеніи. Плацъ - адъютантъ даже и въ день свободный отъ служебныхъ занятій, имѣлъ бесплатный входъ во все театры и увеселительныя мѣста. Старшїя - адъютанты старались избѣгать парядовъ въ маскарады, мѣшаясь съ молодежью и брали на себя дежурство въ Комендантскомъ управленіи или дежурство по городу. Кизмеръ любилъ бывать въ хорошемъ обществѣ высшаго круга, и если почему нибудь не могъ посѣтить бала или раута, то требовалъ, чтобы я утромъ до выѣзда его изъ дома сообщалъ ему выдающіеся событія вчерашняго бала.

Въ старшину въ Кремлѣ, въ домѣ бояръ Милославскихъ,

Первая коронація дома Романовыхъ.
Изъ альбома, издавнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

отца первой супруги Царя Алексѣя Михайловича, переименованнаго при Императорѣ Петрѣ I въ потѣшный дворецъ помѣщалось Московское Комендантское управленіе, квартира 1-го Московскаго коменданта, и Военно Окружной Судъ. Состоя адъютантомъ при комендантѣ генералъ-лейтенантѣ Иванѣ Ивановичѣ Кизмерѣ, мнѣ было хорошо извѣстно обстоятельство жизни этого учрежденія, которое и прилагаю тутъ.

По кончинѣ перваго московскаго коменданта генералъ-лейтенанта Дебанъ-Скоротецаго, въ 1855 году, на занимаемое имъ мѣсто Государемъ Императоромъ Александромъ II былъ назначенъ въ Москву севастопольскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ, выдержавшій на своемъ прежнемъ посту первую часть осады города Севастополи.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ 1802 г. въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Во время назначенія его московскимъ комендантомъ онъ былъ сѣдмилетнимъ старцемъ, средняго роста, тучнаго телосложенія. Генералъ Кизмеръ никогда женатъ не былъ; проведя всю свою жизнь холостымъ, любилъ разсказывать про веселые годы своей молодости. Разсказывая про первый прѣздъ свой въ Москву въ 1802 году, когда онъ остановился въ первопрестольной у какихъ-то своихъ родственниковъ, онъ повѣствовалъ про веселую жизнь въ Москвѣ молодыхъ прѣзжихъ петербургскихъ офицеровъ того времени. Жизнь въ тогдашней Москвѣ почти ничего ему не стоила. Ежедневные званые обѣды и вечера поглощали все время. Единственный расходъ, который онъ производилъ на себя, была наемная коляска парой; но она стоила ему всего 2 рубля ассигнаціями въ день. Подъ старость онъ любилъ окружать себя веселою женскою молодежью. На вечерахъ его въ общирной комендантской квартирѣ было постоянно пѣніе и музыка.

Особенно увлекала всѣхъ своею красотой и голосомъ княгиня Мещерская. Онъ также былъ не прочь посѣщать вечера, устраиваемые для веселящейся молодежи. Графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде, дочь тогдашняго генералъ-

губернатора графа Закревскаго, прозвала его вѣтреною блондинкой, намекая атимъ на совершенно бѣлую и густую его шевелюру. Кизмеръ терпѣть не могъ, тогда кто-нибудь называлъ его Иваномъ Ивановичемъ, и выдавалъ себя за нестараго русскаго, хотя по вѣронепонѣданію былъ лютераниномъ. Кизмеръ былъ аккуратенъ въ своихъ дѣлахъ, какъ истый нѣмецъ, и не любилъ, когда ктонибудь, даже за глаза, говоритъ, что онъ нѣмецъ. Самъ же любилъ, когда ему рассказывали анекдотъ про его предшественника Дебанъ-Скоротецкаго, фамилію котораго никакъ не могли запомнить солдаты. Коменданту донесли, что солдаты коверкаютъ ее на свой ладъ. На писемкотокомъ смотрѣ онъ спросилъ солдата: кто комендантъ Москвы? Бравый служака, вытянувшись въ стружку, безъ запинки отвѣтилъ: «Демонъ-Замоскворѣцкій, ваше превосходительство!» Для легкости обученія такъ заставляли ефрейтора заучить новобранцевъ мудреное прозвище генерала, чтобы удержать его въ солдатской памяти. Самъ ты чортъ! — отвѣтилъ комендантъ и молча покончилъ смотрѣ.

Весь настоящій потѣшный дворецъ, то-есть бывшій домъ бояръ Милославскихъ, родителей первой супруги царя Алексея Михайловича, былъ занятъ комендантомъ и его канцеляріей. Въ нижнемъ этажѣ была квартира аудитора. Антре-соли занимало комендантское управленіе. Третій, а также четвертый этажи предназначались для квартиры коменданта.

Кизмеръ занималъ только третій этажъ, въ которомъ было около 15 комнатъ, четвертый же этажъ стоялъ пустымъ со смерти коменданта генерала Стала, у котораго была большая семья, едва умѣщавшаяся въ двухъ этажахъ. Познакомился я съ Кизмеромъ еще въ Севастополь, когда, по должности ординарія адмирала Петрова, сдавалъ ему знамена на храненіе отъ войскъ, помѣщавшихся въ передовыхъ траншеяхъ крѣпости, но коротко сошелся съ нимъ по возвращеніи моемъ изъ Севастополя. Его родственника, выпла за мужъ за моего родственника, Прокопосича-Антопскаго, и потому въ Москвѣ я былъ принятъ имъ какъ свой человекъ. Комендантъ предложилъ мнѣ поступить къ нему

адъютантомъ. Пока шла переписка, я находился больше при многочисленной фалангѣ его родственницъ, оставовившихся у него по случаю прѣзда на коронацію Императора Александра II, и обязанъ былъ сопровождать ихъ на всѣ торжества коронаціи. Вторымъ комендантомъ Москвы былъ въ это время баронъ Саморуго, попавшій въ комендантское управленіе изъ карабинернаго полка въ Москвѣ, расположеннаго въ то время въ Крутицкихъ и Красныхъ казармахъ. Во время коронаціонныхъ торжествъ 1856 года, когда представляли Государынь Императрицъ Маріи Александровнѣ второго коменданта, то фамилія его такъ поразила Императрицу, что она тутъ же спросила его какой онъ національности по происхожденію. «Я итальянецъ», отвѣтилъ баронъ Саморуго.

Ежедневно, къ 11 часамъ утра, Кизмеръ въ коляскѣ отправлялся въ генераль-губернаторскій домъ съ рапортомъ, откуда возвращался въ первомъ часу и совершалъ обычную свою прогулку по Александровскому саду, затѣмъ возвращался домой для обычныхъ занятій и официальныхъ выѣздовъ. Обѣдалъ комендантъ ровно въ 4 часа. Кромѣ родственниковъ его изъ семейства Костіевскихъ и мецъ, его адъютанта, къ обѣду къ нему никто не приглашался. Послѣ обѣда—часовой сонъ въ креслѣ, а въ 7 часовъ—побѣдка куда-нибудь на музыкальный или карточный вечеръ. Въ театрѣ комендантъ ѣздилъ не часто, хотя имѣлъ въ обоихъ театрахъ въ первомъ ряду даровыя кресла.

Поступилъ я адъютантомъ къ Кизмеру послѣ службы моея на Кавказѣ и на Малаховомъ курганѣ въ Сѣнастополь, гдѣ требовалось дѣло, а не китайскія церемоніи и потому я плохо или, вѣрнѣе сказать, почти вовсе не зналъ гарнизонной службы. Въ первый разъ когда мнѣ пришлось ѣхать съ комендантомъ въ его коляскѣ, я, разговаривая съ нимъ, машинально приложилъ руку къ козырьку каски, увидавъ вытянувшася въ струнку и остановившагося передъ нами солдата. «Что вы дѣлаете!» вдругъ услышать я окрикъ моего генерала. Не понявъ причины его возгласа, я въ недоумѣніи, прервавъ мою рѣчь, обратилъ взоръ мой на изволновавшее лицо генерала, недоумѣ-

вая, чѣмъ бы могъ я проявиться въ почтительной рѣчи, обращенной мною къ моему принципалу.

«При старшихъ младшій не можетъ отвѣчать на поклонъ», объявилъ мнѣ мой начальникъ. Многолѣтняя гарнизонная служба генерала, выработала въ немъ службиста старыхъ временъ, не мирившагося даже съ гуманною вѣжливостью къ подчиненному, несмотря на безконечную его доброту.

Когда у него вечеромъ не было никого постороннихъ и онъ не ѣхалъ въ гости, я и старая знакомая его, генеральша Костіевская, съ присоединеніемъ четвертаго лица, составляли его партію въ ералашъ. Игра была боепечная, но генераль горячился за своею партіей, особенно когда ему приходилось быть партнеромъ г-жи Костіевской, изъ-за чего пропеходили комическія сценны, при которыхъ нужно было имѣть много силы воли, чтобы не разсѣяться въ лицо начальству.

Генераль Кизмеръ вышелъ въ отставку (это былъ первый примѣръ въ Москвѣ, когда комендантъ не окончилъ своей жизни на служебномъ посту), защищая своего подчиненнаго. Стоялъ при немъ по письменной части плацъ-адъютантъ, полковникъ Лыскій. Лыскій арестовалъ въ купеческомъ собраніи графа Г. за пошеивіе военной формы. Въ бытность графа уже въ отставкѣ. Во время пути отъ купеческаго собранія въ комендантское управленіе графъ упростилъ Лыскаго заѣхать въ ресторанъ поужинать, на что Лыскій изъявилъ согласіе. По окончаніи веселаго ужина Лыскій самовольно отпустилъ графа Г. домой. Кто-то донесъ генераль-губернатору Тучкову объ этомъ, и когда Кизмеръ явился на другой день съ рапортомъ, то получилъ сильный нагоняй отъ Тучкова. Защищая Лыскаго, онъ возражалъ Тучкову, что онъ получилъ не вѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ онъ знаетъ хорошо своего адъютанта, не способнаго на такой поступокъ. Результатъ ихъ объясненій былъ тотъ, что Кизмеръ, обидѣвшись, подать въ отставку и быть уволенъ съ награжденіемъ чиномъ генерала отъ-кавалеріи. Оставивъ должность коменданта, онъ жилъ недолго и занималъ нѣсколько комнатъ

у бывшего своего субъитернъ-офицера, тогда генералъ-лейтенанта Николая Александровича Бутурлина, домъ котораго былъ на Арбатъ и въ послѣднее время принадлежалъ купцу Собашиникову.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ похороненъ на лютеранскомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ.

На мѣсто Кизмера Московскимъ комендантомъ былъ назначенъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Корниловъ. Новаго коменданта я зналъ еще въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, когда я ходилъ изъ корпуса въ праздничные дни въ отпускъ къ родственнику его бывшему Тамбовскому губернатору, а потомъ сенатору Александру Алексѣевичу Корнилову, женатому на графинѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Толстой. Какъ теперь помню пріѣздъ Петра Петровича къ Александру Алексѣевичу въ первый день пасхи отъ заутрени зимняго дворца, тотчасъ по произшествіи его въ генералъ-маіоры, и рассказъ его о неудобствѣ доспиховыхъ принадлежностей, которые присутствія были въ то время генеральской формѣ. Петръ Петровичъ имѣлъ большую семью и большая квартира Московскаго коменданта была весьма ему встати.

Послѣ кончины его осталась большая семья, заботы о которой принялъ на себя братъ его, членъ государственнаго совѣта Федоръ Петровичъ Корниловъ.

На мѣсто П. П. Корнилова назначенъ Московскимъ комендантомъ генералъ отъ инфантеріи Фридериксъ.

Въ январѣ 1857 года, возвратясь поздно съ какого-то бала, я нашелъ у себя приказъ Московскаго коменданта Кизмера присутствовать въ 10 часовъ слѣдующаго утра на похоронахъ отставнаго гесерь-маіора Кпрілла Михайловича Нарышкина. Генералъ Нарышкинъ въ то время, хотя не состоялъ на дѣйствительной службѣ, но имѣя офицерскій Георгіевскій крестъ, по воинскому уставу имѣлъ право при погребеніи на воинскія почести. На слѣдующій день къ назначенному времени, я былъ уже въ домъ Нарышкина, находящемся на Пречистенскомъ бульварѣ, между домомъ канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и церковнымъ домомъ Ржевской церкви, теперь

Рябушинскаго. Передъ домомъ вдоль бульвара расположился Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, расположенный въ то время въ Москвѣ для занятія карауловъ столицы. Семья Нарышкиныхъ происходи отъ общаго корня семьи Царицы Наталья Кирилловны, была уважаемая въ Москвѣ. Покойный генералъ имѣлъ трехъ сыновей.

Старшій—Михаилъ—флигель - адъютантъ Александра II. былъ женатъ на павѣстной красавицѣ, фрейлинь Велѣкой Книгини Елены Павловны, Штрадманъ. Михаилъ Кирилловичъ былъ впоследствии Казанскимъ Губернаторомъ, а сынъ его состоитъ въ настоящее время Совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ. Затѣмъ другой сынъ его Александръ воспитанникъ школы гвардейскихъ подпоручиковъ былъ женатъ на Нейдгардъ. Третій сынъ Николай—воспитанникъ Пажескаго корпуса, былъ женатъ на Софѣ Дмитріевѣ Селезневой, утонулъ въ мельничномъ прудѣ во время переезда его въ бродъ на избѣвшеися лошади. Дочь генерала была замужемъ за полковникомъ Аверкіевымъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій графа Закревскаго.

Вся московская чиновная знать присутствовала при отпѣваніи, во главѣ съ Генералъ-Губернаторомъ. Послѣ отпѣванія гробъ повезли для погребенія въ Донской Монастырь. Литовскій полкъ послѣдовать за кортежемъ. Когда тѣло было предано землѣ и сдѣланъ установленный залпъ изъ оружія, то солдатамъ роздана была чарка водки, пироги и еще что-то. Офицеры были приглашены къ завтраку въ трапезную монастыря. Послѣ завтрака всѣмъ офицерамъ розданы были золотыя кольца съ вырѣзанною надписью имени, отчества и фамиліи покойнаго и дата дня его кончины. Это былъ единственный случай, при обрядѣ котораго мнѣ пришлось присутствовать. Говорять, что обычай этотъ соблюдался встарину многими богатыми магнатами, но теперь вышелъ изъ употребленія.

Домъ Нарышкиныхъ былъ проданъ наследниками купцу Колесову за тридцать тысячъ рублей. Имъ проданъ купцу Некрасову за девяносто тысячъ, а теперь его купилъ

де-Вюнкуръ, что-то, около 200 тысячъ. Такъ поднялась цѣнность домовъ въ Москвѣ.

Положеніе дома замѣчательно красиво на высокомъ берегу Пречистенскаго бульвара и ручья Чертолья. Въ двухъ шагахъ отъ Храма Христа Спасителя и его сада, парадными окнами домъ выходитъ на солнечную сторону. Встарину при Нарышкиныхъ парадная лѣстница вела съ подъѣзда двора, теперь же входъ устроенъ съ улицы.

Москва въ зиму 1856 — 1857 г. веселилась. Ежедневно были гдѣ-нибудь концертъ или танцевальный вечеръ. Крымская война обогатила многихъ; урожай былъ хорошій, цѣна на хлѣбъ возвышенная. Притомъ, при крѣпостномъ правѣ прислуга, лошади и провизія были свои. Вечеринки стояли весьма мало денегъ, да и угощеніе было проще настоящаго. Между тѣмъ веселья было много. Много гвардейскихъ офицеровъ, имѣвшихъ родныхъ въ Москвѣ, взяли по окончаніи войны продолжительные отпуска и проживали въ Бѣлокаменной. Москва не могла пожаловаться на недостатокъ кавалеровъ. Были дома, гдѣ были назначены еженедѣльные танцевальные вечера.

Принимъ денегъ въ помѣщичьи руки, возвращеніе молодежи изъ арміи, расположеніе части гвардейскаго корпуса для караульной службы въ Москвѣ,—все это способствовало увеличенію здѣсь количества вечеровъ и баловъ. Въ зиму 1856—1857 и въ слѣдующую 1857—1858 года количество танцевальныхъ вечеровъ было такъ велико, что молодежь веселилась чуть не ежедневно. Кавалерамъ приходилось, начать свой вечеръ гдѣ-нибудь на Покровкѣ, вслѣдствіе массы приглашеній кончить его на Арбатѣ или Пречистенкѣ. Эти вечера устраивались совершенно патриархально. Сбѣжались обыкновенно между 9 и 10 часами вечера. Никакихъ буфетовъ не устраивалось. Въ началѣ вечера разносили только чай съ печеньями, затѣмъ конфеты, фрукты, мороженое и прохладительные—оршадъ и лимонадъ. Болѣе до ужина ничего не подавалось. Ужинъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ—рыбы, мяса и пирожнаго. Послѣ жаркаго подавали по бокалу шампанскаго, и гости, потанцовавъ немного послѣ ужина, разбѣжались.

Не то теперь! Прежній танцевальный вечеръ на 70 или 100 человекъ обходился отъ 150 до 200 рублей. Теперь нельзя обернуться 3000 и 5000 руб. Во-первыхъ, заведено устраивать непременно буфетъ съ глыбами льда и замороженнымъ шампанскимъ, которое и молодежь и старики не-стребляютъ съ начала до конца вечера. При «отпльнотъ» необходимы пиршечныя побрякушки и декадентскіе орде-на, на которые выходятъ масса денегъ. За ужинномъ при-нято устлать сватеръ живыми цвѣтами, за недостаткомъ и дороговизною которыхъ въ Москвѣ выписываютъ ихъ изъ Ниццы. Всѣ эти накладные безполезные расходы дѣла-ютъ то, что количество такихъ вечеровъ въ нашемъ об-ществѣ сильно сократилось. Только биржевики, бумаго-прядильники и сахарозаводчики могутъ теперь удивлять публику своими безумными тратами. Въ старину, когда шампанское продавалось 3 рубля бутылка, его подавали только за ужинномъ, а теперь, когда цѣна его болѣе чѣмъ удвоилась, его пьютъ не переставая въ теченіе всей ночи, какъ будто для этого и пріѣхали на вечеръ. Всѣ жалуются на скуку, но виноваты въ ней сами, примѣшивая къ увеселеніямъ такую большую долю тщеславія. Изъ тщеславія выписываются хоры музыкантъ за 600 верстъ и пла-тять вмѣсто 300 рублей 1500 р., только чтобы сказали, что за нее заплачена такая сумма. Изъ тщеславія заказываютъ ужинъ въ «Эрмитажѣ», платя за него баснословныя цѣны. Между тѣмъ какъ въ доброе старое время ужины готови-ли свои повара изъ привезенной своей деревенской про-визіи. Во время танцевъ прохлаждались водичками, и все это обходилось дешево и было веселіе. Зато и вчера бы-вали почти ежедневно. Туалеты барышень были проще и почти всегда безъ кричащихъ пышныхъ отдѣлокъ. Только маменьки, одѣтыя въ тяжелыя бархатныя и шелковыя платья, обвѣшивавшія себя всяки пмѣвшимися у нихъ драгоценно-стями и чинно сидѣли у стѣнокъ зала, какъ бы показывая женихамъ будущее наследство ихъ дочекъ. Но если платья маменькъ шились изъ дорогого и плотнаго матеріала, зато и носились Богъ знаетъ сколько, почти безъ всякихъ пе-ремѣнъ. Патриархальность пропала теперь: всѣ старшія

Государыни Императрицы Александра Осодоровна и Марія Александровна. Великія Книгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна на публичномъ маскарадѣ 9-го Сентября въ Кремлевскомъ дворцѣ, устроенномъ на 8000 человекъ.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

устремлены на выказываніе «капитала», а вѣтъ роскошныхъ приданниковъ хозяева домовъ ходять въ своихъ комнатахъ въ одиночествѣ, экономіей возмѣщая произведенныя траты.

Въ семействѣ князя Львова на Никитской танцовали по средамъ, у Рюминыхъ на Воздвиженкѣ по четвергамъ, у графа Закревскаго по пятницамъ, у князя Михаила Андреевича Оболенскаго по средамъ, у Николая Гавриловича Головина по понедѣльникамъ. Были вечера у Паниныхъ, Воейковыхъ, Оболенской, кнѣгини Кудашевой и другихъ въ разные дни. Были балы у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ и одинъ весьма торжественный въ началѣ 1858 года. Главное, что общество было дружно и, прѣзжая на балъ или печерь, вездѣ встрѣчали своихъ хорошихъ знакомыхъ и были какъ дома. Не надо было, танцуя съ какой нибудь барышней, выдумывать разговоры, у всѣхъ было много общихъ интересовъ, и всякій болѣе или менѣе зналъ, не только семью своей дамы, но и окружающихъ ее родныхъ до десятаго колѣна. Прѣзжая въ театръ, онъ былъ окруженъ ложами, наполненными своими знакомыми, такъ что въ антрактахъ не могъ даже обойти всѣхъ. Не такъ, какъ теперь, когда бываешь радъ, если встрѣтишь одно и два знакомыхъ лица, а остальная публика выплыла съ Рогожской и Таганки, какъ тараканы изъ щелей.

Зима прошла весело и наконецъ наступилъ послѣдній зимній утренній балъ въ дворянскомъ собраніи въ субботу на масляницѣ въ февралѣ 1857 года. Балъ этотъ былъ пробный шаръ молодыхъ весталокъ. Всѣ барышни, предназначенныя къ выѣздамъ въ слѣдующую зиму, появлялись на этомъ балу. Свѣжая молодежь, не измученная еще бессонными балными ночами, привлекала массу мужчинъ любоваться разцвѣтающею молодою жизнью. Балы эти посѣщались всѣмъ московскимъ обществомъ и были многолюдны. Я танцовалъ мазурку на этомъ балу съ Софіей Дмитріевной Селезневой, впоследствии вышедшей замужъ за Нарышкина, а по кончинѣ его за Хомякова. Балъ остался въ моей памяти еще тѣмъ, что една не стоить мнѣ жизни. Выходя на подъѣздъ, я былъ остановленъ одной моей знакомой барышней, жаловавшейся, что она не можетъ до-

биться своей кареты. И тотчас же отправился отыскивать ее экипажъ. Разгоряченный, въ холодныхъ желтыхъ галошахъ, я долго бродилъ по колыно въ снѣгу. Въ то время снѣгъ съ улицъ почти не свозили. Была оттепель и мокрый снѣгъ забрался мнѣ въ галоши. Съ бала я долженъ былъ ѣхать на обѣдъ, гдѣ и сидѣлъ въ сырыхъ сапогахъ. Меня знобило, но я не обратилъ вниманія. Въ десятомъ часу пріѣхалъ я домой, чтобы переодѣться и ѣхать на танцевальный вечеръ. Но далѣе дома не поѣхалъ: головная боль, свинцомъ налитая голова и сильный жаръ въ ногахъ заставили меня слечь въ постель. На утро я никого не узнавалъ. У меня открылся тифъ, продержавшій меня въ постели до Святой недѣли. Только теплая погода выгнала меня на чистый воздухъ изъ душной квартиры. Не могу тутъ не вспомнить доктора Минкевича, одного изъ ассистентовъ Пшоемцева, лѣчившаго меня и ухаживающаго за мной, какъ за роднымъ. Тѣмъ болѣе, что въ то время я не имѣлъ большихъ средствъ и во время болѣзни ничего ему не платилъ, такъ что онъ не зналъ, чѣмъ будетъ вознагражденъ впоследствии. Это была плеяда докторовъ, не похожихъ на нынѣшнихъ аскулаповъ; выѣзжавшихъ у себя въ передней жиловскую плату, требуемую ими впередъ гешефта.

Во время главенствованія графа Закревскаго Москва освѣщалась простыми масляными фонарями съ четырьмя крестообразно помѣщенными фитилями, падавшими болѣе копоти, чѣмъ свѣта. Освѣщеніе производилось отъ Московскаго брандъ-маіора, пожарными служителями, часто не зажигавшими нѣкоторые фонари, чтобы остатки коноплянаго масла съѣдать съ гречневой кашей. Къ утру большинство фонарей едва жгало отъ недостатка масла. Графъ Закревскій часто посылалъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ провѣрять въ дальнихъ улицахъ и переулкахъ, сколько было незажженныхъ фонарей и на утро пенять о томъ Берингу. А все таки жилось въ Москвѣ отраднѣе теперешняго вѣка электричества. На душѣ было отраднѣе и снѣжей и люди были душевны и неоголостичны. Когда заведись въ Москвѣ первые спиртовые фонари, то желая сохранить свѣтъ въ лампахъ для горѣнія, а не для желуд-

ковъ пожарныхъ, къ нему примѣшивали какую-то зловонную жидкость, по теперешнему денатуризировали. Оберъ-Полиціймейстеръ Берингъ, желая испытать, могутъ ли пить эту смѣсь пожарные служители, велѣлъ позвать одного изъ нихъ и, подавая ему рюмку, спросилъ: можетъ ли онъ выпить эту смѣсь? Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ пожарный и тотчасъ же опрокинулъ рюмку въ ротъ.— «Ну, что какво?» спросилъ Берингъ. Ничего, Ваше Превосходительство, крѣпколько, а пить можно, отвѣтилъ служака.

Вообразите себѣ изумленіе начальства.

Весна опять оживила меня и я скоро поправился. Ежедневныя поѣздки въ Петровскій паркъ, куда выѣзжало кататься все Московское фешенебельное общество, беззаботная жизнь, скоро возстановили мое здоровье. Въ іюнѣ Москва опустѣла: дѣдъ, въ домѣ котораго я жилъ, уѣхалъ за границу дѣлится въ Киссингенъ съ тѣмъ, чтобы провести зиму въ Нппцѣ, и я остался жить одинъ въ большомъ домѣ на Поварской. Въ концѣ іюля я уѣхалъ изъ Москвы въ деревню къ роднымъ въ 28 дневный отпускъ.

Несмотря на усиленную охрану въ Московскомъ Кремлѣ и часовые караулы у всѣхъ выѣздныхъ воротъ Московской крѣпости въ зиму 1857 года случилось тутъ загадочное происшествіе. Украли одну изъ пушекъ, оставленныхъ намъ французскими войсками въ 1812 году, расположенныхъ на постаментѣ кремлевскаго арсенала.

Когда утромъ, при смѣнѣ караула, была обнаружена пропажа, то страхъ и тревога обула всѣхъ прикосновенныхъ къ надзору лицъ. Графъ Забревскій немедленно поднялъ на ноги весь составъ наружной и сыскной полиціи и пушка вскорѣ была найдена на Грачевѣ въ подвалѣ мелочной лавочки, куда похитители успѣли ее сбыть. На ней видѣлись ясные слѣды удара топора, которымъ старались её разсѣчь, чтобы въ послѣдствіи расплавить куски.

Найденный виновникъ разсказалъ и способъ похищенія. Мѣдная пушка небольшого размѣра была свалена съ пьедестала на салазки и прикрыта рогожамъ, чего зазѣвавшійся часовой не замѣтилъ. Когда салазки везли въ Тро-

ницкія ворота, то на вопросъ часовыхъ, «что везете», воры отвѣтили «свиную тушу», чѣмъ и удовлетворялись стражи.

Пушка была водворена на прежнее свое жительство, гдѣ и пребываетъ доднесь.

ГЛАВА III.

Отъѣздъ дѣда за границу.—Жизнь въ Москвѣ. В. П. Крекшина.—Свиданіе Наполеона съ Государемъ въ Штутгартѣ.—Слухи о негласномъ комитетѣ, устроенномъ въ Петербургѣ.—Чернышевъ.—Аппенковы.—Свадьба Логоновской.—Кожисія постройкы Храма Христа Спасителя.

Когда дѣдъ весною 1857 года уѣхалъ за границу, то и остался въ домѣ нашемъ на Поварской въ одиночествѣ, ведя обычную жизнь тогдашней молодежи. Въ Москвѣ дѣдъ жилъ открыто, баловъ не давалъ, но зато у него были безпрестанные званые обѣды съ сенаторами. Постоянные посетители его были сенаторъ Мясоѣдовъ, Ахлестышевъ, Чертовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Лисовскій, Яхонтовъ, Толмачевъ, Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Н. А. Щербатовъ, Чегодаевъ, комендантъ генералъ-лейтенантъ Кизимъ, губернаторъ и другіе высокопоставленные лица. Все это были, въ большинствѣ случаевъ, люди, принесшіе заслуги отечеству на военномъ поприщѣ въ 1812, 49 и 55 годахъ. Не думаю, чтобы они были сильны въ знаніи юриспруденціи. Часто они подсмѣивались, послѣ сытнаго обѣда, другъ надъ другомъ и рассказывали про себя разные анекдоты изъ своей юридической практики.

Рядомъ съ домомъ дѣда былъ домъ вдовы генералъ-маіора Варвары Петровны Крекшиной, по первому мужу Пуколовой, рожденной Мордвиновой. Мать этой Крекшиной была простая калмычка Оренбургскихъ степенъ. Въслѣдствіи Мордвиновъ, женившись на ней, узаконилъ дочь и выдать ее замужъ за Пуколова, правителя дѣлъ Святѣйшаго Синода и любимца всемогущаго въ то время Графа Аракчева, который оформилъ все для своей будущей жены. Варвара Петровна Крекшина (тогда еще Пуколова) играла большую роль въ Царствованіи Императора Александра I,

по близкимъ отношеніямъ своимъ съ знаменитымъ въ то время Аракчеевымъ. Я помню одинъ ея разсказъ. По окончаніи каждаго смотра или развода Аракчеевъ заѣзжалъ къ ней. Какъ балованная барыня, она лежала до 12 часовъ въ постели. Генералы, прѣѣзжавшіе къ ней ждали ея выхода въ приемной залѣ, а главное имъ хотѣлось показаться Аракчееву, когда онъ проходитъ въ будуаръ къ своей красавицѣ и уходитъ обратно отъ нея. Въ одинъ изъ дней посѣщенія ея Аракчеевымъ, она заспорила въ чемъ-то съ нимъ и держала пари à discrétion. Аракчеевъ проигралъ. Что же сдѣлала проиграница. Она потребовала, чтобы Аракчеевъ вывезъ ее въ одной батистовой рубашкѣ на своихъ плечахъ въ залу собравшемуся генералитету, и верхомъ на плечахъ всесильнаго временщика объѣхала въ такомъ видѣ залъ. Аракчеевъ былъ такъ ею очарованъ, что исполнять ея прихоти. Мужъ ея Пуколовъ, бывъ правителемъ дѣлъ у Аракчеева, не мѣшалъ своей женѣ и тѣмъ, устраивалъ свою карьеру. Но своенравная красавица влюбилась въ молодого гусара Крекшина, и хотя онъ посѣщать ее весьма скрытно, но Аракчеевъ узналъ про ихъ свиданія. Говорятъ даже, что онъ былъ предупрежденъ покойнымъ Государемъ Александромъ I. Пуколова жила на дачѣ. Ночью дача была окружена многочисленными секретными. Когда Крекшинъ шелъ къ ней ночной порою, то былъ схваченъ караульными и отведенъ на гаутахту. На утро Крекшина везли уже на курьерской тройкѣ съ жандармомъ, какъ переведеннаго въ армейскій полкъ. Пуколова въ тотъ же день поскакала въ мѣсто ссылки Крекшина къ нему и послѣдствіи по смерти перваго мужа вышла за него замужъ. Я засталъ Крекшину почти восьмидесятилѣтнею старухой, но еще бодрой и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, который она поддерживала, обтираясь ежедневно красцовой водой съ какой-то пряжейю, рецептъ которой она вывезла изъ Парижа отъ всесильной красавицы Mlle Mars. Она въ то время, не видѣлась съ своимъ дѣтми и внуками. Жизнь ея оригинальную. Madame le Normand предсказала ей, что она умретъ ночью въ постели. И вотъ Крекшина, желая по возможности отерочить часть своей

смерти, устроила оригинальный режимъ. Ложилась въ постель, когда вставало солнце, а поднималась съ нея, когда солнце садилось. Всю ночь играла въ карты въ старинный проферансъ,—другихъ игръ не признавала. Когда ей предлагали играть въ табельку, то всегда отбивчала: — какая, батюшка, тамъ кобелька?—я кобелькой не занимаюсь. Ежедневно собирались къ ней партнеры и всѣ старались приѣхать поранѣе, желая попасть за ея столъ; это былъ вѣрный выигрышъ. Барыня была весьма богатая, и нарочно проигрывала, ставя крупные ремизы, чтобы заинтересовать игроковъ и заставить ихъ играть до утра. Въ 8 часовъ подавали чай, въ первомъ часу ужина и потомъ подъ утро опять чай, послѣ котораго она ложилась спать, а оставшіеся гости разѣзжались. Постояннымъ ея партнеромъ былъ секретарь Сената А. В. С.; который рѣдкій вечеръ не бралъ съ нея пятидесяти или болѣе рублей. Онъ былъ очень внимателенъ къ старухѣ и забавлялъ ее разными штуками. Напримѣръ, изображалъ весьма похоже, какъ жужжитъ муха и при этомъ ловилъ ее. Жужжалъ у него и комаръ падъ ухомъ и прихлопывалъ онъ его довольно громко на своей головѣ. Когда не было за столомъ горячаго или интереснаго разговора, то старуха обращалась къ нему: Пожужжи Сима.—и Сима жужжалъ. Старуха хохотала и ставила ремизъ и Сима былъ въ восторгѣ. Остальные партнеры сѣнялись поочередно. Былъ у нее также интересный субъектъ—Бочичкаровъ, сынъ когда-то богатого откупщика, но въ то время уже безъ всякихъ средствъ... обязанность его была быть грѣлкой. Являлся онъ ежедневно толстый, рыхлый, облитый одсколономъ, въ вязавыхъ шерстяныхъ шарфахъ, точно замоскворѣцкая бумичиха. Во время чая и ужина онъ сидѣлъ со всѣми гостями, но послѣ ужина долженъ былъ ложиться сверхъ одѣла на постель Крекиной и спать до того времени, когда она сама ложилась въ постель, тогда Бочичкаровъ будился и прогоспался, и старуха ложилась подъ одѣло въ нагрѣтую Бочичкаровскимъ тѣломъ постель. Крекинина никогда не снимала съ себя атласной юбки, и въ ней спала. Говорили, что у нея въ юбкѣ зашиты билеты опекунскаго совѣта. Однимъ сло-

вомъ, эта была личность въ родѣ графини изъ Пиковой дамы. Въ концѣ зимы Крекшина примирилась съ своими внуками и у ней появились въ домѣ два внука Платонъ и Валеріанъ Платоновичи, а потомъ пріѣхала изъ за границы и внучка Зинаида Платоновна, воспитывавшаяся въ Sacred Heart и домъ ея началъ принимать болѣе семейный характеръ. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей ея остались у меня въ памяти полковникъ Михаилъ Александровичъ Писаревъ, сынъ Варшавскаго Генералъ-Губернатора, родственникъ и чиновникъ особыхъ порученій графа Закревскаго, и адъютантъ графа капитанъ Дубельтъ; послѣдній жилъ у Крекшиной въ мезонинѣ, по дружбѣ Крекшиной къ дядѣ его знаменитому начальнику штаба корпуса жандармовъ генералу Дубельту. Писаревъ былъ женатъ на царевнѣ Грузинской и жилъ на Остоженкѣ въ собственномъ домѣ, гдѣ теперь высятся домъ дѣтскихъ пріютовъ. Домъ этотъ былъ проданъ имъ за восемь тысячъ рублей, потому что не имѣлъ почти никакого фундамента и во многихъ частяхъ былъ выстроенъ изъ мелкаго лѣса, стояками; почему былъ ужасно холоденъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось, въ бытность мою членомъ совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, натоленуться на такое дѣло. Извѣстный строитель благотворительныхъ дѣлъ Сафоновъ представилъ домъ этотъ въ совѣтъ, какъ пожертвованіе одного лица за пѣвѣстную награду. Домъ былъ оцѣненъ имъ въ тридцать семь тысячъ. Долгу Московскаго Кредитнаго Общества было на немъ 27 тысячъ, а остальные 10 тысячъ онъ жертвовалъ. Когда я возсталъ противъ такой оцѣнки, какъ лично участвовавшій въ продажѣ этого дома за восемь тысячъ, то отъ Сафонова и его сторонниковъ долженъ былъ выдержать цѣлую бурю. Домъ былъ пріобрѣтенъ Совѣтомъ по настоянію Сафонова. Но когда хотѣли его передѣлывать, то оказалось, моя правда, домъ не имѣлъ основанія, его сломали и выстроили новый. Кромѣ пожертвованныхъ 10 тысячъ Совѣтъ остался долженъ Кредитному Обществу 27 тысячъ за одно пустое мѣсто въ концѣ Остоженки. Но нѣтъ худа безъ добра. Г. Сафоновъ имѣлъ въ новомъ домѣ великолепную квартиру въ двухъ этажахъ, въ третьемъ

помѣщается пріютъ, а въ четвертыхъ мансардахъ спальня дѣтей пріюта.

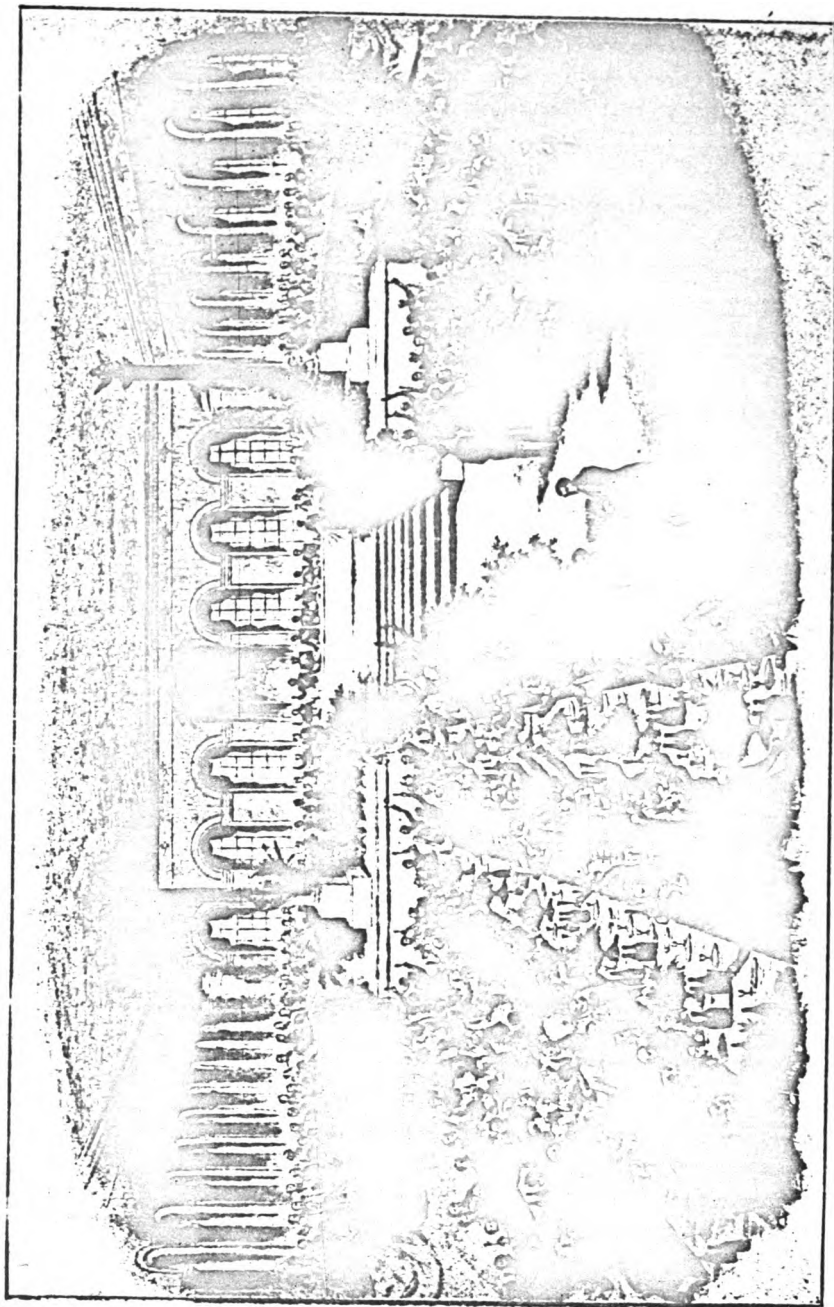
Толпи москвичей о слухахъ, пущенныхъ изъ Петербургскихъ сферъ о составѣ негласнаго комитета, изыскивающаго способъ улучшенія быта крѣпостного сословія, были разнорѣчны. Составъ перваго Комитета имѣлъ консервативное большинство. Во главѣ его стоялъ князь Орловъ, членами были Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Гр. Ланской, Министръ Двора графъ Адлербергъ, Министръ Финансовъ Брокъ, Государственныхъ Имуществъ Муравьевъ, Путей Сообщенія Чевкинъ. Начальникъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи графъ Блудовъ, шефъ жандармовъ князь Долгорукій, Членъ Государственнаго Совѣта баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Я. П. Ростовцевъ. Завѣдывающимъ дѣлами Комитета былъ Бутковъ. Всѣ на дѣлался на старыхъ консерваторовъ, опасенія были только про Ланскаго и Ростовцева, которые по московскимъ слухамъ были ненавистниками дворянскаго сословія.

Все что дѣлалось въ Комитетѣ, хотя секретно, тотчасъ же передавалось графу Забревскому, отъ него зналъ мой дѣдъ, а частью и я.

Адресъ, который ожидали въ Петербургѣ отъ Московскаго дворянства не былъ поданъ потому, что сторонниковъ къ подачѣ его было весьма небольшое количество. Всѣ ждали новыхъ вѣстей изъ Петербурга. Говорили, что подобныя начинанія были въ царствованіе Императора Николая I въ юго-западномъ краѣ и въ балтійскихъ провинціяхъ при Александрѣ I, потому торопиться нечего, можетъ быть все ограничится однимъ разговоромъ.

Государь былъ въ Москвѣ проездомъ лѣтомъ 1857 года; и пошлю разводъ, который производитъ Государь на дворцовой площади въ Кремлѣ, гдѣ принималъ также конныхъ ординарцевъ отъ гусарскаго и уланскаго полковъ.

Въ сентябрѣ 1857 года въ Штутгартѣ стараніями короли Виртембергскаго устроено было свиданіе Императора Александра II съ Наполеономъ III. Свиданіе было давно подготовлено по желанію Наполеона III его уполномоченнымъ графомъ Морни.

Объѣдъ, предложенный отъ Московскаго купечества руссiйскому войску въ экзерциргаузѣ
близъ Кремля 4 Сентября 1856 года.

Изъ альбома, издавнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Герцогъ Моризъ, сумѣвшій очаровать своею кажущеюся преданностью Государя Императора и увѣреніемъ любви своей къ Россіи и ко всему русскому, женившись на княжѣ Трубецкой, считался истиннымъ другомъ Россіи. Разговоры о вліяніи его на русскую политику, повторялись всѣми, такъ что новый министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь Горчаковъ выходилъ тоже подъ обаяніемъ чаръ герцога Мориза.

12 сентября пріѣхалъ въ Штутгартъ Императоръ Александръ II, а 13 Наполеонъ III. Первое время все шло благопріятно и ожидали хорошихъ результатовъ отъ этой встрѣчи двухъ императоровъ, такъ что Валуевскимъ и Горчаковымъ были подготовлены акты соглашенія о закрытіи Дарданелъ и устройства Дунайскихъ княжествъ. Но въ послѣдніе часы пребыванія Государя, Наполеонъ, ободренный любовью Александра II осмѣлился заговорить съ нимъ о Польшѣ. Разговоръ этотъ оскорбилъ Государя. Онъ тотчасъ прервалъ его, сказавъ, что никто болѣе его не желаетъ Польшѣ спокойствія и преуспѣнія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды. Едва Наполеонъ III вышелъ отъ Государя, то онъ обратился, къ одному изъ лицъ свиты, сказалъ: «Со мною посмѣли заговорить о Польшѣ». Громко сказанныя слова скоро дошли до Москвы и возбудили въ гостинныхъ и клубахъ нескончаемые разговоры, весьма незестные для Наполеона и французовъ. Много толковъ возбудилъ инцидентъ этотъ въ чернокнижной Англійскаго клуба, а оттуда по всѣмъ гостиннымъ Москвы, начиная отъ кабинета графа Забревскаго до боковушки отставнаго ротмистра въ одномъ изъ переулковъ Старой Конюшенной. Достигшая въ Москву вѣсть объ адресѣ Виленскаго дворянства, подавашаго его влѣдствіе старанія генералъ-губернатора Назимова, разразилась надъ Москвою подобно громовому удару.

Въ этомъ году двоюродный братъ графа Моркова устроилъ въ домѣ своей тетки графини Морковой залъ для домашнихъ любительскихъ спектаклей. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ самъ. Не признанный въ послѣдствіи Гарикиъ, завоевалъ сначала вниманіе общества. Въ то время,

для представлѣнія драматическихъ спектаклей былъ только одинъ Малый Императорскій театръ, потому публика жадно наживулась на посѣщеніе Борисоглѣбскаго театра. Чернышовъ вообразилъ себя крупной величиною и выступилъ на подмосткахъ Императорскаго театра, гдѣ въ то время была образцовая труппа. Но Гарики Борисоглѣбскаго театра оказались пигмеемъ предъ трупой малаго театра и быстро скрылся въ провинціальную пучину. Устраивались театры у г-жи Кушниковой (рожденной Засѣцкой) въ Конюшкахъ въ домѣ Посникова, но тамъ никакихъ Гарикивъ не появилось, а труппа держалась только благодаря любезности хозяйки и милостивой прелести нѣкоторыхъ дѣвицъ; особенно выдающимися изъ нихъ были сестры Анненковы. Старшая Софья была замѣчательная пѣвица, голосъ ея былъ бы выдающимся и на большой сценѣ. Другая сестра Надежда, стройная, и красивая, играла большую роль въ свѣтъ. Выйдя замужъ за Акифьева, она впоследствии развелась съ нимъ и вторично вышла замужъ за Его Императорское Высочество Герцога Николая Лейхтенбергскаго, отъ котораго имѣла двухъ сыновей. Квартира Анненковыхъ въ Колошинѣмъ переулкѣ, въ домѣ Бове, была ежедневно посѣщаемъ, по утрамъ молодежью. Массъ вѣдыхателей являлась на поклоненіе красотѣ. Старшая сестра ихъ (бывшая Фрейлига Великой Княгини Александры Іосифовны) жила въ чужихъ краяхъ, пользуясь лѣченіемъ отъ болѣзни.

Въ 1857 году во время службы моей плацъ-адъютантомъ, я печально попалъ на балъ-экспромтъ, который остался въ моей памяти. На этомъ балѣ присутствовали служащіе и строители Храма Христа Спасителя. Товарищъ мой плацъ-адъютантъ Лынской просилъ меня присутствовать на свадьбѣ его племянницы вдовы Логановской (рожденной Герке), выходящей за офицера Австрійскаго Гвардейскаго полка (оамилію не помню). Въ 1856—1857 году 3 гвардейская дивизія занимала караулы въ Москвѣ. У вдовы Логановской былъ домъ на углу Моховой улицы, противъ Румянцевскаго Музея, оставленный ей по завѣщанію покойнымъ мужемъ ея, извѣстнымъ скульпторомъ Логановскимъ, барельефы котораго украшаютъ въ настоящее время

наружныя стѣны Храма Спасителя. Домъ этотъ, выстроенный по предполагаемому прежде урегулированію улицы, теперь оказался выступившимъ страннымъ угломъ на Моховую, и составляетъ ея безобразіе. Молодые вскорѣ послѣ свадьбы уѣхали въ Петербургъ, продавъ домъ. Домъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, бывъ долгое время во владѣніи графа Толстого, потомъ другихъ лицъ, но остался при прежней своей неказистой фizioноміи, такъ какъ при перестройкѣ его слѣдовало отрѣзать большую часть для расширенія улицы, на что не рѣшался ни одинъ владѣлецъ дома, по не сговорчивости нашихъ отцовъ города.

На этомъ балѣ я познакомился со всѣми дѣтелями постройки Храма. Отецъ Логановской г. Герке былъ эзекуторомъ комиссіи, строящей храмъ. Кромѣ Логановской другая дочь его была за архитекторомъ Каменскимъ и еще двѣ дочери тоже за лицами, соприкасающимися къ постройкамъ. Однимъ словомъ, это былъ *pater familias* всѣхъ служащихъ въ комиссіи. Вообще всѣ служащіе составляли дружную семью и всѣ дѣла обдѣлывались по семейному. Сора изъ избы не выносили. Правитель дѣлъ Жарковъ, бывшій крѣпостной князя Сергѣя Михайловича Голицына и его ставленникъ, подрядчикъ Оболенской и другіе жили дружно. Рука руку мыла. Всѣ по окончаніи работъ вышли изъ дѣла съ деньгами. Дружная семья составляла аккуратно журналы, а наши высшіе дѣтели, члены комиссіи подписывали аккуратно составленные журналы.

ГЛАВА IV.

Зима 1857—1858 года.—Домъ Раевскихъ.—Балъ у Храповицкихъ.—Проекты освобожденія крестьянъ.—Головини.—Оболенскіе.—Тиръ-Артари-Колонъ.—Шевалье.

Въ сентябрѣ 1857 года начали собираться въ Москву изъ своихъ имѣній московскіе обыватели. Это былъ первый съѣздъ послѣ разрѣшенія всѣмъ ѣздить за границу, не испрашивая дозволенія начальства. Всѣ сколько нибудь,

состоятельные лица ринулись на воды: въ Германию и Швейцарію, а потомъ, конечно, въ Парижъ, шпироко открывшій свои объятія иностранцамъ, и болѣе въ ихъ карманамъ, набитымъ золотомъ и депозиткамъ. Общество собиралось довольно медленно, не слышно было ни вечеровъ, ни базовъ. Кое-кто показывался въ театрахъ. Первый балъ былъ у Раевскихъ, на Большой Дмитровкѣ, 24 ноября въ Екатерининъ день, день ангела единственной его дочери, вышедшей потомъ замужъ за графа Ностіца. Балъ имѣлъ свою оригинальность, чисто помѣщичью стараго закала. Несмотря на сборъ почти всего Московскаго высшего общества, самъ хозяинъ мало старался занимать своихъ гостей. Это исполняла добрыйшшая и милѣйшая дочь его. Самъ же хозяинъ одѣлалъ конфетами и фруктами разныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, смотрѣвшихъ изъ дверей буфета и официантской, и иногда вылетавшимъ даже въ пріемную и залъ. Съ начала декабря начались снова балы во всѣхъ домахъ, гдѣ имѣли взрослыхъ дочерей. У князя Львова выѣзжали двѣ дочери; старшая въ концѣ зимы была объявлена невѣстой князя Долгорукова, а вторая впоследствии вышла замужъ за князя Горчакова, а по кончинѣ мужа впоследствии за В. А. Безобразова. У Рюминыхъ назначены были четверги съ неизмѣннымъ Алексѣемъ Николаевичемъ Тепловымъ, въ полковничьемъ кавалергардскомъ мундирѣ. Изъ двухъ незамужнихъ барышень, младшая вышла впоследствии за соседа моего по Тамбовскому извѣнію Мухомова, другая же сестра осталась въ дѣвцахъ.

Въ зиму 1857—1858 года былъ большой балъ у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Голохвастова (теперь Полякова). Онъ отличался особымъ многолюдствомъ. Танцевальная зала не была обширна, поэтому танцевали въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Было два дерижора. Домъ и рѣшетка дома, выходящая на Тверской бульваръ, были иллюминированы. Впоследствии единственная дочь Храповицкаго вышла замужъ за князя Николая Николаевича Оболенскаго, скончавшагося командиромъ гвардейскаго корпуса. Кромѣ описаннаго семейства Храповицкихъ, въ Москвѣ издавна проживалъ другой Храповицкій, Иванъ

Семеновичъ, у котораго былъ домъ на Нижней Кисловской улицѣ (теперь папсювъ Перепелкиной). Богатый баринъ. Дочь Ивана Семеновича Храповицкаго была замужемъ за извѣстнымъ адмираломъ Логинномъ Логияновичемъ графомъ Гейденомъ, скончавшимся на 96 году своей жизни. Сынъ Ивана Семеновича—Семенъ Ивановичъ, отставной кавалергардскій полковникъ женился уже по кончинѣ отца. Онъ имѣлъ сына и четырехъ дочерей. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ Московскимъ вице-губернаторомъ въ коронацію Императора Николая I, и всегда любилъ рассказывать, какъ онъ сталъ сукно къ ногамъ Государя во время совершенія чина коронаціи. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ большой хлѣбосоль—любилъ угощать москвичей. Онъ былъ посаженнымъ отцомъ жены моей во время нашей свадьбы и нѣсколько дней спустя совершенія бракосочетанія задалъ намъ обѣдъ, на которомъ присутствовала вся Москва.

Балы у князя Львова и у Рюминыхъ были еженедѣльно, у перваго каждую среду, а у вторыхъ каждый четвергъ, бывало неожиданно собиралось такое большое общество, что ставило въ затрудненіе хозяйскаго эконома. На этихъ балахъ блистали своей красотой московскія невѣсты. Кромѣ кн. Львовыхъ остались въ моей памяти княжны Щербатовы, старшая теперь графиня Уварова, вторая Левшина. двѣ графини Растопчины съ мамашей, всегда въ неизмѣнной прическѣ висячихъ бублей съ обѣихъ сторонъ лица; одна изъ молодыхъ графинь любила надѣвать на голову золотой обручъ; Пашковы, двѣ барыни Аладины, двѣ Стрекаловы, двѣ Тепловы, Викулина (мать которой была рожденная баронесса Дельвингъ), графиня Гобринская (рожденная Колпашишникова) впоследствии графиня Крейцъ. Двѣ Мендъ, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Олсуфьева, а потомъ за Кроткова. Изъ дамъ танцевали: Рахманова (рожденная Голохвастова), впоследствии вышедшая замужъ за генерала Моллеръ—ея сестра Есипова; графиня Денгофъ—рожденная Хлюстина, мужъ которой, прусскій офицеръ, всюду являлся въ красномъ мундирѣ прусскаго гвардейскаго полка, что обращало вниманіе всѣхъ; Елисавета

Н. Ляссотовичъ, В. А. Бестужева, Голопцына, Оболенская и сонъ другихъ. Все это несезллось, не предчувствуя, что скоро наступитъ разгромъ дворянскому сословію.

У Николая Гавриловича Головина на Нилетскомъ бульварѣ танцовали по поведѣльникамъ. Въ антрактахъ между танцами хозяйка читала стихи своего произведенія, а младшая дочь ея Ольга съ помощью матери и старшей сестры своей Людмилы, показывала фокусы, отгадывая, что вы думали или писали. Вообще это была какая-то восторженная семья. Головинъ впоследствии былъ узникомъ Московскимъ предводителемъ дворянства, тотчасъ по объявленіи эмансипаціи и считался самымъ яркимъ крѣпостникомъ.

Кромѣ дома Николая Гавриловича Головина была еще другая семья Головиныхъ, называемая въ обществѣ Покровскими Головиными или Головинъ Шинка. Вторые Головины имѣли домъ въ Успенскомъ переулкѣ близъ Покровки, а хозяинъ имѣлъ на лысой головѣ большую шишку, вѣнчавшую ее какъ рогъ изобилія. У Головиныхъ были двѣ дочери—Марія, вышедшая замужъ за Штапельберга и Нанси (Анастасія), оставшаяся дѣвой, и сынъ Евгеній, подъ названіемъ Pierre le Grand, хотя онъ былъ не великъ, но зато мечталъ о себѣ много. Покровскіе-Головины давали часто балы въ своемъ палацѣ и считались богатыми людьми. Были у нихъ еще двоюродные братья, одинъ изъ которыхъ былъ впоследствии женатъ на Кошелевой, извѣстной подъ названіемъ тѣнь Бены (Бена была ея сестра, славившаяся красотой). Былъ еще Головинъ совѣстный судья, женатый на дочери фабриканта серебряныхъ издѣлій Сазиковой, но послѣдній Головинъ изъ другой оперы и описываемымъ Головинымъ совсѣмъ не родня. Всѣ эти Головины разсыпались какъ дымъ съ горизонта московской жизни.

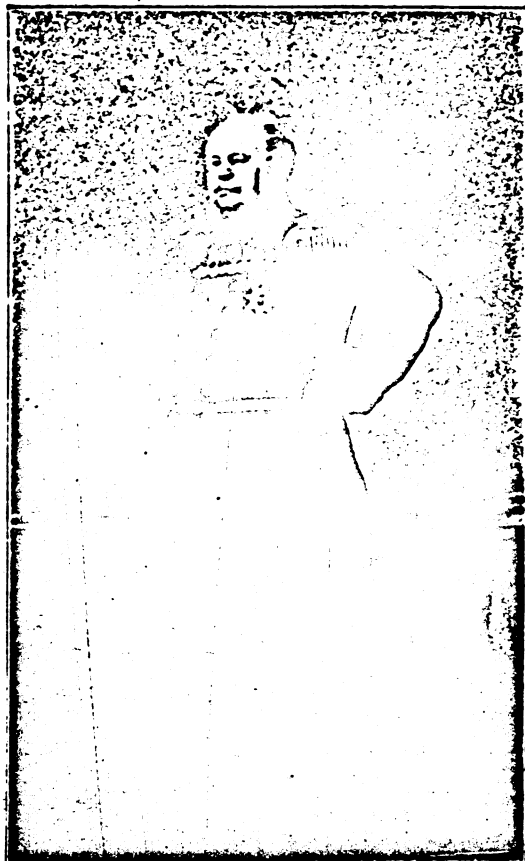
Бывали еще балы у Анны Степановны Воейковой, но туда изъ далекаго высшего общества многія не ѣздили. Мужъ ея Петръ Степановичъ, по прозванію Стаканычъ съ начала вечера зазывать мужчинъ въ свой кабинетъ, гдѣ стаканы играли первенствующую роль.

Выѣзжали еще въ общество дочери князя Николая Александровича Щербатова, Московскаго уѣзднаго Предводителя Дворянства, а впослѣдствіи Московскаго Губернатора, но у нихъ большихъ сборищъ не бывало, говорили, по случаю нездоровья княгини. Старшая дочь Варвара впоследствии вышла замужъ за графа Гудовичъ, а вторая Марія осталась дѣвицей, была еще третья, которая въ мое холостое время еще не выѣзжала.

Молодежи было много. Премьеромъ, или какъ называли его Gros Lot былъ Григорій Александровичъ Чертковъ, на свободу котораго была масса претендентовъ. Графъ Уваровъ, князь В. Г. Шаховской, женившійся на кн. Львовой, Щербатовы, В. А. Шереметевъ, Киселевы Николай и Павелъ теперь графъ, Самарины, Талызины, гр. Морковы, однимъ словомъ, полная плеяда. Дирижеромъ на балахъ былъ премьеръ дирижеръ Ипатъ Арсеньевичъ Бартеневъ, въ то время уже заслуженный ветеранъ дирижерства, его смѣнилъ Лопухинъ, а потомъ рыжій князь Ухтомскій. Ипатъ Бартеневъ удивлялъ всѣхъ своею изворотливостью, не имѣя никакого состоянія, онъ не только бывалъ вездѣ, но умудрялся участвовать во всѣхъ складчинахъ и пирушкахъ молодежи.

По средамъ бывали также танцевальныя вечера у князя Михаила Андреевича Оболенскаго, управляющаго Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Семейство его заключалось изъ жены, дочери Анны Михайловны, вышедшей замужъ за князя Григорія Хилкова и сына Алексѣя, большого любителя собирать разныя коллекціи, что было ему доступно, благодаря большому состоянію его матери, не жалѣвшей для него денегъ. Отецъ, Михаилъ Андреевичъ, собиралъ историческіе портреты, которые дочь его Анна Михайловна Хилкова пожертвовала въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Я узналъ о томъ, обозрѣвая канцелярію Архива, гдѣ увидѣлъ на стѣнѣ портретъ князя Вяземскаго, Министра Екатерины II, копія съ работы Лампія, который я самъ подарилъ князю Михаилу Андреевичу. Сынъ его Алексѣй оставилъ коллекцію инструментовъ на полный струнный оркестръ, пожертвованный княгиней Хилковой въ

Московскую Консерваторію. Всякій день былъ балъ или концертъ, гдѣ участвовали дамы и мужчины изъ общества. Но на безпечное общество гроза надвигалась, раскаты ея слышались въ отдаленіи. Начали поговаривать о грядущей эмансипаціи. Проекты сыпались какъ градъ во время бури. Громилъ въ дворницкой залѣ Безобразовъ, Голохвастовъ въ своей рѣчи называлъ петербургскихъ чиновниковъ опричниками. Графъ Орловъ-Давыдовъ на выборахъ 1862 года высказывалъ много сокровенныя мысли покойнаго Государя Александра II, но то были все слова и слова. Между многими проектами эмансипаціи крестьянъ остался одинъ, довольно оригинальный въ моей памяти. Не помню, кто предложилъ такую комбинацію. Противъ освобожденія крѣпостныхъ было мало протестантовъ, но дѣло шло о землѣ, которую хотѣли надѣлить крестьянъ. Купить ее было не на что. Правительство само было въ стѣсненномъ денежномъ положеніи, истративъ много денегъ на Крымскую войну. Запмы были туги—за границей намъ плохо вѣрили. Вотъ что придумали. За отходившую отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ землю выдавать стоимость земли талономъ, приносящимъ 5%. Всякій, имѣющій талонъ правительства, могъ купить принадлежащую казнѣ землю съ аукціоннаго торга, заявивъ о томъ подлежащему начальству. Лицу, за которымъ осталась земля, вмѣнить въ обязанность уплатить стоимость земли, не иначе, какъ вышеозначенными талонами. Этимъ достигалась двоякая цѣль. Первая: помѣщикъ, уступая свою землю тотчасъ могъ замѣнить ее подобною же изъ числа казенныхъ земель, отъ чего оскудѣнія дворницкаго землевладѣнія не произошло бы и не было бы надобности, какъ теперь поддерживать благосостояніе помѣщиковъ. Второе: цѣнность талоновъ была бы номинальная, а можетъ быть даже и выше своей стоимости, такъ какъ никто не могъ бы купить землю иначе, какъ уплативъ за нее талонами. Когда же выпустили выкупныя свидѣтельства, то они первое время продавались по 70 копѣекъ за рубль. Помѣщикъ, теряя 20% на крестьянской приплатѣ оцѣнки, которую крестьяне въ большинствѣ случаевъ не платили, теряя болѣе трети, на неравноярной оцѣнкѣ по

1-й Московскій Командантъ
И. И. Кизнеръ.
Съ фотографическаго портрета 1856 года.

убадамъ, гдѣ почва весьма разнообразна и, получивъ 70 копѣекъ за рубль по облигаціямъ, не выручалъ и половины стоимости своей земли, чрезъ что разорился, не бывъ конечно подготовленъ къ новому хозяйству вольно-наемнаго труда. Потому жертвы помѣщиковъ, на которыхъ обрушилась эмансипація, были огромны, и многихъ свели въ преждевременную могилу.

Во время баловъ и вечеровъ въ кабинетахъ хозяйина велись дебаты объ освобожденіи и выкупѣ. Лица, желавшія сдѣлать при этомъ карьеру, или ничего не имѣющія за душой и жившія жалованьемъ, требовали чуть не отобранія всего имущества отъ помѣщиковъ, говоря, что предки давно получили работой своихъ крѣпостныхъ стоимость земли. Крѣпостники съ цѣной у рта, называли это просто грабежомъ, страсти были сильно возбуждены. Слухи одни преувеличивали другихъ ходили въ народѣ и обществѣ. Обѣ партіи другъ у друга выпытывали ихъ сокровенныя мысли. Мнѣ попался нечаянно проектъ, поданный къ графу Закревскому, для препровожденія выше, гдѣ предполагалось не только выкупить землю, но и уплатить за отходящихъ крестьянъ. Проектъ этотъ канулъ въ лету. Въ ожиданіи освобожденія балы и вечера сократились. Всѣ спѣшили продавать свои имѣнія во что бы то ни стало. Опекуевскій Совѣтъ сначала сократилъ, а потомъ совсѣмъ прекратилъ выдачу подъ залогъ имѣній ссуды. Этими воспользовались разные дѣльцы и понакупили за ничто великоблѣнные имѣнія, которыя окупилась одной выкупной ссудой. Хлѣбъ сильно поднялся въ цѣнѣ.

Сборищемъ Московской молодежи была гостиница Шевалье (въ Газетномъ переулкѣ) впослѣдствіи Шевріе. Особенно молодежь собиралась туда ужинать по окончаніи театра, когда тамъ жилъ Гр. А. Чертевъ во время постройки своего дома на Мясницкой. Другое сборище молодежи былъ тиръ—Артари—Колумбъ, на Садовой у Красныхъ воротъ, куда послѣ двухъ часовъ собиралась молодежь практиковаться въ пистолетной стрѣльбѣ. Многіе доходили до виртуозности, сажая пуля въ пулю. Изъ хорошихъ стрѣлковъ я помню: Новосильцева, Николая и Павла Кисо-

левыхъ, П. Ф. Самарина, П. А. Талызина, графин Моркови. Тамъ проводила молодежь утро послѣ завтрака и потомъ развѣжалась дѣлать свѣтскіе визиты. Изъѣздомъ до отъѣзда въ деревню молодежь собралась въ купальнѣ Гока на Москвѣ-рѣкѣ.

ГЛАВА V.

Домъ Графа Закрескаго. — Послѣдній балъ въ собраніи въ присутствіи Графа Закрескаго. 1 мая при Гр. Закрескомъ. — Графъ Закрескій въ роли Судьи. — Славянофилы. — П. В. Хавскій и П. М. Ситигиревъ.

По пятницамъ собиравлись у графини Закреской въ ея половинѣ. Большинство молодежи занималось разговорами или играли въ *petits jeux*, а графиня играла въ свое любимое лото. Графиня очень волновалась во время игры, хотя ставки были ничтожны. На ея кругломъ столѣ собиравлась партія высокопоставленныхъ дамъ, спѣшившихъ занять мѣсто за ея столомъ. Какъ столъ этотъ измѣнился, когда графъ вышелъ въ отставку и поселился въ Леонтьевскомъ переулкѣ въ своемъ домѣ. Я посѣщалъ ихъ и тамъ по нѣскольку разъ въ недѣлю и видѣлъ воочию эту метаморфозу. Графъ послѣ легкаго ужина удалялся въ свой кабинетъ, и тогда шумъ въ гостиной усиливался за круглымъ столомъ, не сдерживаемый болѣе присутствіемъ графа Арсенія Андреевича. Несмотря на кажущуюся строгость какъ начальника, онъ былъ самый снисходительный мужъ и мужъ много страдавшій, благодаря своей семейной жизни. Въ нѣкоторыя пятницы, когда собиравлось много молодежи, то танцовали. Много было разсказовъ про неправильныя дѣйствія графа Закрескаго. Можетъ быть и правда въ отношеніи формальностей, но не въ отношеніи логической правды. Графъ въ душѣ бы правдивый человѣкъ и терпѣть не могъ ростовщиковъ. Законъ не давалъ никакихъ правъ администрацій и суду дѣйствовать противъ нихъ и тутъ въ крайнихъ случаяхъ графъ употреблялъ данную ему свыше власть, не руководствуясь закономъ. Вотъ два факта мнѣ достоверно извѣстные, по которымъ можно судить о его правдивости.

Молодой купецъ, получивъ по смерти отца состояніе закутилъ съ пріятелями. Во время кутежа онъ увлекся одной авантюристкой. Особа эта такъ умѣла опьянить своими чарами уже сильно нагрѣтую голову винными парами своего поклонника, что черезъ нѣсколько дней у ней оказалось векселей на все состояніе купца. Когда винные пары немного испарились изъ отуманенной головы, то купчикъ увидѣлъ себя обвиненнымъ обольстительницей и всеми своими пріятелями и съ массою векселей на шеѣ. Тогдашніе частные повѣренные объявили ему, что по закону ничего сдѣлать невозможно. По совѣту добрыхъ людей купчикъ рѣшился обратиться къ милости Закревскаго. Дѣло было лѣтомъ, графъ жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Ивановскомъ, въ двухъ верстахъ отъ г. Подольска. Купчикъ отправился туда, и раннимъ утромъ былъ уже на мѣстѣ. Прислуга объявила ему, что графъ принимаетъ въ 10 часовъ утра. Въ ожиданіи урочнаго часа, купецъ отправился въ паркъ и усѣлся тамъ на скамьѣ. Къ нему подошелъ неизвѣстный ему человекъ въ сюртукѣ и сѣлъ рядомъ, на ту же скамью. Разговоръ скоро завязался.—Вы зачѣмъ пріѣхали въ Ивановское? сказалъ незнакомецъ.—Просить графа Закревскаго о заступничествѣ, отвѣтилъ купчикъ. Что за дѣло у васъ? расскажите мнѣ. У меня есть знакомые между служащими при графѣ,—можетъ быть я помогу моимъ совѣтомъ. Купчикъ со слезами на глазахъ разсказалъ незнакомцу всю перипетію своего кутежа и увлеченія престестной особой. Незнакомецъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. По окончаніи разсказа сказалъ: У меня есть знакомые между приближенными графа, я постараюсь черезъ нихъ довести происшедшее съ вами до его свѣдѣнія—только скажите мнѣ по совѣсти—правдиво ли вы разсказали мнѣ все дѣло. Графъ не любитъ неправды, и если обнаружится ложь въ вашемъ разсказѣ, то онъ взыщетъ съ васъ строго за клевету. Купчикъ увѣрилъ его со слезами на глазахъ, что все разсказанное имъ святая истина. Ступайте въ домъ, сказалъ незнакомецъ и ждите въ пріемной выхода графа.

Купчикъ тотчасъ отправился въ домъ и сталъ ожидать

выхода графа. Каково было его изумление—когда дверь въ приемную отворилась и предъ нимъ предсталъ незнакомецъ въ генераль-адъютантской формѣ, окруженный блестящимъ штабомъ.

Купецъ упалъ на колѣни и просилъ простить его за безцеремонное обращеніе съ графомъ въ саду. Графъ немедленно приказалъ ему встать и спросилъ его: Все ли, что ты мнѣ рассказывать, правда? Все истинно, отвѣтилъ купецъ. Ступай и жди до моего рѣшенія во флигель. Тутъ же былъ отправленъ курьеръ въ Москву, чтобы къ утру была доставлена престелница съ векселями.

На слѣдующее утро, въ обычный часъ, въ приемной графа стояли купчикъ и престелная особа. Графъ вышелъ въ обычный часъ.—Расскажи вкратцѣ, какъ было дѣло, сказать онъ купцу. Купецъ повторилъ рассказъ. Покажи векселя обратилъ онъ къ особѣ. Векселя были поданы. Графъ осмотрѣлъ ихъ внимательно.

Сколько выдали Вы денегъ, спросилъ онъ у дамы? И получила ихъ за долготѣльную мою жизнь съ нимъ и за жертвы и здоровье, принесенныя мною ему.

Когда ты съ ней познакомился? спросилъ графъ купца.

Двѣ недѣли, былъ отвѣтъ. Дама не возражала. Въ мигъ векселя были изорваны въ клочки и полетѣли на полъ. Ступайте вонъ и не попадайтесь мнѣ въ другой разъ. Вотъ истинный рассказъ: судите сами можно ли осуждать графа. Произволъ, конечно, есть. Лучше ли было бы, если бы купецъ былъ разоренъ и деньги, нажитыя его отцомъ и дѣдомъ перешли въ карманъ авантюристки. Ныѣшніе юристы конечно, скажутъ: да. Пусть гибнетъ человекъ за минутную слабость и за то, что не исполнилъ ихъ китайскихъ формальностей. Но, по моему, нѣтъ. Много зла приносятъ намъ китайщина юриспруденціи. Поменьше бы ее—было бы лучше.

Вотъ другой случай, въ которомъ я игралъ нѣкоторую роль. Въ Москвѣ жила богатая барыня, вдова бывшаго Варшавскаго генераль-губернатора А. М. Писарева. Имѣя троихъ сыновей и двухъ дочерей. Несмотря на свое колоссальное состояніе, барыня постоянно пуждалась въ день-

гахъ. Всеобщій благодѣтель Христофоръ Дмитріевичъ С.....въ былъ всегда къ ея услугамъ, ссужая ее деньгами по 18 процентовъ въ годъ. При перепискѣ векселей на слѣдующій годъ, онъ требовалъ кромѣ процентовъ, еще и подарки въ три тысячи. Что всегда и получалъ. Такимъ образомъ долгу накопилось около пятидесяти тысячъ, а проценты росли и росли. Чтобы покрыть долги А. М. Рѣшилась продать подмосковное имѣніе Люблино и домъ у Каменнаго моста. Съ С.....вымъ было условлено, что онъ получитъ въ счетъ капитала тридцать тысячъ, проценты за годъ и въ три тысячи подарковъ, а остальные отсрочиваетъ на годъ. Домъ и имѣніе были проданы И. Н. Воейкову. По просьбѣ графа Закревскаго въ этомъ дѣлѣ принять участіе мой дѣдъ. Наканунъ совершенія купчей въ Московской Гражданской Палатѣ, пріѣхала къ намъ А. М. совершенно разстроенная и сообщила, что сейчасъ былъ у ней С.....въ и требуетъ отъ нея еще подарка въ три тысячъ, въ противномъ случаѣ грозитъ остановить совершеніе купчей, представивъ ко взысканію всѣ находившіяся у него заемныя письма. Выслушавъ ея сообщеніе—дѣдъ отправилъ меня съ докладомъ къ графу, такъ какъ вечеромъ безъ особенной крайней надобности не выѣзжалъ. Послѣ подробнаго доклада моего графу, онъ потребовалъ дежурнаго адъютанта, которому приказалъ потребовать завтра утромъ Спиридонова къ себѣ. Мнѣ же приказалъ на слѣдующее утро отправиться въ Гражданскую Палату и дожидаться тамъ окончанія совершенія купчей и по окончаніи пріѣхать доложить ему. Конечно все было исполнено аккуратно.

На утро Спиридоновъ былъ въ пріемной графа, имѣя въ карманѣ заемныя письма Писаревой и написанное прошеніе о наложеніи запрещенія. Проходитъ часъ — графъ не выходитъ, идетъ докладъ, проходитъ два и три часа; Спиридонова не требуютъ къ графу. Тогда онъ обращается къ дежурному адъютанту съ просьбой доложить графу, что у него есть дѣло въ Палатѣ; и онъ проситъ его принять немедленно. Когда адъютантъ доложилъ графу просьбу С.....ва, то получилъ отвѣтъ: пусть подождетъ, я займусь. Между тѣмъ въ Палатѣ купчая совершалась весьма быстро и ког-

да была готова и вручена по принадлежности, то я отпирался къ графу съ докладомъ. Въ приѣмной засталъ нѣсколь-
ко лицъ, въ числѣ прочихъ и С....ва графъ меня тотчасъ
принялъ въ кабинетъ. Ну, что, спросилъ графъ готово?
Купчая вручена по принадлежности, отвѣтилъ я. Графъ
тотчасъ же всталъ изъ за письменнаго стола и вышелъ въ
приѣмную. Обратясь къ С....ву сказалъ, я пригласилъ тебя
спросить, не желаешь ли ты пожертвовать на отдѣлку до-
мовъ въ Пзмайловской Военной богадѣльнѣ? (.....въ, низ-
ко кланаясь, началъ извиняться, что времена такіа, денегъ
никого не платить, и что онъ и такъ уже много пожертво-
валъ. Ну какъ тебѣ угодно, сказалъ графъ и обратился къ
другимъ просителямъ. Спирidonовъ тотчасъ же вышелъ и
посетилъ въ Гражданскую Палату. Но тамъ сказали ему,
что купчая совершена и потому они ничего не могутъ сдѣ-
лать. На другой день я отвезъ ему тридцать тысячъ капи-
тала, въ три тысячи подарковъ и проценты на оставшіеся
долгъ. Потери для него не было никакой. Вотъ какія дѣй-
ствія осуждаютъ нынѣшніе либералы. Формочка не соблю-
дена.

Въ 1859 году, на послѣдній день масленицы, московская
молодежь, посѣщавшая великосиѣтскіе вечера, устроила
танцевальный день въ боковыхъ залахъ собранія, въ бла-
годарность семьямъ, у которыхъ она бывала зимою. Про-
валившійся потолокъ большой залы угрожалъ паденіемъ, и
залъ былъ закрытъ для публики. Танцевали въ Екатери-
нинской и Гагаринской залахъ. Обѣдъ былъ сервированъ
въ проходной къ буфету комнатъ и сосѣдней. Приглашен-
ныхъ было около двухсотъ человѣкъ. По окончаніи обѣда
гости уѣзжали для перемѣны туалетовъ, но къ 9 часамъ
балъ былъ снова въ полномъ разгарѣ. Устроителями весе-
лаго дня были знаменитые дирижеры Ипать Арсеньевичъ
Бартеневъ и Лопухинъ, будущій предсѣдатель саратовской
судебной палаты. Весь beau-monde того времени почтилъ
балъ своимъ присутствіемъ.

На этомъ балу московскій генераль-губернаторъ графъ
Арсеній Андреевичъ Закревскій присутствовалъ въ послѣд-
ній разъ. Дочь его въ послѣдніе дни передъ масленицей

вышла замужъ за князя Друцкаго-Соколинскаго и уѣхала съ нимъ за границу. Москва ничего не знала про совершившееся событіе. Изъ постоянныхъ пріѣздовъ состоявшаго при графѣ чиновника Троицкаго, устроителя этой свадьбы, къ покойному моему дѣду и недовольства семьи графа ихъ домашнимъ докторомъ Николаевымъ я догадывался, что творится что-то особенное съ графиней Лидіей Арсеньевой, но подробности были такъ скрыты, что никто даже изъ приближенныхъ лицъ не зналъ истины. Графъ прибылъ на балъ съ супругой. Необыкновенное спокойствіе и малѣйшимъ образомъ не выдавало тревожнаго состоянія его взволнованнаго сердца. По обыкновенію, графъ до самаго обѣда простоялъ подъ портретомъ императрицы Екатерины II, бесѣдуя поочередно съ подходившими къ нему лицами. Ни малѣйшаго признака волненія не было замѣтно въ немъ. Между тѣмъ дочь его въ то время уѣзжала за границу съ неправильно выданнымъ ей заграничнымъ паспортомъ, и ему грозило неудовольствіе Государя и, можетъ-быть, на закатѣ дней позорная отставка, въ награду за пятидесятилѣтнюю боевую и административную службу. Въ пять часовъ онъ уѣхалъ домой обѣдать, но вечеръ окончилъ съ нами. Впослѣдствіи, по увольненіи графа отъ должности генералъ-губернатора, мы узнали, что недовольство семьи докторомъ Николаевымъ было за отказъ его быть свидѣтелемъ на свадьбѣ Лидіи Арсеньевны. Свадьба скрывалась до Свѣтлаго праздника, и только наканунѣ перваго дня Пасхи графъ увѣдомилъ о ней Государя. Отставка съ сохраненіемъ только званія генералъ-адъютанта Императора Николая I была отвѣтомъ на письмо графа.

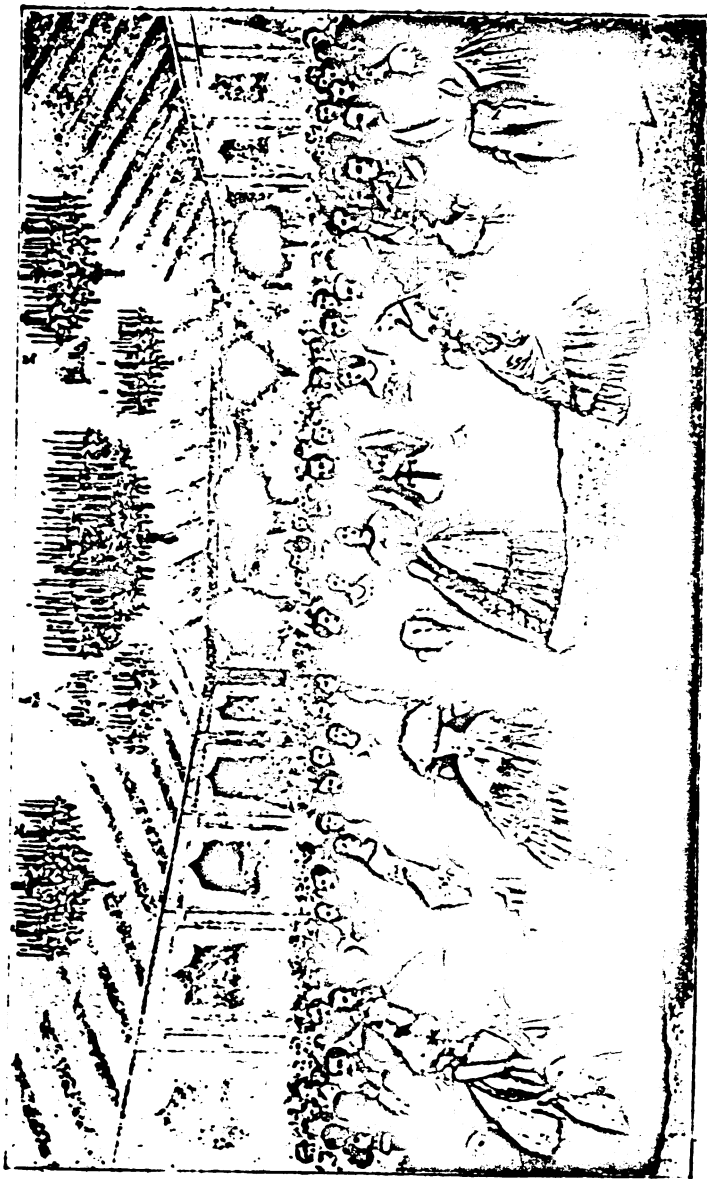
Я былъ у Графа на другой день по полученіи указа, напелъ его очень разстроеннымъ и первыя слова имъ произнесенныя были: «Уволили, какъ будочника». Графъ вскорѣ переѣхалъ въ Газетный переулокъ, домъ Бутовскаго, теперь Князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римско-Корсакова, гдѣ теперь театръ Художественнаго Общества. Домъ Графа въ Леонтьевскомъ переулкѣ (теперь Сорокумовскаго) былъ занятъ семействомъ Пашковыхъ, и только чрезъ полтора года Графъ могъ переѣхать на жительство въ свой домъ.

По выходѣ графа въ отставку только два раза видѣлъ я его на танцевальныхъ вечерахъ, и то у него въ домѣ. Въ первый разъ—когда онъ жилъ въ домѣ Римскаго-Корсакова, гдѣ теперь Художественный театръ а въ другой разъ—въ его собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, теперь домъ Сорокумовскаго.

Балъ молодежи удался вполне. Многіе были заинтересованы появившеюся на балу только что объявленною певчестой князя Сергія Петровича Волконскаго, Натальей Александровной Поеллеръ, поразившей всѣхъ своею красотой и особенно граціозностью.

Традиціонный день 1 мая во время генераль-губернаторства графа Закревскаго справлялся торжественно и весело московскими обитателями. Еще наканунѣ отправлялись въ Сокольниковую рощу люди съ палатками и мебелью для устройства временнаго помѣщенія и пиршества во время гулянья.

Съ 4 часовъ пополудни тянулись по улицамъ модныя коляски и допотопныя колымаги, запряженные парами и цугами съ форейторомъ. Тысячные рысаки чередовались съ деревенскими роспигатами, давно позабывшими день своего появленія на свѣтъ Божій. Все это стремилось къ Сокольниковымъ и къ 7 часамъ наполняло всѣ дороги рощи. Въ 8 часу съ блестящею свитой появлялся генераль-губернаторъ верхомъ. Немного впереди ѣхалъ вѣчный полицеймейстеръ г. Москвы, Иванъ Ивановичъ Сычневскій, привезенный въ 1828 году знаменитымъ адмираломъ графомъ Гейденомъ послѣ Наваринской битвы изъ Греціи и помѣщенный имъ въ кадетскій корпусъ. За графомъ слѣдовалъ верхомъ оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, адъютанты и военные чиновники для порученій графа. Шествіе замыкалъ полицеймейстеръ подполковникъ П. П. Огаревъ. Графъ обѣзжалъ все гулянье верхомъ и по наступленіи темноты возвращался домой. Покуда графъ оставался въ рощѣ, все было шумно и тихо, но съ его отъѣздомъ на полянкахъ, занятыхъ различными палатками съ продажей всевозможныхъ яствъ, а главное—питей, начинался разгулъ, далеко разошедшійся по рощѣ. Тогда большинство экипажей разѣзжалось или отправлялось во многочисленные

11 Сентября балъ у Англійскаго посла.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

мья дачи, гдѣ въ этотъ день устраивались вечера и ужины. Въ этотъ день москвичи показывали другъ другу вновь приобрѣтенные ими экипажи. Были такіе, что выписывали къ этому дню экипажи изъ Парижа и Вѣны. Я помню экипажъ à la Daumont, съ жокеями въ бѣлыхъ лосиныхъ штроблетахъ и рейтузахъ, привезенный тамбовскимъ помещикомъ Н. Н. Новиковымъ изъ Парижа. Простонародье съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣло на заморскую диковинку. Въ углубленіи рощи, на ея полянкахъ, установленныхъ столпками съ самоварами, веселился простой народъ. Между толпами простонародья сновали расчепки, шарманки и акробаты, на посланныхъ ковригахъ, на землѣ, показывавшихъ свое незатѣйливое искусство. Дачные вечера продолжались до утренней зари, и возвращающіеся домой гости, при солнечномъ свѣтѣ, могли видѣть многочисленные группы сладко спавшихъ на зеленой муравѣ гулякъ. Снисходительная полиція того времени снисходительно смотрѣла на невольную ночевку безъ прописки вида. Только утромъ тревожили ее лица, пострадавшія во хмѣлю отъ дѣятельности артистовъ ночного дѣла. Трудно было разобратся въ этомъ хаосѣ при ограниченныхъ средствахъ полицейскаго персонала. Постепенный упадокъ помещичьяго хозяйства отразился на традиціонномъ гуляньѣ 1 мая. Гдѣ тысячи экипажей наполняли дороги Сокольничьей рощи, теперь едва можно увидѣть ихъ нѣсколько десятковъ. Умираетъ все, что жило полною жизнью въ былое время.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Москвѣ сосредоточивалась плеяда русскихъ литературныхъ силъ, такъ называемой славянофильской партіи, во главѣ которой стоялъ Хомяковъ, Н. С. Аксаковъ съ двумя сыновьями, Погодинъ, Шевыревъ, библіографъ Соболевскій, Самаринъ, князь В. Черкасскій, Кетчеръ, М. С. Щепкинъ и Логиновъ. Къ этой плеядѣ прилипли двое богатыхъ коммерсантовъ В. А. Кокоревъ и К. Т. Солдатенковъ, которые своими денежными средствами способствовали распространенію различныхъ знаній.

На средства А. И. Кошелева издавался журналъ «Бесѣда» и печаталась газета «Парусъ». прекратившая свое

существованіе на второмъ номерѣ за статьи Аксакова и Погодина. «Парусъ» былъ подцензурный. Пропустившій его печатаніе цензоръ фонъ-Крузе лишился за пропускъ статей мѣста. По поводу его удаленія ходило четверостишіе:

Путая стаю астребину,
Съ стѣзи цензурной онъ слетѣлъ.
Какую жь пѣсню лободяную
Себѣ на парусъ онъ спѣлъ?

Бесѣда тоже существовала недолго и прекратила свое существованіе по несочувствію къ ней публики. Говорили въ обществѣ, что бесѣду погубили «сухіе туманы», статьи, о которыхъ печаталось въ Бесѣдѣ.

Надо отдать справедливость, что славянофильскій кружокъ сильно ратовалъ за улучшеніе быта крѣпостного сословія, стараясь казаться его представителями и руководителями. Нерѣдко дѣйствія ихъ возбуждали злобу, а иногда улыбку. Я помню въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, во время представленія въ Маломъ театрѣ, въ ложу бенуара вошла семья, одѣтая въ боричевыя, особеннаго покрою поддевки, чѣмъ обратила на себя общее вниманіе. Всѣ бросились узнавать другъ отъ друга. Что это за иностранцы? Оказалось, что это была семья Хомяковыхъ и костюмъ ихъ долженъ былъ изображать древне-русскую одежду. Также неумѣстное подражаніе Американскому либерализму невольнo вызывало улыбку на устахъ не экзальтированныхъ людей. Когда въ 1858 году были объявлены учрежденіе Комитетовъ для улучшенія быта крѣпостныхъ, то Московскіе либералы устроили объѣздъ въ купеческомъ клубѣ въ память начала новой эры въ Россіи. На этотъ объѣздъ собрались всѣ жаждущіе популярности.

Во время задранныхъ тостовъ, зажигательныя рѣчи ораторовъ проповѣдывали полное равенство всѣхъ сословій, уничтоженіе привилегій, чиновъ, орденовъ и всякихъ отличій. Между застольными гостями присутствовало нѣсколько лицъ, украшенныхъ орденами и звѣздами. Такая рѣчь заставила сконфузиться обѣдающихъ звѣздоносцевъ, я видѣлъ, какъ одинъ откупной звѣздоносецъ быстро нагнулся надъ столомъ, прикрылся скатертью и тамъ спялъ съ себя

звѣзду ордена. Много либеральныхъ ораторовъ было приглашено богатыми коммерсантами Кокоревымъ и Содатенковымъ, которые и заплатили за нихъ обѣдъ условленную плату. Обѣдъ былъ по подпискѣ. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ извѣстный артистъ и сочинитель экспромтовъ актеръ Ленскій. Когда онъ по окончаніи обѣда пріѣхалъ въ клубъ, то на вопросъ присутствовавшихъ: Какъ прошелъ обѣдъ? онъ отвѣтилъ четверостишіемъ:

Обѣдъ былъ безподобенъ
И было много тамъ ума,
И рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма.

т. е. Кузьма Терентьевичъ Содатенковъ, одинъ изъ учредителей обѣда.

Шевырева, удалившагося изъ Москвы послѣ столкновенія своего съ графомъ Вобринскимъ, я въ 1862 году встрѣтилъ въ Парижѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи изъ русской исторіи. Пріѣхавъ въ Парижъ въ мартѣ, я долженъ былъ на другой же день отвезти письмо къ одной русской и засталъ ее за сборами на лекцію Шевырева, я сопровождалъ ее туда. Шевыревъ читалъ извлеченіе изъ исторіи царствованія Царя Алексѣя Мпхайловича, а именнно, составленный имъ Соколинскій уставъ. Лекціи читались гдѣ-то на набережной р. Сены. Обширные залы были полны какъ русской, такъ и иностранной публикой.

Изъ числа старыхъ литературно административныхъ лицъ весьма часто обѣдывали у насъ П. М. Снегиревъ и Петръ Васильевичъ Хавскій. Оба дѣятеля временъ Императора Александра I. П. В. Хавскій, бывший сотрудникъ М. М. Сперанскаго, по редактированію свода законовъ Россійской Имперіи былъ тяжестью своихъ лѣтъ согбенный старикъ, хотя въ концѣ пятидесятихъ годовъ недавно только женившійся, кажется въ третій разъ. П. М. Снегиревъ съ ехидной усмѣшкой всегда въ томъ надъ нимъ подтрунивавшій. П. В. Хавскій, напротивъ всегда относившійся серьезно къ своей рѣчи и тутъ обстоятельно рассказывать случайное знакомство свое на улицѣ съ послѣдней своей супругой, когда ему пришлось помочь ей переправиться черезъ

грязь Московской улицы. П. В. былъ любитель церковной старины и издатель вѣчнаго календаря. Вообще обращеніе его съ изысканіями по русской старинѣ были серьезно и математически точны.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, при насмѣшливости и въ некоторой юмористичности своего характера нерѣдко довольно не серьезно относился къ получаемымъ имъ историческимъ свѣдѣніямъ и часто мѣшалъ историческій фактъ съ анекдотомъ нерѣдко скабрёзнаго пошлба.

Бывшій профессоръ, цензоръ, историческій изслѣдователь церковной и гражданской старины, послѣдніе годы своей жизни проводилъ печально. Неслады въ семейной жизни, а также недостатокъ денежныхъ средствъ вызывали постоянно жалобы его на судьбу. Средства его (по его личнымъ отзывамъ) были настолько ограничены, что онъ нерѣдко обращался къ знакомымъ съ займомъ мелочныхъ суммъ.

Послѣдніе дни нѣхъ жизни я потерялъ нѣхъ нѣхъ вида и воячипа нѣхъ была во время пребыванія моего въ чужихъ краяхъ.

ГЛАВА VI.

Созваніе экстреннаго собранія Московскаго Дворянства.—Возвращеніе дѣла изъ-за границы.—Освященіе Псакиевскаго Собора.—Временный отпускъ, а воячипа нѣхъ отставка.—Поѣздка и жизнь въ деревнѣ.—Побойце студентовъ съ пожарными.—Отставка Беринга и назначеніе кн. Кралоткина.—Былъ изъ купеческой семьи.

Въ январѣ 1858 года созвано было экстренное собраніе Московскаго дворянства, на которомъ постѣ многихъ дебатовъ постановлено было поднести на Высочайшее имя адресъ дворянства, въ которомъ они просятъ учредить комитетъ, долженствующій изыскать способы улучшить положеніе крѣпостного сословія. Адресъ дворянства былъ не первый и второй, какъ ожидалъ Государь, а весьма запоздавшій, что огорчило Его. Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1858 году Государь высказалъ это дворянству во время представленія нѣхъ въ Кремлѣ. Много толковъ возбуждалось въ Московскомъ Обществѣ толкованія слова усадьба. Что понимати

подъ этимъ словомъ? Мѣсто, занятое постройками дома, сараевъ, кладовыхъ и скотныхъ дворовъ или присоединить къ нимъ огороды, выгоны, конопляники, гумна, сады и другіе прилегающія угодья. Вообще шатаніе мыслей въ обществѣ было всеобщее. Многіе рѣшились продать имѣнія во что бы то ни стало, боясь лишиться всего своего состоянія и думая сохранить отъ продажъ хоть что-нибудь.

Весной слѣдующаго 1858 года возвратился изъ-заграницы мой дѣдъ, я поѣхалъ встрѣчать его въ Петербургъ и попалъ на освященіе Исаіевскаго Собора. Вернувшись въ Москву я занялъ семейною жизнью. Толки объ эмансипаціи заставили меня лѣтомъ взять отпускъ, а затѣмъ и совсѣмъ выйти въ отставку, чтобы заняться имѣніемъ и подготовиться къ переходу на новое хозяйство. Кромѣ того болѣзнь дѣда, заставлявшая его большую часть года проводить за границей и невозможность ему самому заниматься хозяйствомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, заставляла меня удѣлять свое время на поѣздки и ревизіи по его имѣніямъ. Толки объ эмансипаціи крестьянъ росли и росли.

Комитеты въ губернскихъ городахъ работали надъ улучшеніемъ быта крѣпостныхъ. Всѣ дебаты ихъ сообщались въ Москву, гдѣ въ то время было по званію сборище всего русскаго дворянства и гдѣ кипѣла ненависть противъ Петербургскаго чиновничества. Много было толковъ про дебаты Тульскаго дворянства и особенно про губернскаго предводителя Минина, а при предводителѣ Арсеньевѣ удаленіе изъ зала собранія князя Владиміра Черкаскаго. Слухи изъ Петербурга были неутѣшительны для дворянства. Многіе начали продавать имѣнія за безцѣнокъ, такъ что покупатели получили впоследствии въ возвратъ всю уплаченную ими сумму изъ выкупныхъ и оставшаяся земля пришлась имъ даромъ. Конечно наживались разные Кулупаевы и Разуваевы и разные волостные писаря и кулаки. Несмотря на грядущую печальную будущность дворянства балы и вечера не уменьшались. Были переѣхавшіе богатые лица изъ Петербурга, открывшіе въ Москвѣ пріемные для сыраутами и балами.

Въ эту зиму случилось побойще между студентами и пожарными служителями, гдѣ-то на Грачевкѣ. Студенты не

хотѣли пускать полицію въ занимаемый ими домъ. По распоряженію оберъ-полиціймейстера Тимашева-Берингъ, была вызвана пожарная команда, которая, выломавъ двери и окна по приставнымъ лѣстницамъ ворвалась въ квартиру и забрала студентовъ. Берингъ за побойще былъ уволенъ въ отставку и на мѣсто его назначили оберъ-полиціймейстромъ флигель-адъютанта князя Крапоткина. Новаго оберъ-полиціймейстера видѣлъ я ежедневно около часа дня. Я жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской, близъ церкви Симеона Столпника. Ежедневно около перваго часа дня я слышалъ стукъ его прозетекъ и топотъ скачущаго за нимъ верхового пожарнаго. Князь послѣ обычнаго доклада генералъ-губернатору, дѣлалъ визитъ извѣстной красавицѣ Софѣ Петровнѣ Нарынкиной, жившей на Поварской въ домѣ Осовскаго, теперь домъ Самарина.

Въ губернскихъ городахъ были учреждены комитеты; члены комитета въ своихъ мнѣніяхъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Большинство принадлежало къ консервативной партіи, хотя были и комитеты и съ противоположнымъ направленіемъ.

Главный Петербургскій комитетъ, сначала состоявшій изъ консервативнаго элемента, день ото дня мѣнялъ свою окраску и къ концу, послѣ выхода изъ состава его князя Орлова, превратился въ ярко-либеральный. Перемѣнѣ этой много способствовала великая княгиня Елена Павловна и великій князь Константинъ Николаевичъ оба сильно протезировали Николаю Александровичу Милютину, который, благодаря ихъ поддержкѣ сдѣлался руководителемъ дѣлъ комитета. Получивъ власть въ свои руки, онъ вызвалъ себѣ на помощь изъ Москвы Юрія Федоровича Самарина. Тогда комитетъ, учрежденный для свода постановленій губернскихъ комитетовъ, пересталъ обращать на нихъ свое вниманіе и редактировалъ статьи самопроизвольно, руководствуясь только своими вкусами. Вызовъ депутатовъ изъ губерній въ Петербургъ былъ одною лишь проформою. Никто ихъ серьезно не слушалъ, и мнѣнія ихъ вносились подъ суепо. Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, онъ выразилъ Московскому дворянству свое неудовольствіе по

случаю медленности работъ въ комитетъ объ улучшеніи быта крестьянскаго сословія, а главное на постановленіе комитета, что усадебной осядлостью предположено ими было считать только дворъ и постройки, на немъ возведенныя. Государь сказалъ «что онъ подъ именемъ усадебной осядлости считаетъ кромѣ двора, огороды, выгоны, сады и гумна».

ГЛАВА VIII.

1860 г.—Графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.—Московскіе пожары.—
Н. А. Тучковъ.—Балъ въ купеческой семьѣ.

Вмѣсто Графа Закревскаго временно занялъ мѣсто Московскаго Генералъ-Губернатора Графъ С. Г. Строгоновъ. Все затихло въ Москвѣ. Графъ Сергій Григорьевичъ почти никого не принималъ и самъ нигде не ѣздилъ. Москва скоро опустѣла, всѣ какъ-то рано разѣхались по деревнямъ тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ пачались сильныя пожары, и, какъ говорили, отъ поджоговъ. Я тоже уѣхалъ въ Тамбовское имѣніе, гдѣ въ тиши пробылъ, занимаясь хозяйствомъ до поздней осени. Въ концѣ лѣта Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Все сразу измѣнилось, подулъ какой-то либерально чиновническій духъ. Аристократическій штабъ Закревскаго растаялъ. Тучковъ перевелъ съ собою своихъ ординарцевъ и адъютантовъ изъ корпуснаго штаба, которымъ онъ передъ тѣмъ командовалъ.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія Московское купеческое общество только что начинало стремиться войти въ общеніе съ образованнымъ Московскимъ дворянскимъ обществомъ. На купеческихъ балахъ по немногу начали появляться дворянская молодежь изъ общества. Дамское же общество рѣдко показывалось на купеческихъ вечерахъ.

Въ числѣ Московскихъ комерсантовъ былъ и вѣто Сорокинъ, былъ у котораго я хочу описать.

Сорокинъ былъ чистый русскій самородокъ, сперва мѣщанинъ безъ всякаго образованія, при огрѣяченныхъ средствахъ къ жизни, но съ русской смѣлкой, въпослѣдствіи достигъ своимъ умомъ виднаго положенія въ средѣ Московскаго купечества; составилъ состояніе и, состоя подѣ протекціей многихъ высокопоставленныхъ лицъ обѣихъ столицъ, со включеніемъ Графа Закревскаго въ то число, имѣлъ даже вѣсъ въ администраціи. Сорокинъ былъ контрагентомъ Баташевскимъ и Шпилевскимъ чугуно-плавильныхъ заводовъ и составилъ себѣ этой агентурой большое состояніе, а благотворительною своею дѣятельностью получилъ почетное званіе и многіе ордена.

Имѣнія моихъ родныхъ въ Тамбовской губерніи граничили съ Баташевскими землями и заводами и перѣдко при покупкѣ хлѣба для заводовъ мы заключили различныя сдѣлки съ Сорокинымъ. Кромѣ того Сорокинъ рылъ желѣзную руду въ имѣніи Графини Закревской, въ недалекомъ разстояніи отъ Саровской пустыни и доставлялъ ее на Плевскій, тогда Баташевскій заводъ. Вѣдѣніе дружескихъ отношеній между дѣдомъ моимъ Н. Н. Пикифоровымъ и Графомъ Закревскимъ, перѣдко Сорокинъ прибѣгалъ къ содѣйствию дѣда въ дѣлахъ своихъ, съ Гр. Закревскимъ.

Вотъ результатъ нашего знакомства съ Сорокинымъ. Вертясь между образованнымъ обществомъ дѣловыхъ людей Петербурга и Москвы и заводской администраціи, Сорокинъ усвоилъ себѣ пользу образованія. Сыновья его кончили курсъ въ Московскомъ Университетѣ, а дочери воспитывались французскими и нѣмецкими преподавательницами. По этому можно поставить домъ его въ число образованныхъ купеческихъ семей. Въ то время я былъ только что спеченный молодой офицеръ и жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской улицѣ. Сорокина едва зналъ. Однажды, потребованный въ кабинетъ дѣда, я засталъ у него Сорокина. Высокій, юркій брюнетъ быстро поднялся съ кресла, при моемъ появленіи. Быстрые черныя глаза безпокойно бѣгали во лбу его, не останавливаясь на предметахъ ни на секунду. Когда я молча поздоровался съ нимъ, то дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ; Сорокинъ желаетъ обра-

Иванъ Семеновичъ Храповицкій.
Бывшій Московскій Вице-Губернаторъ въ 1826
году.
Съ старинной литографіи, собранія С. П. Виноградова.

тяться къ тебѣ за содѣйствіемъ въ одномъ дѣлѣ, надѣюсь, что ты постараешься исполнить его просьбу, къ которой присоединяюсь и я. На мой вопросъ Сорокину, чѣмъ могу я служить ему? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что выдаетъ замужъ свою дочь за Моршанскаго купца Котельникова, свадьба будетъ въ Тамбовской губерніи, но предварительный свадебный балъ будетъ въ Москвѣ, въ его домѣ, на набережной, близъ Каменнаго моста, потому онъ проситъ меня посѣтить его балъ и содѣйствовать его успѣху, привеза съ собою по возможности какъ можно больше танцующихъ кавалеровъ. Когда я по окончаніи разговора общалъ ему исполнить по возможности его просьбу, то онъ, нагнувшись почти къ уху, шепнулъ мнѣ: «нельзя ли съ тигульчиками.» Я насилу могъ скрыть невольнаго проснвшуюся на лицѣ моемъ улыбку...

Въ назначенный день я съ товарищемъ моимъ Графомъ Владиміромъ Морковымъ и двумя другими лицами, явился на балъ Москворецкой набережной. Довольно обширный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами былъ освѣщенъ люстрами и канделябрами. Хозяинъ представилъ насъ своему семейству и нѣсколькимъ болѣе почетнымъ гостямъ. Между присутствующимъ женскимъ персоналомъ не было у насъ ни одной знакомой личности, такъ что мы старались болѣе по возможности придерживаться семейства хозяина. Занимать разговоромъ нашихъ дамъ было затруднительно—ихъ интересы и наши были настолькоъ противоположны, что точка соприкосновенія витала гдѣ-то въ далекомъ пространствѣ. Я былъ еще въ лучшемъ положеніи, какъ помѣщикъ одной губерніи съ хозяевами, потому зналъ нѣкоторыхъ лицъ по наслышкѣ, но товарищи мои должны были поэтизировать. Всѣ дѣвицы говорили по французски, притомъ довольно правильно; нельзя было того сказать про ихъ русскій говоръ—онъ пестрѣлъ простонароднымъ выраженіями и неправильностью сложенія рѣчи, а главное отзвукомъ глухой деревни. Это можно наблюдать даже въ настоящее время въ семьяхъ вновь спеченныхъ милліонеровъ. Причину подобной русской рѣчи можно приписать первоначальному обученію деревенскихъ нянекъ, которымъ

вѣряется первая забота о дѣтяхъ въ купеческихъ семьяхъ. Балъ былъ весьма приличенъ, хотя общество чувствовало себя стѣсненнымъ и несвободнымъ между лицами совсѣмъ между собою незнакомыми. Но окончивъ танцевъ былъ ужинъ съ массою поздравительныхъ тостовъ и обиліемъ налитого и пролитого шампанскаго.

На другой день мы поѣхали къ Сорокину съ утреннимъ визитомъ и возбудили въ хозяевахъ замѣтное любопытство къ одной принадлежности нашего костюма. Балъ былъ лѣтомъ. Въ Наряжъ была мода въ лѣтнее время дѣлать утренніе визиты въ лаковыхъ башмакахъ, на верху которыхъ видѣется шолоховый чулокъ: въ такомъ костюмѣ поѣхали и мы. Хозяева косо смотрѣли на наше новшество, какъ будто бы подозрѣвая, что мы пзъ неуваженія къ нимъ явились въ почтовыхъ туфляхъ.

ГЛАВА IX.

1861 г. — Освобожденіе крестьянъ. — Поѣздка моя въ Тамбовскую губерцію. — Семьшій бунтъ. — Приѣздіе Государя въ Москву. — Покупка дачи Тучкову. — Бѣтва подъ Дрезденомъ. — Балъ у П. А. Тучкова. — Приѣздъ въ Москву. — Гр. Морковъ. — Гр. Загребскій. — Сударя Ген.-Губ. Тучкова. — Семья Челюшковыхъ. — Хвостинъ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли, на папертяхъ церковей и полицейскихъ будкахъ появился приобытый манифестъ, уничтоженія крѣпостного права, и объявленіе новаго положенія о крестьянахъ. Первое время все было тихо, дворовымъ было объявлено, что они должны оставаться въ услуженіи еще два года.

На второй недѣлѣ я выѣхалъ изъ Москвы въ деревню, хотя многіе меня отъ этого отговаривали. Увѣряли, что въ провинціи начался безпорядокъ. Мирно доѣхалъ я въ Тамбовскую губерцію. Все шло попрежнему. Всѣ были такъ ошеломлены неожиданнымъ, хотя и давно предполагаемымъ событіемъ, что первое время ходили какъ пришибленные. Но это была тишина передъ бурей. Весь цостъ прошелъ благополучно и крохъ нѣсколькихъ случа-

есть опившихся мужиковъ на базарахъ, не было слышно никакихъ безпорядковъ. Работы шли обычнымъ порядкомъ. Святая была поздняя. Изъ концъ Святой недѣли я поѣхалъ верхомъ въ лѣсъ другой нашей деревни, отстоявшей отъ господскаго дома въ 5 верстахъ. Проѣзжая въ трехъ верстахъ отъ дома и встрѣтилъ толпу разряженныхъ бабъ. бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ, шедшихъ въ усадьбу. Толпа очень мирно поздоровалась со мной и прошла мимо. Часа черезъ два, возвращаясь домой, я встрѣтилъ мирно возвращающихся женщинъ домой и первое, что мнѣ бросилось въ глаза при въѣздѣ въ усадьбу, это то, что весь обширный дворъ нашъ былъ усыянъ связками льна и конопля. Зимой никакихъ женскихъ работъ въ имѣніи у насъ не производилось. Всякая тягловая баба осенью получала известное количество трепаного льна или кудели, въ продолженіе зимы должна была спрясть и выткать 15 аршинъ холста и весной сдать холстъ въ экономію. Какой-то грамотѣй вычиталъ въ положеніи, что никакихъ дополнительныхъ работъ, кромѣ указанныхъ въ Положеніи, не допускается, и надоумилъ бабъ отнестъ несправедливый лѣнъ на барскій дворъ. Приказчикъ не принялъ лѣнъ, объяснивъ имъ, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Тогда бабы побросали связки льна на дворъ и ушли домой. Дали знать исправнику. По пріѣздѣ его бабы тотчасъ же выдали зачинщиковъ; когда ихъ арестовали, то остальные деревни многомъ разобрали свои связки и бабій бунтъ кончился. Происшествіе это послужило мнѣ въ пользу. Крестьяне увидали, что самовольничать имъ нельзя и сдѣлаи послѣ того смирно. Я въ ту же весну сговорился съ крестьянами, а лѣтомъ заключилъ съ ними добровольную сдѣлку на выкупъ земли. Это была первая сдѣлка въ уѣздѣ. Лѣто прошло спокойно. Отецъ отдалъ мнѣ съ братомъ имѣніе и самъ переѣхалъ въ городъ. Трудно было старымъ людямъ видѣть разгромъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ. Первое, что мы сдѣлали, это уничтоженіе огромной дворни, которая уничтожала добрую треть доходовъ имѣнія. Но многіе такъ обжались, что не хотѣли трогаться съ насиженныхъ мѣстъ. Особенно имѣвшіе большія семьи. Мы вынуждены были

многимъ положить небольшія пенсія, до истеченія двухлѣтняго срока, чтобы только заставить ихъ удалиться изъ усадьбы.

Лѣтомъ генераль-губернаторъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ жилъ въ Петровскомъ паркѣ, на дачѣ князя Долгорукова. Государь, бывъ въ Москвѣ, осчастливилъ Тучкова, принявъ приглашеніе на обѣдъ въ занимаемой имъ дачѣ. Во время разговора за обѣдомъ, узнавъ, что дача нанята Тучковымъ на лѣто, а не составляетъ его собственности, Государь приказалъ купить дачу и подарилъ ее Тучкову. По кончинѣ Тучкова дача была продана его наслѣдниками, долго служила помѣщеніемъ Нѣмецкаго клуба, потомъ ареной многихъ увеселительныхъ заведеній, а теперь окончательно сломана и мѣсто превращено въ манежъ и конюшни братьевъ Морозовыхъ.

Въ маѣ 1861 года Императоръ Александръ II прибылъ въ Москву, гдѣ пробылъ три недѣли. Москва была полна семьями помѣщиковъ. Многие не вѣхали въ деревню, опасаясь беспорядковъ между крестьянами, тѣмъ болѣе, что разнорѣчные слухи шли о волненіяхъ въ Казанской губерніи и въ селѣ Бездна и въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи.

Лѣто въ Москвѣ прошло спокойно, но осенью 10 октября ознаменовалось беспорядками студентовъ на Тверской площади. Студенты толпой явились къ дому генераль-губернатора, прося его выслушать ихъ жалобы на университетское начальство. Н. А. Тучковъ отказался выйти къ нимъ и вообще впутываться въ чужое дѣло. Никакія увѣщанія не дѣйствовали на разгоряченную молодежь, подстрекаемую Колоколомъ и его агентами. Тогда прибѣгли къ помощи полиціи и жандармовъ. Площадь была очищена, зачинщики арестованы и посажены въ мѣста заключенія. Бой этотъ назывался какъ битва подъ Дрезденомъ (гостиница на площади того имени). Побѣдителями были два полицеймейстера Николай Ильичъ Огаревъ и Иванъ Ивановичъ Сечинскій.

Въ декабрѣ 1861 года я поѣхалъ въ Москву, желая нѣсколько отдохнуть отъ тревожнаго и утомительнаго лѣта?

Поселился я на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ графа Комаровскаго, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ графомъ Владиміромъ Аркадьевичемъ Морковымъ. Москва нѣсколько успокоилась отъ ожидаемыхъ ею печальныхъ картинъ. Хотя во многихъ мѣстахъ Россіи и были нѣкоторые безпорядки, но они скоро улаживались безъ особыхъ рѣзкихъ мѣръ. Полученіе выкупныхъ денегъ временно немного исправило дѣла помѣщиковъ, пошатнувшіеся отсутствіемъ кредита вслѣдствіе закрытія операций Опекунскаго Совѣта.

Графъ Закрескій переѣхалъ въ Газетный переулокъ въ домъ князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римскаго-Корсакова (теперь Художественнаго театра), и кромѣ ежедневныхъ собраний для игры въ лото съ графиней, бывали у нихъ и небольшіе танцевальныя вечера. Графъ жилъ стариннымъ барининомъ, не измѣняя своихъ припычекъ. Утро было занято докладами разныхъ управляющихъ имѣній и домовъ, потомъ обычный завтракъ, пріемъ знакомыхъ и прежнихъ сослуживцевъ; потомъ графъ дѣлалъ нѣсколько визитовъ передъ обѣдомъ. Обѣдъ на 6 или 8 персонъ. Вечеромъ неизбѣжное лото у графини, въ 11 часовъ легкій ужинъ и затѣмъ графъ удалялся тотчасъ же въ свою спальню. Графиня часто продолжала игру въ лото, если оставались еще партнеры.

Наружно графъ оставался ровенъ и спокоенъ, какъ всегда, но въ разговорѣ съ близкими ему лицами жаловался на свершившееся, выходя, что не привили во вниманіе его слишкомъ пятидесятилѣтнее служеніе отечеству и уволили какъ будочника безъ прошенія. Графиня, по обыкновенію, по утрамъ долго лежала въ постели, гдѣ даже принимала близкихъ себѣ особъ, а вечеромъ неизбѣжное лото. Она легче переносила постигшую ее катастрофу, хотя иногда жаловалась на нѣкоторыхъ личностей ея, во время власти, облагодѣтельствованныхъ.

Я бывалъ часто у нихъ, особенно по вечерамъ вмѣстѣ съ графомъ Владиміромъ Морковымъ, чтобы составить партію графинѣ.

Предводителемъ Московскаго уѣзда выбранъ былъ Николай Гавриловичъ Головинъ, ярый крѣпостникъ, отъ ко-

тораго ожидали многого, но вышелъ мыльный пузырь. Кроме пустой болтовни—ничего. До него предводителемъ Московскаго уѣзда былъ Рябининъ, родственникъ генералъ-губернатора Тучкова. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней, когда я былъ съ визитомъ у супруги генералъ-губернатора и кто-то разсказалъ о какой-то выходкѣ Головинна, то Елисавета Ивановна, обратясь ко мнѣ сказала: «вотъ вашъ выборъ, господа, заболтировали достойнаго человѣка и выбрали другого, только за то, что громко критикуетъ то, чего избѣжать невозможно».

Въ эту зиму у генералъ-губернатора былъ замѣчательный балъ, на которомъ присутствовали: князь Барятинскій, покоритель Кавказа, прежній главнокомандующій Кавказа Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Имамъ Шамиль, съ двумя сыновьями. Триумфировать этотъ возбуждалъ общее любопытство московской публики. Я помню маленькій эпизодъ, случившійся на моихъ глазахъ. Старшій сынъ Шамиля былъ представленъ госпожѣ Арсеньевой, рожденной княжнѣ Дадіанъ. Разговаривая съ нимъ, Арсеньева увидѣла на его пальцѣ кольцо, подаренное ею своей родственницѣ Орбеліанн, которая недавно была въ плѣну у Шамиля, взятая въ своей усадьбѣ во время одного набѣга. Гдѣ Вы взяли это кольцо? спросила Арсеньева. Молодой горенъ сильно покраснѣлъ и спряталъ руку въ череску, отвѣтивъ что-то непонятное. Я знаю это кольцо, оно принадлежало моей родственницѣ Орбеліанн, продолжала Арсеньева. Горенъ вспыхнулъ до корня волосъ и сталъ что-то тихо отвѣчать Арсеньевой, какъ можно было судить оправдывая свой поступокъ и незаконное владѣніе кольцомъ.

На этомъ балѣ была тоже замѣчательная личность братъ Павла Алексѣевича Тучкова—Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ. Извѣстный либераль, Пензенскій помѣщикъ, дочь котораго была замужемъ за Огаревымъ, другомъ Герцена. Личность эта тоже обращала на себя вниманіе, хотя Алексѣй Алексѣевичъ старался держать себя въ тѣни и даже не ходилъ въ танцевальный залъ. Зимой было много баловъ, хотя общество было встревожено разнообразными слухами о волненіяхъ въ различныхъ мѣстахъ Имперіи.

Зима прошла какъ-то бездѣльно и скучно. Немного разнообразило Москву вновь открывшійся домъ Челищевыхъ, гдѣ были двѣ взрослые красавицы дочки. Старшая вышла въ томъ же году замужъ за кавалергарда Львова, а вторая, В. Варвара, вышла впоследствии, за пзвѣстнаго богача Попова. Последняя несмотря на свою обаятельную красоту и ангельскій ровный характеръ, была очень несчастлива въ замужествѣ и даже съ горя была психически больна и скончалась въ лѣчебницѣ у психіатра. Глядя на нее въ дѣвичьемъ ея возрастѣ, и любуясь ея грезевской головкой, можно ли было ожидать такой печальной участи? Напротивъ, казалось, что ее ожидало самое веселое и могучее счастье. Балы Челищевыхъ привлекали всю московскую аристократическую молодежь, любовавшуюся молодостью и красотой молодыхъ хозяевъ. Мнѣ впоследствии, пришлось почти ежедневно бывать въ этомъ домѣ, когда балы и празднества прекратились и семейство жило болѣе спокойной семейной жизнью.

ГЛАВА X.

1862 г. Бурное Дворянское Собраніе.—Потѣшка въ Парижѣ.

Выборы 1862 года были бурны. Сдержанность дворянства во все время засѣданій комитетовъ по улучшенію быта крѣпостной зависимости крестьянъ върѣше, освобожденія ихъ, послѣ обнародованія положенія, развязало молчаливые уста. Дворяне затворили. Изъ пересказовъ въ тиши кабинета перекочевали въ громкіе дебаты дворянскихъ собраний. Въ московскомъ дворянскомъ собраніи громилъ петербургскую чиновничью клику Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ, пазывая чиновничью петербургскую клику опричной. Николай Александровичъ Безобразовъ стоялъ за права дворянства, на основаніи грамоты Императрицы Екатерины II, подтвержденной послѣдующими Государями. Автографическій портретъ Безобразова съ надписью въ видѣ оребла «поборникъ правды, защитникъ правъ дворянства», раздавался желающимъ имѣть его. Графъ Орловъ-

Давыдовъ сообщилъ дворянству, что ему извѣстно, что Государь Александръ II думаетъ уступить часть правъ своихъ Дворянству. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ призванъ къ судебному слѣдователю къ допросу, съ вопросомъ: кто сообщалъ ему такіе слухи? Обидѣвшись признаніемъ, графъ подалъ въ отставку отъ занимаемаго имъ придворнаго званія.

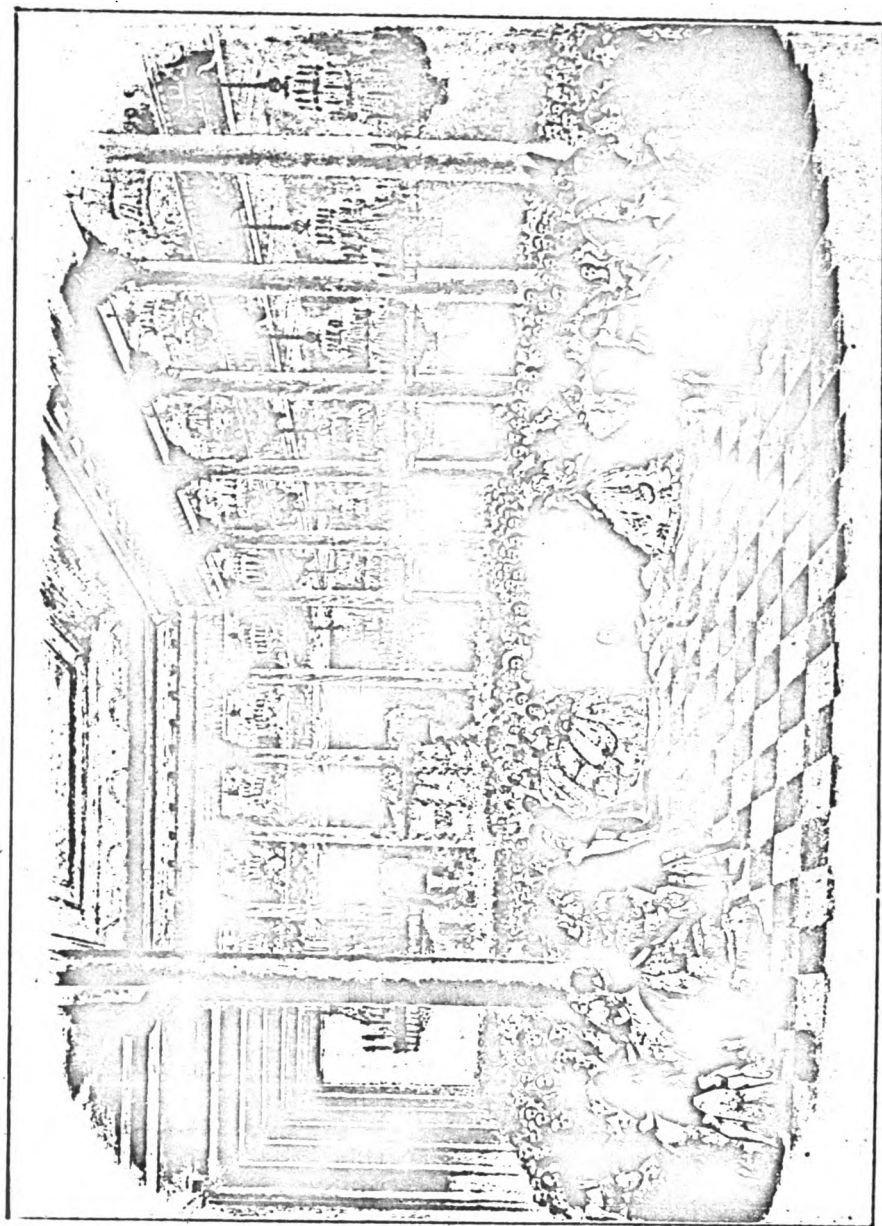
Дворянство подало всеподданѣйшее прошеніе Государю. Отвѣта на него не послѣдовало. Допустившій къ подачѣ адреса Губернскій предводитель П. П. Воейковъ не былъ утвержденъ въ своемъ выборномъ званіи и мѣсто губернскаго предводителя, занялъ второй кандидатъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

Въ 1862 году было много толковъ о назначеніи новыхъ министровъ. Большинство которыхъ было изъ числа лицъ, служившихъ въ морскомъ министерствѣ, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, и имъ рекомендованныхъ. Москва считала Великаго Князя противникомъ дворянства, сильно волновалась видимымъ вліяніемъ его на дѣла Имперіи.

10 ноября Государь прибылъ въ Москву. гдѣ 18 ноября принималъ дворянскихъ депутатовъ, какъ московскихъ, такъ и смежныхъ съ нею губерній. Пріемъ дворянъ былъ обставленъ торжественно. Государь благодарилъ дворянскія депутаціи за жертвы, сдѣланныя дворянскимъ сословіемъ при отчужденіи земли къ отошедшимъ отъ нихъ вѣрнопостныхъ крестьянъ. 25 ноября былъ пріемъ городскихъ головъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ Московской губерніи.

Государь пробылъ въ Москвѣ до 20 декабря. Кромѣ различныхъ приаднествъ, устраиваемыхъ по случаю пріѣзда Государя была организована охота. Когда Государь ночевалъ въ Москвѣ на охотѣ, то устроившіе охоту дворяне, въ ночное время, составляли изъ себя лично охрану Государя и по очереди стояли на часахъ вокругъ дома, гдѣ опочивалъ Государь.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ половинѣ февраля я уѣхалъ за границу, въ Парижъ. Отъ Москвы до Петер-

Балъ въ Благородномъ Собраніи 10 Сентября.

Изъ альбома, издавнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

бурга и отъ Петербурга до Динабурга (теперь Двинска) я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ Динабургѣ насъ помѣстили въ мальпость и такъ везли до Ковно. Въ Ковно мы сѣли снова въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ нѣсколько часовъ были въ Эйдкуненъ. Это была моя первая побѣдка въ чужіе края. Въ Москвѣ было 8 градусовъ мороза. Въ Петербургѣ и вплоть до Ковно была полная зима, но съ Ковно сильно потеплѣло и въ Эйдкуненъ мы нашли 2 градуса тепла. Когда на слѣдующее утро я пріѣхалъ въ Берлинъ, то нашелъ тамъ, хотя туманную, но теплую погоду. Взятая мною изъ Москвы шуба стѣсняла меня. Въ Берлинѣ я пробылъ нѣсколько часовъ, до перваго отходящаго поѣзда и съ нимъ выѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь была полная весна, хотя листьевъ и почекъ на деревьяхъ еще не было. На слѣдующее утро я былъ въ Парижѣ въ 10 часовъ утра и остановился на углу rue de Provence и rue Laffite противъ дома Ротшильда. Переодѣвшись и приведя себя немного въ порядокъ, я отправился на бульвары пить кофе. Итальянскій бульваръ былъ въ двухъ шагахъ. Напившись кофе въ Café Riche, я въ первомъ часу пошелъ по бульварамъ и близъ Мадлены встрѣтилъ моего московскаго знакомаго, князя Любомирскаго, поселившагося въ Парижѣ около своихъ родныхъ. Встрѣча стараго московскаго знакомаго, въ незнакомомъ городѣ, весьма пріятна, тѣмъ болѣе, что я приобрѣлъ въ немъ хорошаго руководителя и знатока парижской жизни.

Описывать парижскую жизнь я не стану. Сначала я накинута на обозрѣваніе музеевъ, дворцовъ, церквей, вечеромъ театръ, затѣмъ балъ-маскарадъ и ужинъ, однимъ словомъ, все, что продолжалъ въ то время вырвавшійся изъ волю цивилизованной заграничной жизни, русскій путешественникъ. Мнѣ было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, здоровья много, денегъ достаточно. Жажда привольной жизни большая. Въ увлеченіяхъ недостатка не было и все шло шаблонно какъ по маслу.

Два эпизода этой зимы остались у меня въ памяти.

Въ одно утро, гуляя въ Елисейскихъ Поляхъ, я встрѣтилъ моего пріятеля князя Александра Урусова. Князь об-

ратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я дѣлаю изъ моего вечера? Не рѣшилъ еще, отвѣтилъ я. Поѣдемте въ театръ Variété, у меня ложа. Тамъ будетъ очень интересно.—Будетъ рѣшаться споръ между Демидовымъ и содержателемъ театра. Демидовъ покровительствуетъ одной артисткѣ (кажется Pignon). Антрепренеръ далъ ей роль, которая ей почему-то не нравится. Демидовъ просилъ антрепренера избавить ее отъ этой роли, но антрепренеръ запросилъ за это пятьдесятъ тысячъ франковъ, которые Демидовъ не согласился дать. Демидовъ рѣшился уронить пьесу на первомъ представленіи и, забравъ черезъ своихъ знакомыхъ почти всѣ мѣста въ театрѣ, устроилъ паденіе пьесы. Когда я пріѣхалъ въ назначенную мнѣ ложу, то засталъ въ ней Александра Урусова и съ нимъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ дамъ, которымъ и былъ тотчасъ же представленъ. Театръ еще не начинался, но партеръ былъ уже полонъ и по залѣ проносился какой-то сдержанный гулъ. Въ коридорѣ было нѣсколько полицейскихъ. Видно всѣ чего-то ждали. Съиграли увертюру, занавѣсъ поднялся. Не успѣли актеры пропѣсть нѣсколько словъ, какъ всѣ сидящіе въ партерѣ поднялись, вадъли тѣпы повернулись спинной къ сценѣ и раздавался такой оглушительный свистъ и шиканье, что спектакль долженъ былъ прекратиться, и занавѣсъ быть опущенъ. Немедленно явилось нѣсколько полицейскихъ и начался арестъ шумѣвшей публики. Но тутъ произошло что то безобразное. Партеръ оказался наполненнымъ также атлетами изъ цирка. Полицейскіе были смяты, арестованные освобождены, сержанты вытолкнуты изъ залы, а нѣкоторые высѣчены тутъ же на креслѣ короткими ремешками пальцами. Торжество партера было не долгое. Явилась новая фаланга сержантовъ и пошли аресты и рукопашный бой. Полетѣли скамейки изъ ложъ въ головы полиции. Количество полицейскихъ ежесекундно увеличивалось и партеръ былъ вытѣсненъ и частью арестованъ. Мы заперлись въ своей ложѣ и не выходили въ коридоръ. Когда шумъ и драка нѣсколько успокоились, желая оставить театръ мы вышли изъ ложи въ коридоръ, ведя подъ руку своихъ дамъ. Александръ Урусовъ шелъ впереди, я за нимъ.

На нижней площадкѣ онъ обернулся ко мнѣ и сообщилъ что какому-то полицейскому сломали палецъ. Пройдя нѣсколько шаговъ я увидѣлъ сержанта, державшаго свой палецъ поперекъ рта. Обратившись къ Урусову, я сказалъ ему: «не этотъ ли?» и показалъ на него глазами. Моментаально сержантъ грубо схватилъ меня за руку, отдернулъ отъ моей дамы и повлекъ къ стоящему недалеко комиссару въ трехцвѣтномъ шарфѣ.

Я такъ былъ удивленъ первое время, что не нашелся, что сказать моему похитителю.

— Что сдѣлалъ этотъ господинъ?—спросилъ комиссаръ. Онъ очень грозно и сердито на меня посмотрѣлъ,—отвѣтилъ сержантъ.

— Оставьте его.—Былъ отвѣтъ.

Тогда я обратился къ комиссару съ вопросомъ, по какому праву я былъ оскорбленъ, я иностранецъ, русскій, и буду жаловаться въ посольство.

— Уходите скорѣе, а то я велю посадить Васъ въ арестанскую—получилъ я грубый отвѣтъ. Я счелъ за лучшее удалиться и черезъ нѣсколько минутъ былъ въ Кафе Anglais. Двери и окна Кафе были заперты и окна закрыты ставнями. Кругомъ кафе стояла толпа и громко гудѣла и апплодировала собравшимся заправиламъ манифестаци. Меня тотчасъ же пустили черезъ боковой ходъ съ улицы Richelieu, когда я назвалъ себя. Тамъ я засталъ цѣлое общество молодежи самаго аристократическаго общества. Черезъ полчаса явился Урусовъ и объявилъ намъ, что онъ вступилъ съ комиссаромъ въ пренія, по какому праву такъ грубо обошлись со мной. Результатъ разговора былъ тотъ, что его арестовали и отправили au Violon, гдѣ, записавъ его званіе и имя, тотчасъ же отпустили домой. Толпа народа все увеличивалась и дошла до нѣсколькихъ тысячъ. Чтобы разсѣять ее была вызвана кавалерія, которая палашами и лошадыя разогнала ихъ. Всѣ рѣшили на утро сдѣлать демонстрацію Наполеону III въ Булонскомъ лѣсу.

Когда Наполеонъ на другой день пріѣхалъ туда на прогулку, и гулялъ съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей, то всѣ грубой ходили мимо его и не кланялись, хотя многіе были

ему знакомы. Результатъ демонстраціи былъ тотъ, что пьеса была запрещена и снята со сцены.

Другой случай былъ такой: гуляя разъ на бульварахъ съ А. Урусовымъ, я познакомился съ вѣкиимъ Борщовымъ и былъ тотчасъ же приглашенъ къ нему на спиритическій вечеръ съ знаменитымъ въ то время Алаять-Кордекъ. Борщевъ жилъ въ Елисейскихъ поляхъ съ женой и свояченицей.

Вечеръ начался спиритическими сеансами, въ которые я нисколько не вѣрилъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на ребяческую шутку.

По окончаніи сеансовъ, большинство публики, было посажено за карточные столы. Со мной сѣлъ хозяинъ Борщовъ, полякъ Цыпнскій и Каменскій. Играли въ старинный ералашъ. Я объявилъ, что по большой не играю. Конечно, по маленькой, отвѣтилъ хозяинъ, сдавая карты и игра началась. Въ продолженіе робера, я нѣсколько разъ просилъ назначить цѣну игры, но всякій разъ получалъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ, роберъ конченъ, я выигрываю 1200 фишъ и прошу оковчательно сказать цѣну игры. Мнѣ объявляютъ два франка, я отвѣтилъ, что по такой возвышенной цѣнѣ не играю. Съ ироніей мои партнеры объявляютъ мнѣ, что обыкновенно играютъ по пяти франковъ, но только для меня понизили игру. Я прошу замѣнить меня кѣмъ либо другимъ. Партнеры соглашаются повизить игру до 1¹/₂ франка и, указывая на мой выигрышъ, говорятъ, что это мнѣ безопасно. Сконфуженный, я соглашаюсь и остальные пять роберовъ проигрываю. Въ результатъ 4000 съ чѣмъ-то франковъ дефициту. Впослѣдствіи оказалось, что я попалъ въ компанію извѣстныхъ игроковъ, за что и попался.

Спустя десять лѣтъ послѣ того я встрѣтилъ Борщова, на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги. Онъ меня не узналъ, я пригласилъ меня на обѣдъ, проигравъ въ вагонѣ 6 рублей. На обѣдѣ я былъ, но въ карты съ нимъ не игралъ, а заплатилъ ему за распечатанныя колоды пять рублей, не желая вѣсть даромъ его обѣдъ и напомнилъ ему парижскую встрѣчу. Богъ: я его не видѣлъ.

За обѣдней въ Русской церкви я былъ крайне изумленъ,

встрѣтивъ тамъ Князя Юрія Голицына, нашего бывшаго Тамбовскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Голицынъ, находясь въ административной ссылкѣ въ г. Козловѣ, увезъ дочь мѣстнаго помѣщика и бѣжалъ съ нею въ Лондонъ, откуда его правительство не могло достать. Князь, какиѣмъ образомъ вы въ Парижѣ?—спросилъ я? Тетушка выхлопотала амнистію, отвѣтилъ князь. Довольно голодать въ Лондонѣ у этихъ торгашей, пора вернуться домой.

Впослѣдствіи Князь былъ совершенно прощенъ и я встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ. Оригинальная была личность.

На Страстной недѣлѣ я получилъ въ Парижѣ телеграмму, что дѣдъ мой занемогъ и его отправляютъ лечиться въ Германию. Меня требовали въ Москву немедленно. Я съ грустью расстался съ Парижскими пріятелями и въ пятницу на Страстной выѣхалъ въ Россію. Въ Москву я пріѣхалъ на третій день Пасхи, встрѣтивъ Свѣтлый праздникъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

ГЛАВА XI.

1862.—Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ въ деревню.—Мое хозяйничанье.—Коммюністскіе бунты.—Міровые посредники.—Губернаторъ К. К. Данзасъ.—Губернскій Предводитель Н. А. Никифоровъ.—Окружные Начальники.

По пріѣздѣ въ Москву, дѣдъ мой поручилъ мнѣ управленіе своими имѣніями въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ Тамбовской губерніи и двухъ уѣздахъ Пензенской. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ кромѣ управленія нужно было вводить также уставныя грамоты.

Я тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ Темниковскій уѣздъ Тамбовской губерніи, гдѣ жилъ главный управляющій, въ полную распутицу.

До г. Елатмы доѣхалъ я съ грѣхомъ пополамъ, по невылазной грязи, но далѣе дорога прерывалась. Былъ полный разливъ р. Оки и никакихъ перевозовъ организовано не было. Нашелъ я какую-то рыбацью лодку съ четырьмя гребцами, которые обязались доставить меня въ имѣніе

дѣла за 20 верстъ на противоположномъ берегу. Перевалъ едва не стоилъ мнѣ жизни. По разливу было тихо, но когда мы перѣхали р. Оку, то неумѣлые лодочники едва не опрокинули неуклюжую посудину на перевалъ рѣки, гдѣ образовалась стремнина. Съ парижскаго бульвара я очутился въ глухой деревнѣ, заиѣдывавшимъ тремя тысячами душъ, въ самое неспокойное время, когда и опытному хозяину было невмочь.

Первое время мнѣ казалось жутко. Управляющій былъ въ острыхъ отношеніяхъ съ крестьянами и не ладилъ съ властями. Крестьяне были на оброкѣ, но оброка не платили. Жалобы къ мировому посреднику не достигали цѣли. Онъ предписывалъ волостному старшинѣ, но результатъ былъ плохой, получались гроши отъ тысячи слишкомъ душъ крестьянъ, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ многіе изъ крестьянъ имѣли мельницы и занимались торговлею пеньки, мочалъ, коноплянаго масла и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. По просьбѣ моей мировой посредникъ передалъ дѣло о взысканіи недоимокъ полиціи. Но и тутъ дѣло не двигалось. На счастье мое исправникъ былъ бравый офицеръ, любившій кутнуть и потому постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, которые постоянно занималъ направо и налѣво. Я далъ ему нѣсколько сотъ рублей подъ расписку и тѣмъ пріобрѣлъ его расположеніе. Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ имѣніе съ толпою сотскихъ и повятыхъ изъ государственныхъ крестьянъ, для производства описи и продажи крестьянскаго имущества. Не желая продавать имущества крестьянъ, я просилъ его изыскать другіе способы взысканія.

По указанію приказчика имѣнія, были вызваны самые богатые крестьяне въ контору. Предложили первому уплатить числящуюся за нимъ оброчную недоимку. Крестьянинъ началъ вѣстаться и божиться, что онъ совершенно разоренъ и семья умираетъ съ голода. Исправникъ приказалъ наказывать его розгами, но не успѣлъ десятскіе раздѣлть его, какъ онъ взмолился, прося пощады и обѣщавъ немедленно сдѣлать уплату числящейся на немъ недоимки. Тутъ же, сидя на полу, онъ развернулъ онучи и вынулъ

приготовленную пачку кредитовъ, покрывавшую его долгъ. Такъ съ большими варіаціями уплатили и остальные девятнадцать человѣкъ. Затѣмъ пошли уплаты и остальныхъ недоямщиковъ. Нѣкоторые уплачивали сполна, а остальные частью. Ледъ былъ прорубленъ и вода потекла хотя медленно, но безостановочно. Крестьяне увидали, что съ ними шутить не будутъ. Пріѣздъ исправника сдѣлался извѣстнымъ по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ и оброки начали уплачиваться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, вездѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцъ мнѣ необходимо было ѣхать въ другое имѣніе дѣда въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи и оттуда въ Тамбовъ. Я желалъ видѣться съ дядей моимъ, тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Александровичемъ Нишфоровымъ и губернаторомъ К. К. Данзасомъ, моимъ хорошимъ знакомымъ. Кроме того у меня были дѣла по обширнымъ имѣніямъ дѣда. Повѣдка въ Кирсановское имѣніе въ хорошую, сухую погоду была прогулкою. Тутъ я впервые познакомился съ степнымъ Тамбовскимъ хозяйствомъ и обширными владѣніями Тамбовскихъ крупныхъ владѣльцевъ: Нарышкиныхъ, Масловыхъ, Соловыхъ и др.

Поразила меня разность цѣнъ лѣса сѣверныхъ уѣздовъ съ южными. Въ Темниковскомъ уѣздѣ можно было купить десятину великолѣпнаго лѣса за пятьдесятъ рублей, между тѣмъ какъ въ Кирсановѣ за плохой перестоявшійся осиноый лѣсъ я взялъ 300 руб. за десятину, за которую въ Темниковскомъ уѣздѣ никто не далъ бы и по 25 р. Хлѣбъ же былъ въ обратной пропорціи цѣнности южныхъ уѣздовъ къ сѣвернымъ. Рожь въ Темниковскомъ уѣздѣ стояла цѣна 3 руб. слишкомъ, а въ Кирсановскомъ не давали и 2 руб., а овесъ въ Кирсановѣ былъ всего 80 коп. за четверть. Покончивъ свои дѣла въ Кирсановскомъ уѣздѣ, я поѣхалъ въ Тамбовъ, и попалъ въ разгаръ ярмарки и съѣзда на нее богатаго и блестящаго дворянства.

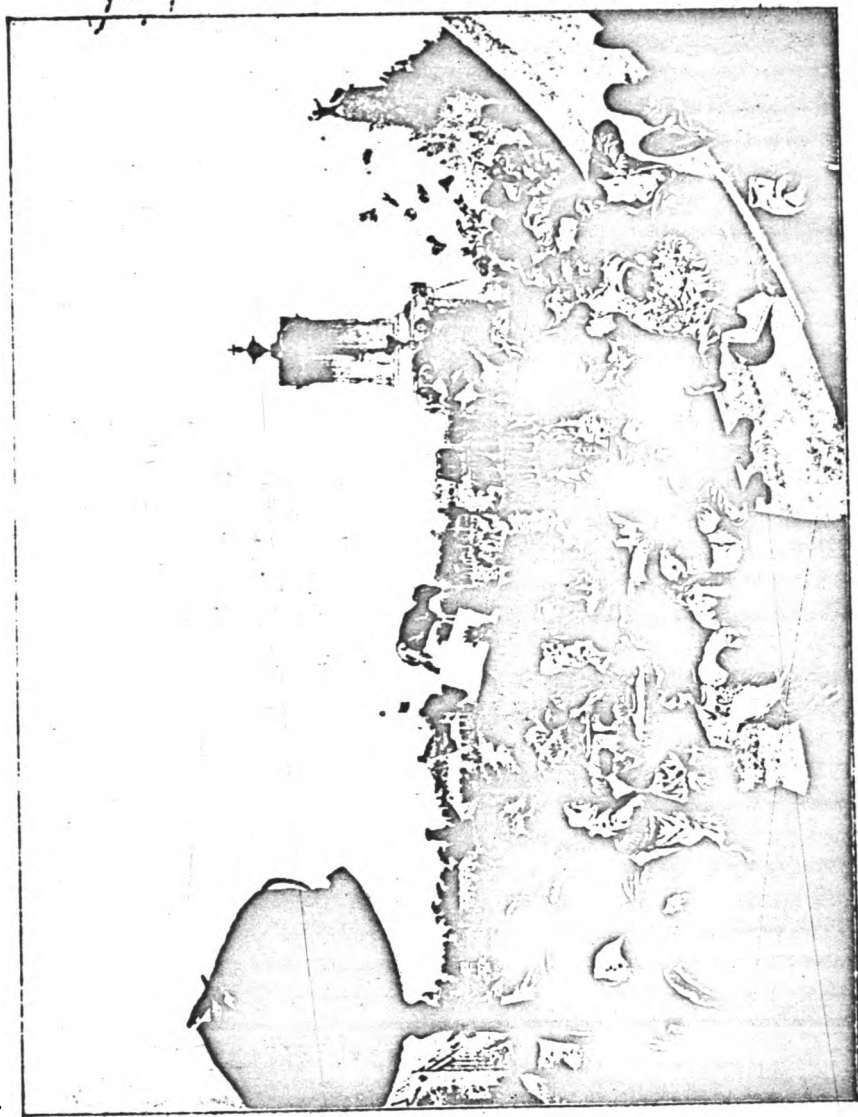
Центръ сборища всѣхъ пріѣзжихъ былъ домъ губернатора Карла Карловича Данзаса. Жены его не было въ Тамбовѣ. За хозяйскъ были его двѣ дочери: Бологовская и Жихирева. Дамскаго общества у него почти не бывало, а со-

бирался один мужчина у него или въ клубъ губернаторскаго сада, гдѣ центромъ нашего холостого общества была Магницкая—веселая барыня и большая пріятельница Карла Карловича. За веселыми ужинами, подъ звуки струннаго оркестра собирався у него Тамбовскіе магнаты: братья Петрово-Соловья Григорій и Михаилъ Федоровичи, братья Масловы, отставной генералъ Бологовскій, Воейковъ, (Фро-симовъ, Ипхаревъ, Козловъ и др. Ужины были веселы и оживленны. Остроты и казамбуры сыпался со всѣхъ сто-роновъ. Разъ Данзасъ предложилъ тостъ выпить за здоровье Соловьевъ (показывая на братьевъ Григорія и Михаила Федоровичей). Принимая,—отвѣтилъ Григорій Федоровичъ, но безъ участія чашекъ. Дружный аплодизментъ и хохотъ былъ отвѣтъ на его остроту. Данзасъ былъ съ сильной просьбою.

Днемъ посѣщали конную ярмарку, а послѣ обѣда бѣга, гдѣ молодые рысакіи пробовали свои силы.

Домъ губернскаго предводителя Николая Александровича Никифорова былъ советомъ другого пошиба. Тамъ шли по-стоянные толки, какъ, если не сохранить дворянское иму-щество, то сохранить тѣ крохи, которыя должны остаться отъ ликвидаціи послѣ крѣпостной реформы. У Данзаса би-ро, хотя съ тяжестью на сердцѣ дѣлалъ видъ, что добро-вольно идти на всѣ жертвы для улучшенія быта бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Въ домъ губернскаго предводителя помѣщики средней руки, подъ предводительствомъ брать-евъ Бланкъ, громко проповѣдывали о полномъ разореніи и даже уничтоженіи всего дворянскаго сословія. Проектовъ было безъ конца, но толку отъ нихъ никакого. И бывалъ въ обонхъ загеряхъ. Въ одномъ былъ пиръ, въ другомъ раскаяніе послѣ пира съ мрачнымъ взглядомъ на будущее, которое оправдалось.

Изъ Тамбова я долженъ былъ ѣхать въ Пензенскія имѣ-нія дѣда. Вездѣ было одно—пассивное сопротивленіе въ уплатѣ наложенныхъ на крестьянъ повинностей. Ожидали они текущаго млека и кисельныхъ береговъ, не получивъ которыхъ были мрачны и недовольны, ожидая продолженія новыхъ мпlostей.

Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Понемногу я улаживалъ все, не прибѣгая ни къ властямъ, ни къ крутымъ мѣрамъ. Вообще въ степной мѣстности народъ былъ стоворчивѣе и мягче.

Вернувшись въ Темниковское имѣніе, я поселился въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, селѣ Бутаковѣ, откуда почти ежедневно дѣлалъ побѣдки по обширнымъ вотчинамъ дѣда, какъ въ Темниковскомъ, такъ и въ Елатомскомъ уѣздѣ.

Большихъ безпорядковъ въ нашей мѣстности не было, и всѣ недоразумѣнія кончались при помощи полицейскихъ властей.

Вообще единодушія между крестьянами не было по разноплеменности населенія. Уѣздъ былъ населенъ русскими, мордвами и татарами, смотрѣвшими косо другъ на друга и всегда готовыми насолить другой національности.

Вообще дворянство ждало своему сословію острой воспалительной болѣзни, во получило хроническую немочь, постоянно подтачивающую его организмъ и который конечно со временемъ приведетъ его къ полному разрушенію.

Первый призывъ мировыхъ посредниковъ не долго оставался на принятыхъ ими мѣстахъ. Первый оставилъ свое мѣсто князь Кулущаковъ, уступивъ свое мѣсто зятю своему Шшееву, вскорѣ за нимъ вышелъ князь Енгальчевъ, котораго замѣнилъ Иванъ Семеновичъ Федоровъ, а къ концу года перешелъ въ другое мѣсто и послѣдній посредникъ. Стрѣшневъ, котораго замѣнилъ мой братъ.

Осенью пріѣхалъ ревизовать присутственныя мѣста губернаторъ Данзасъ. Былъ встрѣченъ властями и помѣщиками съ большой помпой. Ревизія обошлась благополучно, Пострадалъ только судебный слѣдователь Іерусалимскій, уличенный въ поборакъ съ порубщиковъ крестьянъ. Губернаторъ уволилъ его немедленно. Тогда судебные слѣдователи назначались губернаторомъ изъ числа чиновниковъ губернскаго правленія и увольнялись имъ же безконтрольно.

Спокойствію въ губерніи во многомъ обязаны, состоявшимъ въ то время по штату Министерства Государственныхъ Имуществъ, Окружнымъ Начальникамъ. Не все то плохо, что старо. Въ дореформенное время, во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ числились казенные крестьяне, назначался Ок-

ружный Начальникъ. Обязанность Окружнаго, была обязанностью опекуна надъ крестьянскимъ обществомъ. Казенныя крестьянскія общества управлялись волостными правленіями и волостными сходами. Каждый приговоръ схода представлялся на санкцію Окружнаго Начальника, и только при невозникновеніи его протеста, приговоръ приводился въ исполненіе. Окружный былъ непосредственный начальникъ всѣхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, которыхъ могъ собственною властью перемѣщать, опредѣлять и увольнять, безъ всякаго контроля. Находясь всецѣло въ его власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не завися отъ волостного правленія, старшины и схода, они были вѣрныя слуги Окружнаго Начальника, и потому онъ былъ постоянно въ курсѣ общественныхъ дѣлъ. Всякое неправильное толкованіе циркуляровъ обществомъ крестьянъ, тотчасъ же могло быть ими разъяснено сходу и судьямъ.

Когда должность окружныхъ начальниковъ была упразднена и общества казенныхъ крестьянъ были переданы изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то общества крестьянъ обратились въ безпастушное стадо. Сколько недоразумѣній, сколько неправильныхъ дѣйствій претерпѣлъ крестьянинъ, особенно въ первое время, до учрежденія земскихъ начальниковъ, когда крестьяне не знали къ кому обратиться въ своихъ недоразумѣніяхъ. Да и теперь, при раздвоеніи власти земскихъ начальниковъ и уѣзнаго земства, крестьянинъ недоумѣваетъ, кто его истинная власть? Кромѣ названнаго двоевластія есть еще третье—полиція. Разобраться въ границахъ ихъ власти для малограмотнаго крестьянина довольно трудно. Между тѣмъ при старыхъ порядкахъ крестьянинъ зналъ одно начальство—Окружнаго, безъ вѣдѣнія котораго никто не могъ его тронуть. Вотъ причина покорности прежняго крестьянина распоряженіямъ своего прямого начальства.

Въ началѣ самаго смутнаго времени, тотчасъ по объявленія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, я былъ нагляднымъ свидѣтелемъ пропавшаго непоколебимой власти Окружнаго.

По рѣшенію съѣзда мировыхъ посредниковъ, утвержденному Губернскимъ Комитетомъ, нужно было переселить два крестьянскихъ двора отъ господской усадьбы на отведенный имъ, по добровольному соглашенію, на дѣлѣ, гдѣ поселены были остальные крестьяне. Крестьяне двухъ дворовъ упорствовали. Помѣщикъ обратился къ содѣйствію полиціи, прося вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть и Окружнаго Начальника, такъ какъ народонаселеніе села было смѣшанное; большинство состояло изъ казенныхъ крестьянъ. По слухамъ, къ содѣйствію казенныхъ крестьянъ противъ неисполненія приговора своего общества, обратились назначенные къ переселенію два двора.

Всѣ власти прибыли съ вечера бануна дня, назначеннаго къ исполненію постановленія. Утромъ, въ сопровожденіи понятыхъ и сельскихъ властей, становой приставъ отправился въ село. Окружный Начальникъ, когда еще всѣ спали, по какому-то поводу уѣхалъ за 3 версты въ казенное волостное правленіе, что провѣдали казенные крестьяне. Во время завтрака собравшіяся у помѣщика власти, услышали набатный колоколъ. Всѣ бросились къ огнямъ, но ни огня, ни пожарнаго дыма не было видно. Во время общаго недоумѣнія прибѣжалъ изъ села разсѣянный становой, съ извѣстіемъ, что казенные крестьяне, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, заперли станового пристава съ письмоводителемъ, въ предположенной къ сломкѣ избѣ, разогнали понятыхъ и не дозволяютъ разламывать постройку, грозя становому приставу. Ни посредникъ, ни исправникъ не могли уговорить толпу подчиниться состоявшемуся рѣшенію. Возненіе все возрастало. Но въ это время возвратился изъ своей повѣздки Окружный Начальникъ. Узнавъ суть дѣла, онъ тотчасъ же съѣхъ въ первый попавшійся экипажъ и поѣхалъ въ село. По случаю дождя тарантасъ былъ закрытъ и не видно было лицъ, въ немъ сидящихъ. Кучеръ, достигнувъ толпы, вынужденъ былъ остановить лошадей, такъ тѣсно сплотился народъ. Экипажъ былъ принятъ хохотомъ толпы. Но фартукъ тарантаса откинуть, на подножкѣ стоитъ Окружный. Вы зачѣмъ здѣсь? слышится его голосъ. (Окружный! повторяютъ голоса въ

толпѣ. Вмѣстѣ вся многосотенная армия поворачивается и съ сдержаннымъ шопотомъ «здесь Обружный» — спѣшитъ укрыться куда-нибудь отъ глазъ своего начальника. Присутствующіе видятъ только грязныя пятки узелопытающаго народа. Всѣ демонстранты не только покинули мѣсто происшествія, но даже скрылись въ лѣса, поля и къ сосѣдямъ, чтобы при послѣдующемъ разборѣ дѣла сказать, что ихъ не было не только въ толпѣ, но даже и въ селѣ.

Приговоръ быть безпрекословно исполненъ. Казенный крестьянинъ (жившій работникомъ у крѣпостного) заперевшій станового пристава, арестованъ и отправленъ въ городъ въ полицейское управленіе, гдѣ, отсидѣвъ нѣкоторое время въ арестантской, отпущенъ домой безъ всякаго процесса, безъ громовыхъ рѣчей прокурора, безъ пустыхъ словопреній адвоката, доказывавшаго, что черная доска, красующаяся предъ зрителями не черная, а бѣлая, а только кажется нашему взору черной. Процессъ не стоить казнить ни гроша, не такъ какъ теперь во время правовыхъ порядковъ. Для покрытія «топкости» которыхъ приходится постоянно увеличивать налоги. Крестьянинъ знаетъ, что безъ согласія его прямого начальства — Обружного, никто не имѣетъ права коснуться ни къ нему, ни къ его собственности, что даже при возникновеніи судебного или уголовнаго дѣла, онъ имѣетъ защитника въ лицѣ депутата его вѣдомства, и что въ лицѣ своего начальника онъ имѣетъ и своего защитника. потому здравый смыслъ побуждаетъ его покоряться его власти.

Въ настоящее время крестьяне окружены такимъ количествомъ начальствующихъ лицъ, другъ отъ друга независимыхъ, что теряются въ опредѣленіи своей подчиненности тому или другому лицу. Для урегулированія отношеній крестьянина къ разнороднымъ властямъ, нуженъ одиозависимый начальникъ, чрезъ котораго всѣ власти и обращались бы къ исполненію своихъ требованій. Тогда крестьянинъ знаетъ бы, что разъ требованіе передано ему его единымъ и прямымъ начальникомъ, следовательно имъ провѣрено, онъ долженъ исполнить его безпрекословно.

Конечно, нельзя оставить этихъ начальниковъ безъ конт-

роля, усильте до какой угодно степени, дайте способы обжаловать их распоряженія, въ какой хотите кратчайшій срокъ, но уничтожьте эту смѣшанность понятій о разныхъ начальствахъ, которые не только крестьянина, но даже образованнаго человека сбиваетъ съ толку. Только тогда вы водворите нѣкоторый порядокъ въ нашей деревенской жизни и уничтожите возникающія недоразумѣнія между исполнителями и народонаселеніемъ.

Единодержавные начальники сельской общины, стоя близко ко всему народонаселенію, и имѣя на своей сторонѣ всѣхъ лицъ, заведующихъ письменною частью общины, всегда будутъ въ курсѣ дѣла, потому я могутъ предупредить возникающія недоразумѣнія. Испытанный примѣръ дѣятельности прежнихъ Окружныхъ Начальниковъ можетъ служить вамъ урегулированіемъ нашихъ отношеній къ сельскому населенію.

ГЛАВА XII.

Польскій бунтъ.—Слухи въ народѣ.—Возвращеніе дѣда изъ чужихъ краевъ.—Тревога жителей Москвы.—М. Н. Катковъ.—М. Н. Муравьевъ.—Мой прїѣздъ въ Москву.

Первая половина зимы прошла тихо, но въ январѣ 1863 года мы были встревожены газетными извѣстіями о рѣзніи нашихъ войскъ въ Польшѣ, по распоряженію польскаго рожода. У многихъ помѣщиковъ служили дѣти въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ. Слухи были преувеличены и каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ дѣтей.

Къ веснѣ я ожидалъ дѣда изъ за границы, прожившаго зиму въ Ниццѣ и былъ очень радъ, когда онъ вытребовалъ меня въ началѣ мая, къ своему прїѣзду въ Москву.

До станицы Вязинки Нижегородской дороги я ѣхалъ въ своемъ экипажѣ; но въ Вязинкахъ благодаря любезности управляющаго дорогой, полковника Кенига, меня посадили

на экстренный поѣздъ комисіи, осматривающей путь и и въ министерскомъ вагонѣ пріѣхалъ въ Москву.

Москву я засталъ волнуемою и ликующею. Волновалась Москва и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовала на поляковъ, поднявшихъ еще въ январѣ знамя бунта, негодовала также на наши власти, потокавшія бунтарямъ или по крайней мѣрѣ слабо протѣждѣствовавшія ихъ открытому бунту. Ликовала по двумъ причинамъ: во-первыхъ М. Н. Катковъ своими громовыми рѣчами, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, образумливалъ сконфузившихся администраторовъ, указывая имъ, что только силою можно образумить крамолу, а не вымаливать у ней свихожденія разными уступками и обѣщаніями. Тутъ ужьно власть употребить, напрасно словъ пустыхъ не трата. Другое ликованіе въ Москвѣ было по поводу назначеніе на постъ Вилъскаго генералъ-губернатора Михаила Николаевича Муравьева. Москвичи были увѣрены, что одно имя М. Н. Муравьева стоитъ цѣлой арміи. Москва послала ему сочувственный адресъ, пророча полный успѣхъ, и пророчество Москвы исполнилось. Матежъ литовскихъ поляковъ отиѣлъ, не успѣвши развиться.

Негодовала Москва и противъ Дипломатическаго похода «французовъ и К^о», которые старались запугиваніемъ вліять на русскую политику. Получивъ отпоръ русскаго правительства, сосланинаго на безчисленное количество адресовъ, поданныхъ всѣми сословіями, Дипломатическій походъ не удался и союзники ударили отбоя. Нельзя не отдать справедливости М. Н. Каткову, который своими восторженными рѣчами много способствовалъ къ подъему духа всего населенія. Всякая статья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ по поводу Польскаго возстанія обсуждалась публично съ азартомъ; были ярые поклонники Каткова, но были и противники защитника либеральныхъ польскихъ притязаній, которые, боясь громоздскаго протеста, шипѣли по затылку.

Когда я въ маѣ 1863 года пріѣхалъ въ Москву, дать отчетъ дѣлу въ управленіи его имѣніями, бывшимъ въ моемъ завѣдываніи во время отсутствія его и жизни за границей,

то годовое отсутствіе мое изъ столицы нимаго не имѣ-
вило степени направленія мыслей и разговоровъ дворян-
скаго общества. Общество хотя успокоилось отъ ожиданія
крупныхъ безпорядковъ, но мелкія ежедневныя непріятности
повыгнали многихъ изъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ и они
наполняли Москву, какъ собою, такъ и своими желчными
разсказами. Было естественно. Пржеіне владыки деревни
были подчинены не только мировымъ посредникамъ, но
даже волостнымъ старшинамъ. Я зналъ лично фактъ, когда
одна небогатая помѣщица жаловалась волостному старши-
нѣ на неисполненіе ея временно обязанными крестьянами
своихъ обязанностей. Старшина пріѣхалъ въ домъ, прошелъ
въ гостиную, разѣлся важно на диванъ и началъ свою
рѣчь: «Ну, говори, Марья Ивановна, чѣмъ провинились
твои крестьяне, я васъ разсужу. Подобныхъ тому фактовъ
разсказывалось много. Никто не зналъ ни своихъ правъ,
ни обязанностей. Даже петербургскіе заправилы не знали,
какъ примѣнить ихъ кабинетныя выдумки къ жизни ста-
вившей ихъ часто въ тупикъ, передъ негнѣпностью ихъ ли-
беральныхъ теорій. Вообще шатаніе было всеобщее. Куда
вѣтеръ дулъ, туда и гулялся. Плохо зналъ народную жизнь
петербургскій чиновникъ. Не долго пробылъ я въ Москвѣ
и долженъ былъ уѣхать въ деревню, куда собирався также и
дѣдъ—распорядиться въ имѣніи, передъ обратнымъ выѣздомъ
своимъ за границу, куда призывало его расшатанное
здоровье.

ГЛАВА XIII.

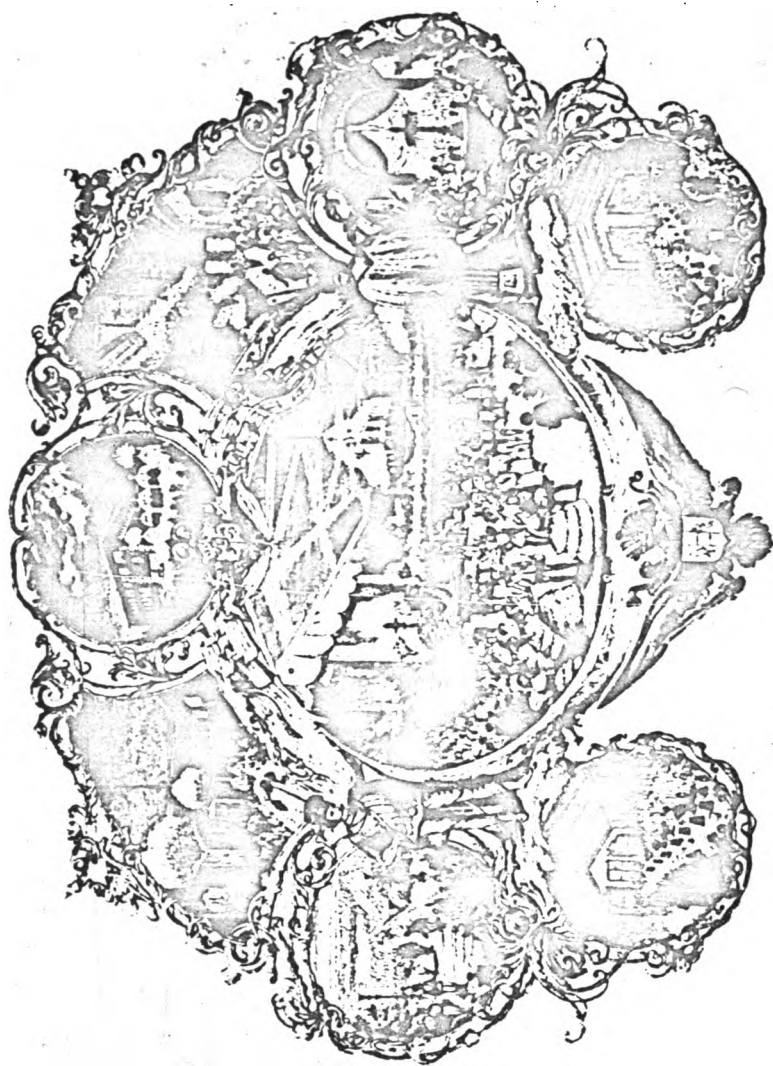
Моя свадьба.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Поѣздка за границу.—Вюрц-
бургъ. Доктора: Бамбергеръ, Скапцони, Иацца.—Кончина дѣда.

Въ имѣніи все пошло обычнымъ порядкомъ. То же глу-
хое недовольство обѣихъ сторонъ, то же желаніе урвать
изъ свою пользу, что можно. Серьезныхъ безпорядковъ не
было, но все шло черезъ пень колода. Бунтъ былъ на ко-
лѣняхъ, но когда прощаемый вины бунтовщикъ вставалъ

съ кобля, то старался запрятать въ карманъ уроненный вами носовой платокъ. Такъ прожилъ я въ деревнѣ до половины юлія мѣсяца. Затѣмъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ началѣ сентябрю должна была быть моя свадьба. Свадьба моя была 8 сентябрю 1863 года. Посаженымъ отцомъ долженъ былъ быть у меня бывшій Московскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Арсентій Андреевичъ Закревскій, но передъ этимъ днемъ случился Высочайшій пріѣздъ въ Москву Государя Императора Александра II. Графъ Закревскій, какъ Генералъ-Адъютантъ, долженъ былъ явиться во дворецъ. Не желая показаться въ залахъ дворца разнѣчаннымъ владыкой, онъ уѣхалъ въ подмосковное село свое Ивановское и оказался больнымъ. Хотя онъ и благословилъ меня образомъ Спасителя, но въ церкви на свадьбѣ не былъ, а вмѣсто его посаженной матерью была у меня графиня Закревская. Спусти нѣсколько дней послѣ свадьбы я уѣхалъ съ женою въ мое имѣніе Тамбовской губерніи, гдѣ недалеко жили мои родители, которымъ я желалъ представить мою жену. Осень была прелестная и теплая: путешествіе было пріятно. Вернулись мы въ концѣ октября и спустя нѣсколько дней, уѣхали за границу, гдѣ должны были провести зиму въ Ниццѣ, вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, уѣзжавшимъ туда для лѣченія.

Дѣдъ мой во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ постоянно лѣчился у профессора Вюрцбургскаго университета, доктора Бамбергера, и теперь мы поѣхали черезъ Берлинъ, Лейпцигъ, Дрезденъ въ Вюрцбургъ, останавливаясь вездѣ повсюду.

Дорога до границы была обставлена на военномъ положении, по случаю неутихнувшаго возстанія поляковъ. Тотчасъ за локомотивомъ ставился вагонъ для конвойныхъ солдатъ, для обороны поѣзда отъ нечаяннаго нападенія повстанцевъ. Прилежавшіе тѣса къ желѣзнодорожному пути срубались и сжигались на мѣстѣ, чтобы повстанцы не имѣли мѣстъ для укрывательства и засады. Проездовали мы до границы благополучно и на другой день были въ Берлинѣ. Хотя на дорогѣ пророчили намъ много страха и неприятностей, но ничего въ дѣйствительности не было.

15 Сентября балъ у Австрійскаго посла.

Изъ альбома, подаренаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Въ Берлинъ пріѣхали мы 1 ноября нашего стиля и нашли хотя теплую, но сырую и сумрачную погоду. Берлинъ былъ мой старый знакомый по прежнимъ моимъ поездкамъ за границу, и потому я былъ чичероне моей жены.

Проживъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, мы поѣхали на Лейпцигъ въ Дрезденъ для осмотра знаменитой картинной галлерей и другихъ достопримѣчательностей города. Я помню, что насъ поразили мѣстныя обитательницы, вязавшія чулки, косыночки, и разныя фишю во время концерта на Брюлевской террасѣ, когда мужья ихъ исправно попивали пиво и курили грошовыя сигары. Говорятъ, теперь все измѣнилось: нѣмки начали подражать парижскимъ модамъ.

Наконецъ мы достигли Вюрцбурга, гдѣ дѣдъ долженъ былъ лѣчиться у доктора Вамбергера, тѣмъ болѣе, что дорогой онъ простудился и приступы водяной возобновились. Жили мы все въ Кропъ-Принцъ-()тель, на площади противъ дворца, изображавшаго изъ себя, вмѣстѣ съ садомъ, Версаль въ миниатюрѣ. Здоровье дѣда не поправлялось. Между тѣмъ холода въ Вюрцбургѣ усиливались, что при несовершенствѣ ихъ ракъ и печей было весьма ощутительно. Дворецъ былъ необитаемъ и большинство комнатъ не меблировано. Вюрцбургъ былъ полонъ больными, особенно дамами, которыя съѣзжались туда къ знаменитому профессору Вюрцбургскаго университета Сканнонн. Въ одно время жили съ нами семья Трубецкихъ, женатаго на Смирновой, семья Смирновыхъ, Деляновы, генералъ-адъютантъ Кознаковъ, графъ Гендриковъ съ женой и сестрой своей Николевой; Энгельгарды, Лермонтовы и другіе, — однимъ словомъ — цѣлая русская колонія. Жизнь въ Вюрцбургѣ была дешевая; мѣста въ театрѣ стоили гроши. Кромѣ театра и концерта въ Музыкальной городской школѣ развѣ въ пѣдью, никакихъ развлеченій въ городѣ не было. Былъ, правда, въ городѣ клубъ «Гармонія», куда приглашались и иностранные, но тамъ никто изъ пріѣзжихъ дамъ не бывалъ. Отправлялись мы все мужской компаніей на одну балъ паре, но скоро ушли домой. Баварцы веселились по своему: танцевали по полчаса съ одной и той же дамой

ваться, утощая ее въ промежуткахъ отдыха пивомъ и бутербродами. Но все это было такъ мало интересно, что мы болѣе въ Гармоніумъ не ходили.

Студентовъ при университетѣ была масса. Какъ они учились? — не знаю, но пивныя были ими полны постоянно, и шумъ этихъ заведеній достигалъ перѣдко улицы. Были, конечно, устраиваемы нѣсколько факельцуговъ, въ средне-вѣковыхъ студенческихъ костюмахъ.

Жили мы тихо въ своемъ кругу русскихъ, а нѣмцевъ видѣли только за общими столами. Встрѣтивъ новый годъ съ дѣдомъ, я съ женой поѣхалъ въ Ниццу, пріискать ему квартиру въ Ниццѣ, куда онъ собирался, поправить немного свое разстроенное здоровье.

3 января 1864 года поѣхали мы съ женою на Франкфуртъ, Лионъ, Марсель въ Ниццу. Желѣзнодорожный путь доходилъ до маленькой деревушки Канье, не доѣзжая рѣки Варъ, на которой желѣзно-дорожный мостъ не былъ готовъ и отъ него въ Ниццу возили пассажировъ въ допотопномъ дилижансѣ. Въ Ниццѣ мы остановились въ отелѣ Викторія на Promenade des Anglais. Пробыли мы въ ней не долго и напали въ померанцевой рошѣ нижній этажъ дома, задній фасадъ котораго выходилъ на rue de France недалеко отъ Croix de Marbre. Погода была ясная, но холодная. Особенно непріятно было вставать утромъ съ постели, когда въ комнатѣ было не болѣе 5 или 6 градусовъ. Впослѣдствіи мы устроили такъ, чтобы до нашего вставанія затопливали каминъ, и только когда комната нагрѣвалась, мы выскакивали изъ подъ теплаго пуховика, служившаго намъ вмѣсто одѣяла. Напившись кофе, мы тотчасъ стремились въ садъ и на прогулку. Ницца въ то время была маленькій городокъ. Avenue de la Gare кончалась у французскаго театра. За rue de France были сады. Promenade des Anglais не было застроено и половини. Въ Монако ѣздили на пароходѣ и въ омнибусахъ.

Хотя театра было два: французскій и итальянская опера, но оба были съ весьма посредственными исполнителями. Cercle былъ одинъ Масена, и гдѣ теперь публичный садъ, находился оврагъ, покрытый мелкимъ камнемъ, а въ рѣ-

чекъ полосками пряжи бѣлье и сушили его на разсыпанных на дѣи оврага камняхъ. Однимъ словомъ, городъ представлялъ изъ себя провинціальную идиллію. Окрестныхъ прогулокъ, кромѣ Cogniche и грота St Andrée, никакихъ.

Такъ прожили мы до конца Января, ожидая прибытія семейства дѣда, но, вмѣсто того, я неожиданно получилъ телеграмму; что дѣдъ скончался въ Вюрцбургѣ и меня вызывали въ Франкфуртъ на Майнѣ, куда перевозили покойника.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Ниццы одинъ, оставивъ молодую жену мою въ одиночествѣ. Всякій пойметъ грустное состояніе, въ которомъ я покидалъ Ниццу, отъ двойного горя. На другой день я былъ въ Франкфуртѣ, гдѣ засталъ вдову дѣда и сопровождавшихъ ее лицъ. Вечеромъ тѣло отправлено было съ секретаремъ покойнаго въ Россію; жена его уѣхала впередъ, а я вернулся въ Ниццу. Зиму мы провели въ траурѣ и кромѣ прогулокъ по окрестностямъ, почти нигдѣ не бывали. Въ концѣ апрѣля въ Ниццѣ стало жарко и мы тронулись обратно въ Россію, избравъ на этотъ разъ дорогу на Лионъ и Парижъ.

Парижъ въ 1864 году былъ почти въ апогеѣ своей славы. Наполеонъ III, окончивъ италіанскую кампанію, перестроившій весь Парижъ, считалъ себя любимцемъ народа. Наружно все это казалось иѣрно. Но нерѣдко проскальзывали случаи, показывавшіе, что не все то золото, что блеститъ. Разъ мы были въ Елисейскихъ поляхъ; протѣжать черезъ нихъ на катанье въ Булонскій лѣсъ наследный принцъ Луи. Ѣхалъ онъ въ ландо; спереди и сзади скакали эскортъ кирасиры, на удивленіе глядящей публики. Прохожіе мало обращали на него вниманія, и весьма немногіе отдавали ему поклоны, хотя онъ безпрестанно рассказывался направо и налево. Я былъ крайне удивленъ и спросилъ моего сосѣда причину холодности къ будущему Императору Франціи. «Никогда онъ не будетъ Императоромъ», отвѣтилъ мнѣ французъ. «Въ нашемъ калейдоскопѣ постоянныя перемены; не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ у насъ будетъ перемена; сперва революція, республика, а потомъ что-нибудь другое. Мода Паржа—постоянныя перемены».

Парижъ былъ чистъ и опрятенъ несмотря на постоянныя ломки старыхъ кварталовъ и постройки новыхъ зданій и театровъ. Совсѣмъ не тотъ порядокъ утвердился послѣ паденія Наполеона и возстановленія республики.

Пробыли мы въ Парижѣ около мѣсяца, потомъ поѣхали обратно въ Москву, съ разными остановками по случаю беременности жены. Въ Москву мы прибыли въ началѣ мая. Жена осталась у своихъ родныхъ, а я тотчасъ же уѣхалъ въ деревню, куда призывали меня дѣла.

Наняли мы квартиру въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ доктора-аушера Николаева, черезъ домъ отъ дома моего дѣда и моего холостого жительства. Вернулся я изъ деревни въ началѣ юля и занялся устройствомъ своей квартиры. Жена моя, по случаю своей беременности, не могла много выѣзжать. За хлопотами прошелъ мѣсяцъ и 3 августа родилась дочь моя Нина.

ГЛАВА XIV.

Кончина Московскаго Генералъ-Губернатора Тучкова.—Назначеніе Офросимова.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Московское общество.—Шпионы, Сухопутный, Катковъ и П. А. Милютинъ. Англійскій клубъ.

Во время пребыванія нашего за границей, скончался Московскій Генералъ-Губернаторъ Тучковъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Офросимовъ. Офросимовъ былъ вдовецъ, и вотъ явился новый призъ въ туманъ: Московскія молодыя вдовы и барышни, втайнѣ желая сдѣлаться генералъ-губернаторшами, были любезно предупредительны къ высокопоставленному кавалеру. Все и всѣ присѣдали передъ нимъ, какъ католики передъ своимъ божествомъ. Офросимовъ мало обращалъ вниманія на низкіе реверансы и смотрѣлъ на окружающихъ его разноцвѣтныхъ бабочекъ, какъ турецкій султанъ смотритъ усталымъ взглядомъ на надоевшій ему гаремъ. Знаменитая генеральша Ч., желавшая подвѣсть ему своихъ протеже, но не имѣвшая въ томъ успѣха, прозвала его Малекъ-Адеземъ, къ которому всѣ льнутъ, а онъ, въ благодарность, обдастъ ихъ презрительнымъ усталымъ взглядомъ.

Офросимовъ пребылъ недолго и въ августъ 1865 года во время обѣда даннаго имъ Императору Александру II былъ замѣненъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ.

По окончаніи роскошнаго обѣда въ генераль-губернаторскихъ покоехъ, даннаго генераломъ отъ Инфантеріи Офросимовымъ, на которомъ благоволилъ присутствовать Императоръ Александръ II, Государь, все время благосклонно бесѣдовавшій съ генераль-губернаторомъ, сказалъ ему, я такъ радъ бесѣдовать съ тобою о государственныхъ дѣлахъ, что назначаю тебя состоять лично при мнѣ, а на твоѣ мѣсто назначаю тебя преемникомъ генераль-адъютанта В. А. Долгорукова. Офросимовъ получилъ брилліантовые пензеля на эполеты и переселился въ Петербургъ. Новый генераль-губернаторъ вскорѣ прибылъ въ Москву. Онъ не былъ Москвитинъ. Сестра его, княгиня Львова, живя безотлучно въ Москвѣ, веселила москвичей постоянными балами, на которыхъ перѣдко присутствовать и ея братъ князь В. А. Долгоруковъ.

Первый адъютантъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, былъ москвитинъ лейбъ-гусаръ князь Федоръ Михайловичъ Урусовъ, другой его адъютантъ, хотя по службѣ въ кавалергардскомъ полку петербуржецъ, но по владѣнію дома на Царвартъ тоже москвитинъ, Михаилъ Львовичъ Величковскій, былъ сосѣдъ князя по балетнымъ спектаклямъ въ Петербургѣ, гдѣ въ одномъ изъ антрактовъ князь и предложилъ Величковскому мѣсто своего адъютанта.

Князь Долгоруковъ вскорѣ прибылъ въ Москву одинъ, княгиня уѣхала за границу и пріѣхала въ Москву только къ новому году. Княгиня была женщина болѣзненная. Во время пріемовъ она постоянно глотала маленькими ложечками шоколадъ. чашка котораго всегда стояла на столѣ. Княгиня недолго прожила въ Москвѣ и скоро скончалась. Во время жизни княгини въ Москвѣ этикетъ дома былъ строгій, даже самъ князь Владиміръ Андреевичъ появлялся въ столу княгини не иначе, какъ въ эполетахъ; не то было по кончинѣ княгини, особенно въ послѣднее время, когда тамъ царствовали Хотинскіе и имъ подобные. Смѣна адъ-

ютантовъ была безпрестанная, только двое первоначальныхъ оставались постоянно при князѣ. Промелькнулъ метеоромъ въ должности адъютанта князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Кромѣ официальныхъ адъютантовъ при князѣ постоянно состояли частные: князь Хилковъ, П. М. Хрущовъ, князь Василій Андреевичъ Оболенскій, (по общественной кличкѣ Казимодо), Иванъ Ивановичъ Красовскій, Хотинскій и другіе чередовались между собою. Были и дамы, состоящія при немъ въ числѣ протеже: сначала С. П. Нарышкина, потомъ Ю. А. Воейкова, В. Е. Чертова, Е. Андр. Гагарина, черезъ которыхъ многіе добивались разныхъ выгодныхъ мѣстъ и наградъ. Вообще князь благодаря царской милости жилъ въ Москвѣ владѣтельной особой. Князь пользовался популярностью благодаря доступности своей всѣмъ и каждому. Всякій могъ явиться къ нему съ своей нуждой и просьбой и тотчасъ былъ выслушанъ и по возможности удовлетворенъ въ своей просьбѣ. Вотъ и причина Долгоруковскихъ улицъ, училищъ, приютовъ и больницъ.

Новый генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву назначилъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ генералъ-маіора Н. У. Арапова. Араповъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ точнаго и punctуальнаго исполненія отданныхъ имъ приказаній. Строгій приказъ Арапова однажды довелъ его до курьезнаго кизуса.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ десятомъ часу вечера пролетѣлъ по Московскому небосклону метеоръ. На другой день въ Московской прессѣ появилось описаніе метеорологическаго явленія. При утреннемъ рапортѣ Московскаго оберъ-полиціймейстера Арапова Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову, князь спросилъ Арапова, видѣлъ ли онъ полетъ метеора? Оказалось, что послѣдній вечеромъ былъ въ гостяхъ и не только ничего не видѣлъ, но даже ничего не слышалъ про воздушное явленіе.

Князь шутилъ замѣтилъ Арапову, что ему, какъ блюстителю порядка въ столицѣ, слѣдовало бы знать о всѣхъ происшествіяхъ въ оберегаемой имъ столицѣ. Араповъ, вер-

нувшись домой, потребовать къ себѣ докладчика экстренныхъ происшествій. Сдѣлавъ выговоръ за недонесеніе путешествія аэролита по небосклону Москвы, приказалъ: впередъ доносить ему заблаговременно о всѣхъ экстренныхъ воздушныхъ явленіяхъ. Распоряженіе свое приказалъ отдать въ приказѣ по полиціи. Аккуратный чиновникъ въ точности исполнилъ приказъ своего начальника.

На слѣдующій день читали: его превосходительство М. о. полиціймейстеръ замѣтилъ, что чины полиціи не донесли ему о пролетѣ метеора по небосклону Москвы, вслѣдствіе чего предписываетъ: экстренно, заблаговременно доносить ему о всѣхъ воздушныхъ необычайныхъ явленіяхъ, могущихъ произойти на небосклонѣ Москвы, дабы его превосходительство заблаговременно могъ принять соотвѣтствующія мѣры.

Жили мы съ женою скромно. Жена долго не оправлялась послѣ родовъ. Кромѣ того до конца января, мы были въ траурѣ по случаю смерти дѣда, и потому кромѣ родныхъ никому не выѣзжали.

Въ Москвѣ все жило по старому: помѣщики продавали свои выкупныя свидѣтельства, продавая ихъ по 70 коп. за рубль, а кто успѣлъ ихъ прожить, то занималъ деньги подъ залогъ имѣній по 18 и болѣе процентовъ. Что же было дѣлать? Банковъ никакихъ. А благодѣтели изъ купечески Колупаевской семьи, менѣе не брали; кромѣ того обставляли займы огромными неустоечными условиями.

Въ 8 верстахъ отъ Тамбовскаго моего имѣнія находился чугуно-плавильный заводъ братьевъ Шиповыхъ Николая и Дмитрія Павловичей, съ которыми я былъ знакомъ. Бывая у нихъ въ Москвѣ, я познакомился съ ихъ братомъ, генералъ-адъютантомъ Сергѣемъ Павловичемъ Шиповымъ, бывшимъ Казанскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Сергѣй Павловичъ Шиповъ, въ царствованіе Императора Александра I командовалъ Семеновскимъ полкомъ, послѣ знаменитаго его бунта, и приводилъ его въ порядокъ относительно воинской дисциплины. Я любилъ бывать у него и слушать его рассказы о временахъ Императора Александра I. Живать онъ былъ на графинѣ Комаровской, Аннѣ Евграфов-

иъ. Постояннымъ ихъ посѣтителемъ былъ Сухотинъ, совѣтникъ дворцоваго управленія. Сухотинъ зналъ всѣ московскія новости и сыпалъ ими, какъ пѣзъ рога изобилія. Москва раздѣлялась въ политико-экономическомъ отношеніи на два лагеря. Большинство приклонилось передъ Михайломъ Никифоровичемъ Катковымъ за защиту его дворянскаго и чисто-русскаго направленія, какъ въ прессѣ, такъ и въ законодательныхъ работахъ. Другая же партія группировалась около Николая Алексѣевича Милюткина, бывшаго главнаго руководителя и вдохновителя крестьянской реформы, когда онъ, по выходѣ въ отставку послѣ преобразованій въ Польшѣ, поселился въ Москвѣ. Страстной бульваръ и Поварская, гдѣ жилъ Милютинъ, были центры противоположныхъ лагерей. Московскія барыни въ знакъ солидарности съ проповѣдуемыми имъ теоріями подвесили Михаилу Никифоровичу огромные ковры, вышитые имъ по канвѣ, въ знакъ справедливой защиты имъ правъ дворянства. Ковры эти постоянно украшали стѣны гостиной, занимаемой имъ квартирой.

Въ англійскомъ клубѣ, въ чернокишной, которая въ то время была за библіотекой, ораторствовали Лонгиновъ, Соболевскій, Юрій Самаринъ, Голохвастовъ, Уваровъ, и др. Здѣсь рѣшались многіе законодательные и реформенные вопросы, хотя словесно, но къ нимъ прислушивались въ Петербургѣ. Графъ Уваровъ, Голохвастовъ, профессоръ Дмитріевъ и другіе принимали въ дебатахъ большое участіе. Внослѣдствіи, когда число членовъ уменьшилось и средства клуба сократились, то чернокишная съ двумя другими комнатами, была уступлена сосѣднему магазину, а говорильню перевели въ каминную, что находилась за инфернальною комнатою. Но то была уже не чернокишная а просто говорильня. Соболевскій умеръ, Лонгиновъ былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ, а потомъ начальникомъ печати. Голохвастовъ лежалъ больной, а Уваровъ бывалъ весьма рѣдко. Остальные тоже разбрелись или умерли. Въ говорильнѣ составилось другое общество, подъ предѣтельствомъ Ивана Ильича Маслова съ ассистентами: Львомъ Николаевичемъ Волко-

14 Сентибри охота въ имѣніи Графа Толстого.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

вымъ и Павломъ Григорьевичемъ Извольскимъ. Масловъ былъ воспитанникъ знаменитаго безрукаго генерала Скобелева, взятый имъ гдѣ-то въ Полтавской губерніи, сынъ какой-то вдовы чиновницы, гдѣ старій генералъ проживалъ по какому-то дѣлу. Онъ ненавидѣлъ дворянъ и извиль весь высшій міръ, насколько у него хватало умственныхъ способностей. Масловъ также ненавидѣлъ людей богатыхъ и клеймилъ ихъ по Прудонски, говоря что «собственность есть воровство», но самъ постоянно ѣздилъ въ каретѣ и ежедневно бывалъ въ театрѣ, сидя въ первомъ ряду кресель. Когда онъ умеръ, то послѣ него остался большой капиталъ.

Помню я англійскій клубъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. На угловомъ диванѣ, при входѣ въ биліардную, возсѣдали по субботамъ: князь Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Любановъ-Ростовскій, князь Сергій Яковлевичъ Грузинскій, Пикета Егоровичъ Паппъ и многіе другіе. Арестантъ этотъ строго осматривалъ дефлирующую публику и едва замѣтными кивками отвѣчалъ на почтительные поклоны проходившихъ. Вообще уваженіе и почтительность къ старымъ и заслуженнымъ людямъ соблюдалась строго молодежи и среднимъ возрастомъ. Я помню въ 1857 году, 22 іюля, въ день празднованія дня Ангела Императрицы Маріи Александровны, я былъ посланъ Московскимъ комендантомъ Кизмеромъ къ князю Сергію Михайловичу Голицыну, въ Николаевскій институтъ, поздравить его съ высочайшею деньемъ и павиниться, что, по нездоровью, онъ самъ на праздникъ быть не можетъ. Когда я пріѣхалъ въ Воспитательный домъ, то церковная служба началась, и я долженъ былъ ждать ея окончанія. Подойдя въ числѣ прочихъ, къ князю Сергію Михайловичу, послѣ молебна, я былъ любезно имъ обласканъ и приглашенъ занять мѣсто за накрытымъ для завтрака столомъ, которымъ роскошно угощали всѣхъ приглашенныхъ лицъ. Кругомъ всѣ мѣста были заняты и я не зналъ куда идти. Князь Сергій Михайловичъ, замѣтивъ мое затруднительное положеніе, тотчасъ обратился къ князю Николаю Ивановичу Трубецкому, прося его указать мнѣ мѣсто за накры-

тымъ столомъ. Несмотря на свое высокое положеніе надо было видѣть, съ какою любезностью князь Николай Ивановичъ исполнилъ просьбу князя Сергѣя Михайловича. Тотчасъ мѣсто для меня было отыскано недалеко отъ предсѣдателя, и это сдѣлало лицо, которое, въ другое время, едва бы замѣтило мое существованіе. Конечно, я не могъ принять это на свой счетъ, но это доказывало, какъ высокіе сановники уважали заслуги и положеніе другъ друга. Не то, что теперь: лица, занимающія высокое положеніе, во выскачившія почти изъ станціонныхъ вѣсовщиковъ, при каждомъ случаѣ стараются оборвать всякаго имѣющаго до нихъ надобность, если онъ не принадлежитъ къ ихъ толкѣ, а пропихивать изъ порядочнаго общества и по какому-нибудь случаю, имѣть въ нихъ надобность.

Понемногу, по оскуднѣнію средствъ дворянства, число членовъ уменьшалось постепенно и изъ 600 членовъ и 100 временныхъ посѣтителей, обратилось въ 200 человекъ, да и то туда попали лица, въ прежнее время не мечтавшія и прогуляться по заламъ въ качествѣ гостей. Я помню время, когда веревка членовъ ожидала назначеннаго часа въ пятницу вечеромъ, когда можно было записать гостей на субботній обѣдъ, такъ какъ число гостей ограничивалось пятьюдесятью людьми. Теперь рѣдко, когда число субботнихъ обѣдовъ достигаетъ ста человекъ. Между тѣмъ, въ старинное дворянское время не только вся обѣденная зала была плотно установлена покрытыми столами, но и портретная, гостиная была занята обѣдающими членами.

Много старинныхъ разсказовъ слыналъ я отъ князя Сергѣя Яковлевича Грузинскаго. Разсказы эти начинались со времени Императрицы Екатерины II, при которой князь хотя былъ еще ребенкомъ но, числясь наемъ ей, бывалъ во дворцѣ въ торжественныхъ случаяхъ.

ГЛАВА XV.

1864.—Опубликованіе новыхъ уставовъ.—Судопроизводства и Земства.—Потѣха Цесаревича Николая за границу и помолвка съ Датской Принцессой Дагмарой.—Пріѣздъ Царской семьи въ Москву.—Московскіе типы.

1864 годъ принесть Москвѣ массу новшествъ. Опубликованы были новые уставы судопроизводства. Объявлено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ: Все это, какъ новинка сильно волновало общественныхъ дѣятелей. Но новые суды открылись только въ 1866 году. Конечно, первое время судьи, подсудимые и другіе дѣятели плохо понимали свои права и обязанности. Увлеченія были часты и нерѣдко доходили до судебного самодурства а въ земской администраціи до превышенія своихъ правъ. Вообще въ царившемъ тогда хаосѣ трудно было оріентироваться, что тяжело отзывалось на общественной жизни. Въ Москвѣ были открыты новые суды и мировыя учрежденія. Составъ судей былъ разношерстный, но въ большинствѣ случаевъ съ сильно либеральной подкладкой. Вообще желаніе судей было какъ нибудь оскорбить или унизить лицо, выше ихъ поставленное въ общественномъ положеніи. Я помню случай съ Александромъ Борисовичемъ Казаковымъ, который за то, что, бывъ директоромъ какой-то строящейся желѣзной дороги, не далъ мѣста какому-то субъекту, и былъ привлеченъ имъ отвѣтственности къ мировому судѣ и приговоренъ послѣднимъ къ аресту, будто бы за рѣзкій отказъ, и только, Мировой Съѣздъ ограничился штрафомъ во сто рублей. Современныя судьи стали благоразумнѣе и не прибѣгаютъ къ крутымъ мѣрамъ прежняго времени и не мечтаютъ какъ прежніе объ уравниніи всѣхъ къ одному знаменателю, а себя не ставятъ на недостижимый пьедесталъ, какъ Римскіе Трибуны и Цензоры. Вообще это было грустное время, худо понитыхъ правъ, новосозданныхъ юристовъ. Оправданіемъ имъ могло служить, что они, какъ вырвавшіеся на волю кони со стойла конюшни, не имѣя узды брыкались направо и налѣво, нанося себѣ и обществу вредъ и въ то же время думая, что приносятъ пользу. Кромѣ того

масса шантажныхъ дѣлъцовъ запутывало общество не разъясненными статьями закона, а повопеченные судьи держались болѣе формочки, чѣмъ сути дѣла.

Осенью Императорское семейство отправилось на воды въ Германію по случаю нездоровья Императрицы Маріи Александровны, а потомъ вернувшійся въ Россію Государь снова выѣхалъ въ Дармштадтъ, чтобы сопровождать Государыню въ Ниццу, куда доктора послали Императрицу провести зиму, туда же впоследствии отбылъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Въ сентябрѣ былъ объявленъ Высочайшій Манѣстъ о помолвкѣ Цесаревича съ Датскою Принцессою Датмарою.

Въ старинное помѣщичье время въ Москвѣ было много типичныхъ личностей. Во всѣхъ маскарадахъ и общественныхъ балахъ можно было встрѣтить духъ молодыхъ раскрашенныхъ старцевъ: отставного корнета Ехемзина и штабсъ-ротмистра Карра. Ехемзинъ былъ богатый холостякъ, помѣщикъ нѣсколькихъ губерній; имѣлъ собственный домъ въ Гитэдиныхъ, близъ дома Московскаго Оберъ-Полиціеистра. Посѣтитель всѣхъ клубныхъ обѣдовъ, театра и маскарада. На послѣднемъ онъ угощалъ совершенно незнакомыхъ ему масокъ, если онѣ его о томъ просили. Ехемзинъ былъ небольшого роста, пузатенькій господинъ, обвѣшанный золотыми и брилліантовыми вещами, весьма скромный и вѣжливый. У себя принималъ холостую компанію весьма рѣдко, но если принималъ, то устраивалъ пьянство велие. Масса рождественниковъ окружала его и каждый по очереди имѣлъ на него вліяніе, такъ что духовное завѣщаніе его переписывалось безпрестанно. Послѣдняя воля его возбудила уголовное дѣло, говорили, что послѣднее завѣщаніе подписано не имъ, и что когда свидѣтели въ дверяхъ спазыли спрашивали, онъ ли подписывалъ духовную, то вмѣсто него отвѣтилъ «да» одинъ изъ его рождественниковъ, спрятавшійся подъ его кроватью.

Карръ, потомокъ генерала Карра, умирителя Емельки Пугачева, былъ въ молодости извѣстный кутила, promovавшій большое состояніе, когда я встрѣчалъ его въ общественныхъ мѣстахъ, то это была уже реставрированная

молодящаяся руина. У Карра еще былъ дождь противъ Вдовьяго Дома и хорошій выѣздъ лошадей. Карръ старался не пропускать миловидныхъ барынь, любительницъ общественныхъ увеселеній, но успѣха уже не имѣлъ. Легенды про его прошлое были многочисленны. Какъ-то взбѣсившіяся лошади выбросили его на мостовую и сломали ему ногу. Карръ исчезъ съ общественнаго горизонта. Впослѣдствіи я встрѣтилъ его сѣдого и нераскрашеннаго у его родственницы, гдѣ онъ проживалъ, потерявъ свое состояніе. Оба типа въ обществѣ не бывали. Были типы другого вида. Клубничій. Литераторъ-дилетантъ, пробовавшій издавать журналъ «Европу». Типъ международнаго европейца. Человѣкъ много читавшій, много путешествовавшій, видѣвшій много людей, много знаменитостей, бывшій со многими на дружеской ногѣ. Независимый въ средствахъ, веселый и занимательный рассказчикъ съ большими литературными свѣдѣніями. Но все это не примѣнилось ни къ какой практической цѣли. Хотя въ эпоху великихъ реформъ голосъ его имѣлъ значеніе въ общественной жизни. Какъ-то онъ отцвѣлъ, не успѣвъ разцвѣсть.

Лука Ивановичъ Похвисневъ. Гусарь, получившій отъ отца въ концѣ пятидесятихъ годовъ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ съ великолѣпными имѣніями въ Симбирской губерніи. Жилъ на распаху, веселой гусарской жизнью въ Москвѣ. Ежедневный посѣтитель театровъ, клубовъ и домовъ, гдѣ играли въ карты. Пристрастился къ балету и близко сошелся съ балериной Е.....вой. Такая жизнь скоро разстроила его состояніе, а тутъ подвернулась благодѣтельница Анна Степановна Воейкова, ссудившая ему подъ залогъ имѣнія деньги, и онъ весьма скоро уступилъ свои владѣнія Валеріану Александровичу Воейкову (Китайцу—прозвище, данное ему товарищами), который взялся урегулировать его отношенія къ кредиторамъ и сожительницамъ, но скоро имѣніе его было продано съ аукціона. Лучшее досталось А. С. Воейковой. Когда Похвисневъ былъ богатъ, то московскія кумушки всячески потакали его фантазіямъ, такъ что онъ вообразилъ себя маркизомъ Карабисомъ, потому, не встрѣчая возраженій, вралъ невѣроятно.

Извѣстный разсказъ его про часы облетѣлъ всю Москву. Я торопился ѣхать въ театръ, разсказывалъ Похвисневъ, и второпяхъ садясь въ сани, оброшилъ часы, минуя карманъ, въ снѣгъ. Это было зимой. Когда въ началѣ весны снѣгъ началъ таять и сдѣлался рыхлѣе, то, проѣзжая бульваромъ, я получилъ сильный ударъ въ лицо комкомъ снѣга, брошеннаго копытомъ пристяжной лошади. Невольно я схватился за щеку и ощутилъ что-то твердое въ снѣгу. Вообразите, это были мои часы, совершенно цѣлые и даже продолжали идти. Вранье его было колоесально и разъ, во время проѣзда его въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги, послѣ продолжительнаго хвастовства, онъ обратился къ пассажиру, одѣтому въ епотку съ тирадой. Удивляюсь! какъ вы можете терпѣть въ такомъ одѣяніи собачій холодъ вагона (въ то время вагоны не отапливались), на мнѣ соболья шуба и сверхъ нее надѣта ильковая шуба и я дрогну. Что вы дали за шубку и за шубу? спросилъ пассажиръ. Не знаю, этимъ завѣдываетъ мой камердинеръ, отиѣтилъ Похвисневъ. А я купилъ свою епотку за шестьдесятъ рублей и когда вспомню сколько лишений и труда стоило мнѣ добыть эти деньги, то отъ одного воспоминанія меня бросаетъ въ жаръ. Былъ еще типъ другого гусара, Карабановъ. Богатый человѣкъ, посѣтитель театровъ, общественныхъ базаровъ, маскараровъ и гуляній. Человѣкъ въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, содержанокъ не имѣлъ, ни празднествъ, ни кутежей не устраивалъ, а въ непродолжительное время растратилъ свое состояніе. Карабановъ былъ всегда тщательно одѣтъ, имѣлъ великолѣпный экипажъ, посѣщалъ только приличныя общества, всегда былъ скромнѣе и деликатнѣе, ни съ кѣмъ не дружился, а напротивъ отъ всѣхъ сторонился, какъ будто бы боясь заразы. Особенно въ последнее время своего пребыванія въ обществѣ, онъ ѣздилъ въ театръ только въ ложу, гдѣ спалъ въ одиночествѣ. Вообще отчужденность свою даже отъ прислуги онъ довелъ до того, что уничтожилъ свою конюшню, сдать содержаніе ея Николаю Кроткову, который и завѣдывалъ его выѣздомъ, получая за это хорошія деньги. Подъ конецъ своей жизни отчужденіе отъ всего и всѣхъ привело его къ умопомѣшательству.

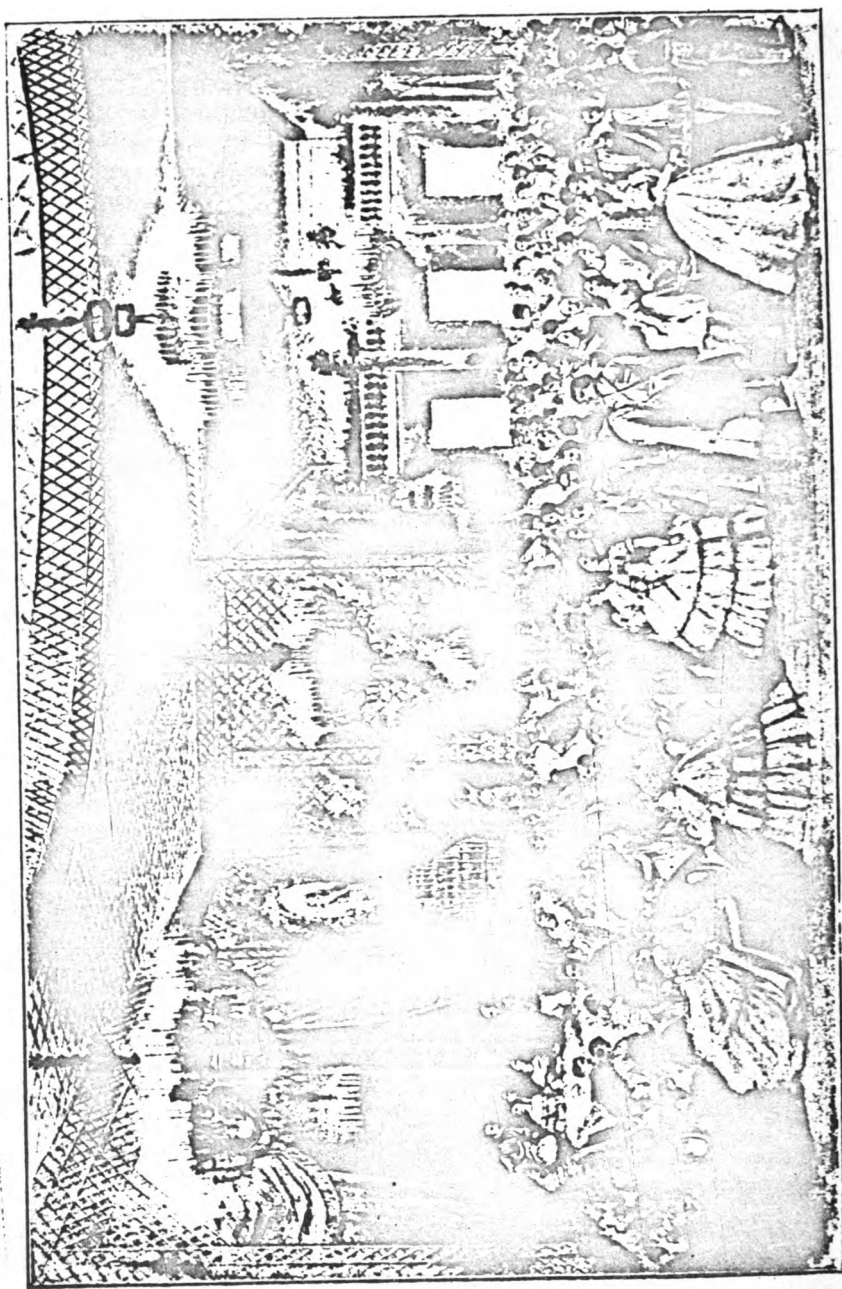
Докторъ Оверъ. Слава его началась въ Москвѣ послѣ изданнаго имъ сочиненія, разосланнаго ко всемъ дворамъ Европы. Отвѣтъ состоялъ въ присылкѣ орденовъ различныхъ государствъ. Оверъ былъ живой, красивый французъ, поклонникъ дамъ и ихъ любимецъ. Практика его была обширна. Часто, его привозили къ нуждающемуся въ немъ больному, безъ его возп. Для этого нужно было обратиться съ подаркомъ къ его кучеру, который распоряжался своимъ хозяиномъ, увѣряя его, что онъ общалъ тутъ быть. Положенной платы у Овера за визитъ не было. Но въ большинствѣ ему платили 10 или 15 рублей. Последнее время, когда онъ былъ вторично женатъ на Цуриковой, то часто посѣщенія его можно было достичь, благодаря ходатайству его супруги, живой и энергичной особы. Оверъ почти ежедневно посѣщалъ домъ графа Закревскаго, гдѣ былъ своимъ человѣкомъ, такимъ же остался и по выходѣ въ отставку графа. Были лица, которыя старались жить вблизи его дома въ Москвѣ и нанимали дачи рядомъ съ нимъ, когда онъ на лѣто покидалъ Москву, такъ велика была увѣренность въ его медицинскіе свѣдѣнія и непогрѣшимости діагноза.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ подъ Новинскимъ, на внутренней его сторонѣ, въ собственномъ домѣ съ большимъ каменнымъ балкономъ на улицу, жилъ богатый помещикъ Иванъ Ивановичъ Барыковъ.

Барыковъ всю свою бурную жизнь прожилъ холостымъ и только подъ старость женился на вдовѣ своего крѣпостного крестьянина, Екатерины Васильевнѣ. Во время продолжительной болѣзни Барыкова онъ такъ привыкъ къ ухаживавшей за нимъ Екатерины Васильевнѣ, что когда она, вознагражденная большою суммой за свои труды, нашла себѣ жениха и объявила о томъ Барыкову, то онъ, не желая лишиться ея услугъ, объявилъ ей, что самъ женится на ней.

Свадьба эта произвела много шума въ Москвѣ. Барыковъ былъ большой хлѣбосоль и два раза въ недѣлю устраивалъ обѣды «съ генералами». За его обѣдами можно было встрѣтить почти всехъ московскихъ сенаторовъ и

почетныхъ опекуновъ. На масленицѣ и пасхальной недѣлѣ званые обѣды повторялись почти ежедневно. Особенно торжественны были обѣды въ продолженіе пасхальной недѣли. По окончаніи ихъ всѣхъ присутствовавшихъ на нихъ генераловъ усаживали на балконы любоваться катаньемъ и слушать музыку, раздававшуюся съ балконовъ балагановъ. Катающаяся и прогуливавшаяся публика могла судить про обширность знакомства богатаго барина. На масленицѣ, по случаю холода, генералы разсаживались у оконъ; это не такъ было видно, и эффектъ былъ не полонъ. Подъ Новинскимъ, гдѣ теперь засажень бульваръ членомъ московской городской управы Петушиковымъ по распоряженію городского головы Сер. Мих. Третьякова, прежде былъ пустырь, огороженный небольшими, врытыми въ землю, столбами, соединенными деревянными между ними перекладинами. На Масленицу и Пасху весь пустырь застраивался балаганами, качелями, панорамами и временными выставками зелена-впна. Разгулъ былъ широкій. Отъ четырехъ до 8 часовъ вечера катались собственники парныхъ экипажей. Кушны показывали своихъ откормленныхъ рысаковъ, а дворянство—галуныи ливреи своихъ выездныхъ драбантовъ. Было много оригинальныхъ выходокъ. Извѣстный падатель журнала «Зритель» Калопитъ, у котораго домъ былъ подъ Новинскимъ, самъ прогуливался пѣшкомъ, но великолѣпный лигавый песъ его, переважно развалился на подушкахъ боляски, катался по кругу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Избранная московская молодежь прогуливалась пѣшкомъ или, въ видѣ воробьевъ, сидѣла на жердочкахъ, соединяющихъ врытые въ землю столбы. Несмотря на плохо содержимую мостовую, такъ что я помню довольно глубокой снѣгъ на Пасху 1859 года, катающихся подъ Новинскимъ была масса, особенно послѣднія дни недѣли. Вся эта публика любовалась сонмомъ генераловъ, собравшихъ на балконы дома Барыкова. Женщины, Барыковъ взявъ гувернантку къ своей женѣ, въ числѣ обязанностей которой заключалось учить ее грамотѣ, а главное—«цыфирю», какъ выражалась почтенная Екатерина Васильевна. Званіе ариѳметики было ей необходимо, такъ какъ картежъ

Балъ во французскомъ посольствѣ въ 1856 году.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

ная игра доминировала въ домѣ. Въ гостиной и залѣ играли въ проферансъ и ералашъ, а въ кабинетѣ хозяина, далеко за полночь, царствовалъ банкъ и ландскнехтъ. Барыковъ, какъ богатый человѣкъ, ссужалъ народившимся тогда строителямъ желѣзныхъ дорогъ процентныя бумаги для представленія въ залого, и денежныя тузы считали за должъ участвовать въ его пирахъ и картахъ. Во время своей болѣзни онъ далъ слово устроить богадѣльню и дѣйствительно, по выздоровленіи, купилъ домъ въ Дурновскомъ переулкѣ, на Пречистенкѣ, устроилъ въ немъ храмъ и обезпечилъ содержаніе приарѣваемыхъ, внеся на содержаніе богадѣльни сорокъ тысячъ рублей. Когда устраивался на Прѣсеневскихъ прудахъ Зоологическій садъ, то на деньги Барыкова былъ купленъ сосѣдній домъ, мѣшавшій распланировкѣ сада, за что Барыковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Желаніе Барыкова, чтобы къ нему въ гости прѣхалъ московскій генералъ-губернаторъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, а также, чтобы графъ называлъ его къ себѣ обѣдать, — не исполнилось. Барыковъ предлагалъ всѣмъ своимъ знакомымъ пожертвовать тридцать тысячъ на благотворительныя дѣла, если кто-нибудь осуществитъ ему его заветную мечту. Многіе передавали это графу, который много смѣялся затѣямъ богатаго самодура, но желанія его не исполнилъ.

Супруга Барыкова, несмотря на свою необразованность, имѣла на него сильное вліяніе. Не только она лично была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, но даже ея племянницы были вызваны изъ деревни, получили нѣкоторый лоскъ образованія и выданы замужъ: одна — за чиновника опекунскаго совѣта, а другая за армейскаго офицера.

Многія благотворительныя дамы московскаго общества, пользуясь тщеславіемъ Барыкова, нерѣдко выпрашивали у него довольно крупныя суммы на патронируемыя ими учрежденія. Несмотря на болѣзненное состояніе, Иванъ Ивановичъ продолжалъ жить неподдержною жизнью, и постоянныя гастрономическія обѣды да картежная игра до утренней зари подкосили, наконецъ, его хилое здоровье. Большую часть своихъ родовыхъ населенныхъ пивній онъ

распродать до объявленія эмансипаціи и закупить нѣсколько доходныхъ домовъ въ Москвѣ, управленіе которыми ввѣрилъ знаменитому переводчику римскихъ классиковъ Клеванову. По кончинѣ его половина его состоянія перешла по духовному завѣщанію къ его жевѣ, а оставшіяся непроданными родовыя имѣнія—къ дальнимъ его родственникамъ, князьямъ Егганичевамъ и Ѳедоровымъ.

Среди дамъ Московскаго общества существовать негласный патронатъ, подъ покровительствомъ котораго начинали свою жизненную карьеру юныя дебютантки общества. Особымъ, имѣвшимъ положеніе въ обществѣ, благодаря служебнымъ отношеніямъ своихъ мужей, или аристократичности своего рожденія, не имѣя собственныхъ дѣтей, но, желая пародировать въ общественной жизни и тѣмъ имѣть предлогъ посѣщать общественныя собранія, съ большою охотой брали на себя обязанность вывозить въ свѣтъ начинающихъ дебютантокъ. Конечно, большинство такихъ дебютантокъ состояло изъ богатыхъ пріѣзжихъ или недавно разбогатѣвшихъ семей, не успѣвшихъ составить себѣ прочный и избранный кругъ знакомыхъ.

Патронессы вывозили ихъ на балы и собранія, прикрываясь именемъ рожденинщицъ, хотя рождество часто шло чуть чуть не отъ Адама или Нои.

Конечно, родители дебютантокъ не оставались въ долгу предъ патронатомъ, и различные подарки въ именнинные и высокаторжественные дни подносились покровительницамъ дебютантокъ.

Вывозя дѣвицъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствовали также начинающей свою карьеру молодежи, представляя ихъ въ семейные дома и протектируя ихъ въ службѣ, ходатайствомъ и въ похвалу, предъ начальствомъ. Принося другимъ нѣкоторую пользу они вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свой престижъ и приобретали популярность.

Нерѣдко, благодаря ихъ хлопотамъ устраивались браки съ коммерческой или карьерной цѣлью. Такихъ патронессъ было вѣсколько. Но особо выделялись своею популярностью

стью двѣ. Жена сенатора Варвара Евграфовна Чертова и Княжна Екатерина Андреевна Гагарина.

Первая начала патронировать еще въ пятидесятыхъ годахъ во времена Графа Закревскаго, придерживаясь всегда благоволеній Москвитскихъ Генералъ-Губернаторовъ, а для мужского патроната, пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, подерживавшаго ее на почвѣ благотворительности.

Вторая дѣйствовала уже въ послѣднее время, во время второй половины Генералъ-Губернаторства князя Владиміра Андреевича Долгорукова, съ которымъ была въ дружескихъ отношеніяхъ, и кромѣ того имѣла поддержку въ родственныхъ отношеніяхъ Петербургской сферы.

Варвара Евграфовна Чертова была дочь небогатаго помѣщика Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда, Мосолова. Отецъ ея имѣлъ всего съ небольшимъ сто душъ, съ дохода которыхъ долженъ былъ содержать и воспитывать семью, заключающуюся изъ сына и трехъ дочерей. Варвара была младшею изъ нихъ и благодаря богатымъ родственникамъ въ домъ которыхъ воспитывалась въ г. Саратовѣ, получила сообразно тому времени блестящее образованіе. При весьма красивой наружности, большомъ умѣ, а главное врожденной ловкости примѣняться къ обстоятельствамъ и людямъ, она скорѣй составила себѣ положеніе, выйдя замужъ за богатаго Казанскаго помѣщика Лебедева. Замужество ея съ Лебедевымъ было непродолжительно. Мужъ ея скончался, не оставивъ потомства и Варвара Евграфовна осталась молодой вдовой, проживать въ семьѣ мужа. Вторично она вышла замужъ за коменданта Казанской крѣпости генералъ-лейтенанта Павла Апполоновича Чертова. Скорѣй Чертовъ былъ перемѣщенъ въ Москву на должность презеуса военнаго суда, при Московскомъ Ордонанс-Гаузѣ. Потомъ сдѣлавъ сенаторомъ и скончался въ Москвѣ генераломъ отъ инфантеріи и первоприсутствующимъ сенаторомъ, девяносто шести лѣтъ.

Тотчасъ по водвореніи своемъ въ Москвѣ В. Е. завелъ прочныя связи въ Московскомъ обществѣ, а главное сталъ правую руку супруги Московскаго Генералъ-Губернатора

княгини Софьи Степановны Щербатовой. Не было богатого или вліятельнаго дома въ Москвѣ, причастнаго къ общественной благотворительности гдѣ бы В. Е. не числилась членомъ, патронессой, попечительницей или вице-предсѣдательницей. Не было богатого или вліятельнаго дома въ Москвѣ, гдѣ бы В. Е. не была знакома. Усердно обязывала она своихъ знакомыхъ, когда возникало какое нибудь благотворительное учрежденіе и вездѣ умѣла возбуждать интересъ къ благому начинанію. Хотя мужъ ея имѣлъ хорошій достатокъ, но какъ человѣкъ, составившій большую часть своего состоянія своимъ трудомъ, былъ весьма расчетливъ въ тратахъ и потому всѣ благотворительные сборы пополнялъ В. Е. изъ кармановъ своихъ благопріятелей. Только послѣ кончины Павла Анполовнича В. Е. показала, что считала свои средства всеобщей принадлежностью, когда почти все, что завѣщала ей мужъ, быстро разошлось по разнымъ рукамъ.

Еще въ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ она протежировала семейству богатого откупщика Колпаишニコва, дочь котораго выдала весьма удачно замужъ за графа Бобринскаго. Такая удача возбудила зависть мамзель и со всѣхъ сторонъ появились просьбы вывезти ихъ дочекъ. Варвара Евграфовна никому не отказывала. Долго вывозила она В. Бестужеву, потомъ вичку генеральши Тимофеевой и другихъ; всѣхъ она выдавала за своихъ племянницъ. Когда я появился въ 1856 году на горизонтѣ, Московской жлани, то по отношеніямъ своимъ къ моимъ роднымъ, никогда не отказывавшимъ ей въ пособіи въ благотворительности, она вывозила меня въ свѣтъ, называя своимъ племянникомъ, отчего перѣдко я бывалъ въ затрудненіи, получая отъ только что представленной меня хозяйки вопросъ: что дѣлаетъ моя кузина В или П? фамиліи которыхъ я едва вспоминалъ, встрѣчая ихъ у Чертовой. Мой отвѣтъ былъ обыкновенно, что это родные Чертовой съ мужской стороны, а я родня съ женскою, потому не знакомъ ни съ В. ни съ П.

Кромѣ денегъ, собираемыхъ Чертовой съ благотворительною цѣлью, она получала массу цѣнныхъ подарковъ отъ покровительствуемыхъ ею лицъ, на что завистники ея

популярности указывали въ обществѣ. Но въ оправданіе ея можно сказать, „что получала лѣвая ея рука, то тотчасъ же раздавала правая“. Всѣ эти подарки тотчасъ же дарились какому-нибудь вліятельному лицу, нужному ей для поддержки ея благотворительной дѣятельности. Я помню, что, возвращаясь съ женою изъ одной изъ поѣздокъ нашихъ изъ чужихъ краевъ, жена моя привезла ей столовую скатерть обюсонъ. Черезъ два или три дня мы посѣтили Московскаго Виварнаго Архіерея Леониды, у котораго на столѣ увидѣли подаренную нами Чертовой скатерть. Чегодаевъ подарилъ В. Е. старинный кубокъ, въ днѣ котораго была вставлена большая монета, временъ Римской Имперіи. Кубокъ этотъ поднесенъ былъ ею Князю В. А. Долгорукову и находится въ числѣ пожертвованныхъ имъ вещей Румянцевскому музею. Такъ шло все въ ея жизни. При жизни своего мужа ея личныя ресурсы были весьма ограничены, Павелъ Аполлоновичъ былъ расчетливъ и не покровительствовалъ благотворительнымъ, изъ его средствъ выходящимъ, тратамъ. Но когда послѣ кончины его она получила послѣ него: домъ въ Савезовскомъ пер., болѣе ста тысячъ денегъ, подмосковное имѣніе, массу стариннаго серебра и брилліантовъ, то благотворительная раздача пошла во всю, и по ея кончинѣ остался только небольшой капиталъ, да домъ, купленный чрезъ посредство знаменитаго ходатая по дѣламъ Буша, за десять тысячъ рублей. Хорошо, что цѣнность его, благодаря обстоятельствамъ, возрасла слишкомъ въ десять разъ. Только благодаря высокому благородству, прозорливому такту и необычайной сердечности, наслѣдникъ Чертовой, благодѣтельствуемая ея замѣстителями, будутъ чтить ее память.

Доживъ до глубокой старости, въ послѣднее время она впала почти въ дѣтство, и потому попала въ руки шантанистовъ, которые, пользуясь ея невмѣняемостью, творили ей пшесмъ некрасивыя дѣла.

Варвара Евграфовна лѣтъ 20 до смерти плохо видѣла, но всегда старалась скрыть это отъ посѣтителей. Когда ей приносили массу бумагъ къ подписи, то, подписывая ихъ, ей казалось, что подписи нѣтъ и она обращалась къ

своей компаньонкѣ съ приказомъ обмакнуть перо въ чернила. Слово „обмакни“, часто повторяемое ею, такъ вѣззало въ ея мозгу, что однажды вмѣсто подписи В. Чертова—она написала обмакни. Конечно бумагу ей воззиратели для новой подписи.

Желаніе ея не допускать въ своихъ дѣлахъ какой нибудь неблаговидной огласки, доходило до болѣзненности. Я помню, участвуя, однажды въ благотворительномъ базарѣ, гдѣ къ отведенному столу Чертовой, прихлывала довольно большая ниша, въ которой устроили для нея мѣсто отдохновенія и чайный столъ. Въ этотъ укромный уголокъ пригласила она одного высокопоставленнаго генерала, которому вмѣстѣ съ чашкой чая дозволила выкурить папирску. Предательскій запахъ пропѣвъ въ сосѣднюю палатку. Когда Чертова съ своимъ гостемъ вышла въ залъ и уголокъ былъ свободенъ, то сосѣдній продащикъ Графъ К. пропѣвъ туда, желая также покурить. Но при самомъ началѣ преступнаго дѣйствія, былъ остановленъ завѣдующимъ ея столомъ, нѣкимъ землемѣромъ. Здѣсь не дозволено курить, довольно грубо сказалъ онъ Графу К. Но почему же куритъ Генералъ,—возразилъ К. То была воля Генеральни, а я не могу дозволить. Графъ удалился и при входѣ въ залъ встрѣтилъ своего сотоварища Г. Ну что хорошо. Вы накуривались? спросилъ послѣдній. Mais non! Ce diable de Cèrbers de Mm. Tchertov m'a empêché. Землемѣръ слышалъ разговоръ, но за незнаніемъ французскаго діалекта не могъ понять о чемъ говорить, но слово „церберъ“ засѣло въ мозгу землемѣра. Тогда онъ обратился къ присутствовавшей здѣсь компаньонкѣ Чертовой. Макрида Петровна, что значить по русски Церберъ? Церберссь, переспросила Макрида. Да, Церберъ. Церберссь—собака. Какъ собака?—значить Графъ называлъ меня собакой. И этого не оставлю. И землемѣръ полетѣлъ съ жалобой къ Чертовой. Спустя немного времени меня отыскала въ публикѣ одна изъ Макриды генеральни и спѣшно потащила къ Чертовой. Я сталъ ее разстроенной. Она и Макрида рассказали мнѣ инцидентъ и просили уладить безъ шуму недоразумѣіе. Радя Бога уладъ жалобно просила Чертова, а то узнаетъ

учредительница базара и мнѣ совѣстно будетъ показать ей глаза. Пошелъ я объяснить землемѣру, что происшествіе есть не болѣе, какъ плодъ плохого знанія Макридой мифологіи и французскаго языка. Церберъ—не собака, сказалъ я ему, а вѣрный хранитель ада. Изображается онъ въ видѣ собаки, какъ эмблема вѣрности, а такъ какъ Вы вѣрный хранитель интересовъ Чертовой, то это нисколько обижать Васъ не можетъ. Не совѣтовалъ я ему объясняться съ Графомъ еще по другой причинѣ. Графъ уже нѣсколько разъ побывалъ въ буфетѣ, и находится въ томъ градусѣ, когда объясненіе съ нимъ рискованно. Землемѣръ не бывши лично храбрецомъ, предпочелъ удалиться въ кусты.

Напрасно многіе предполагали, что Чертова не замѣчала производимый подъ ея имнемъ шаптажъ. Однажды въ моемъ присутствіи одинъ изъ ея адептовъ поднесъ ей 500 рублей, говоря, что неизвѣстный жертвователь прислалъ ей деньги на благотворительныя дѣла, употребленіе которыхъ онъ представляетъ ея личному распоряженію. Горячо благодарила Чертова передатчика пожертвованія, но когда онъ удался, то, обратясь ко мнѣ, сказала: мнѣ принесли 500 рублей, а себѣ за коммисію навѣрно оставилъ вдеветеро, а награду за пожертвованіе придется отхлопатывать мнѣ и писать рекомендательныя письма.

Княжна Екатерина Андреевна Гагарина, ни въ какихъ благословительныхъ обществахъ не участвовала, но все-таки квартира ея постоянно осаждалась различными просителями обихъ половъ. Къ ней благоволилъ Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

Хлопотала она о всѣхъ и у всѣхъ лицъ, занимавшихъ какой-нибудь административный или судебный постъ. Нередко начальствующія лица, совсѣмъ ей незнакомыя и только что прибывшія на вновь назначенную должность въ Москву, получали ея рекомендательныя письма и поневогѣ считали себя обязанными вѣхать къ ней съ удовлетвореніемъ или отказомъ на ея просьбѣ. Такъ составила она себѣ популярность.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ не только ис-

полнять по возможности ея просьбы, но весьма часто самъ дѣлался просителемъ у другихъ властей, непонимая ея рекомендацій. Во время воскресныхъ пріемовъ по окончаніи обѣдинъ, въ гостинишю князя, если появлялась какая-нибудь неизвѣстная женская личность, то можно было безошибочно сказать, что это одна изъ протѣже Екатерины Андреевны, привезенная ею для представленія князю.

Въ настоящее время немало лицъ, укоренившихся на службѣ въ Москвѣ, обязанныхъ этимъ протекціи Екатерины Андреевны.

ГЛАВА XVI.

1865 г.—Слухи объ уходѣ М. Н. Муравьева.—Побѣда въ деревню.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу.—Кончина Цесаревича Николая.—Пріѣздъ Государя въ Москву съ В. К. Александромъ Александровичемъ. Депутация старообрядцевъ.—Пріѣздъ Императрицы Маріи Александровны въ Пальмское.—Пріемъ Голохвастова Государемъ. Поступленіе жены моей помощницей Попечительницы Пречистенскаго отдѣленія Д. П. о бѣдныхъ къ Чертовой, а меня секретаремъ Попечительства.—Александръ-Маринское Училище.—Потеря.—Постройки въ Училищѣ.

Въ апрѣлѣ въ Москвѣ разнесся слухъ объ уходѣ Виленскаго Генералъ-Губернатора Михаила Николаевича Муравьева, влѣдствіе обострившихся отношеній его въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Муравьевъ былъ уволенъ съ пожалованіемъ ему графскаго достоинства. Его замѣнилъ К. П. Кауфманъ.

Государь сѣлѣнъ отъездомъ своимъ въ Ниццу, гдѣ Цесаревичъ Николай Александровичъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Государь прибылъ въ Ниццу 10 чела, вмѣстѣ съ нимъ прибыли Великій Князь Владиміръ и Алексѣй, а также Высочайшая Печета съ матерью Датскою Королевою Луизою. Великій Князь Александръ Александровичъ прибылъ ранѣе. Въ ночь съ 11 на 12 апрѣля Наслѣдникъ скончался. Вѣсть эта въ тотъ же день достигла Москвы и произвела въ ней большое возмущеніе. Манифестомъ отъ 12 апрѣля извѣщавшимъ о кончинѣ Цесаревича Николая, объявляющъ

Генераль-Адъютантъ Графъ Сергѣй Григорьевичъ
Строгановъ, въ бытность его Московскимъ Генера-
ль-Губернаторомъ.

Съ литографіи собранія Ровинскаго, въ Румянцевскомъ Музее.

былъ наслѣдникомъ и Цесаревичемъ Великій Князь Александръ.

Весной въ началѣ мая уѣхали мы съ женой и дочерью въ Тамбовское мое имѣніе на все лѣто. Желѣзная дорога доходила только до Рязани, а далѣе мы ѣхали въ тяжеломъ четверомѣстномъ дормезѣ въ шесть лошадей и то въ топкихъ мѣстахъ лошади съ трудомъ вытаскивали нашъ экипажъ. Былъ полный разливъ Оки и полая вода тихо убывала. Въ деревнѣ волненіе все болѣе и болѣе утихало. Страхъ съ одной стороны, и несбыточные мечты съ другой повсюду утихали, чему много способствовалъ бывшій въ то время Тамбовскій Губернаторъ Карлъ Карловичъ Данзасъ. Впрочемъ въ нашихъ мѣстахъ ничего особеннаго въ смыслѣ безпорядковъ и не было. Мирно мы прожили до половины сентября и 15 выѣхали въ Москву. Поселились мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго.

14 августа Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ прибыли въ Москву, чтобы согласно надрешле установленному обычаю представить своего Наслѣдника первопрестольной столицѣ. Оба пробыли въ Москвѣ недѣлю. Москва встрѣтила ихъ обычнымъ одушевленіемъ. Въ этотъ пріѣздъ Государь принялъ Московскихъ старообрядцевъ, ходатайствовавшихъ о дозволѣніи основать въ Москвѣ единовѣрческій монастырь. Государь соизволилъ разрѣшить представить проектъ, одобрилъ ихъ мысль и подалъ надежду, что дѣло это устроится.

Въ сентябрѣ Государыня Марія Александровна прибыла въ новопріобрѣтенное имѣніе свое Звенигородскаго уѣзда—село Ильинское. Царская семья провела весь сентябрь въ полномъ уединеніи, для поправленія здоровья Императрицы, потрясеннаго кончиною Цесаревича Николая. Кромѣ царскаго семейства при нихъ находилась небольшая свита приближенныхъ лицъ. Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный предводитель дворянства Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ. Голохвастовъ во время предшествовавшихъ дворянскихъ выборовъ въ Московскомъ собраніи вмѣстѣ съ Петербургскимъ ора-

торомъ Николаемъ Александровичемъ Безобразовымъ и графомъ Орловымъ-Давыдовымъ рѣзко говорить о Петербургскихъ чиновникахъ, настаивая подать адресъ на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ дворянъ Московской губерніи. «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя», — сказалъ ему Императоръ, — хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай! и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей зашѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія...» Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. «Говори правду, я всегда охотно ее слушаю», — отвѣтилъ Императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все то, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ и стремленіямъ стоитъ опрочь земщины, то есть вѣдь или въ сторонѣ отъ народа». «Важно не слово, — замѣтилъ Государь. — Что знача вся эта выходка? чего вы хотѣли? конституціоннаго образа правленія? — Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ: — И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщесавія не хочу поступиться своими правами. И даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлавъ это сегодня и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ, вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали». Слова эти относились къ адресу Московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія. Отпуская Голохвастова, Государь сказалъ ему: «Главное, не гоняйся за анлодисементами, за усѣхами краспорѣчія. вѣдь, право, не стоитъ того...» «Анлодисменты, Государь, относились не ко мнѣ, — возразилъ Голохвастовъ, — ихъ могъ вызвать каждый въ зашѣ, стоило васъ назвать — и стѣны дрожали отъ анлодисментовъ. Свѣтлая улыбка озарила лицо Государя. «Да, я знаю, — промолвилъ онъ; — ну, съ Богомъ, прощай*).

*) Рукописная записка Д. Д. Голохвастова, напечатанная въ жизни Царствования Императора Александра II С. С. Татищевымъ, ст. 334. Томъ I.

Осенью 1865 года жена получила приглашеніе отъ жены генераль-отъ-инфантеріи Варвары Евграфовны Чертовой, занять при ней должность помощницы попечительницы Пречистенскаго отдѣленія и Александро-Маріинскаго дѣвичьяго Училища.

Спустя нѣкоторое время и я согласился быть секретаремъ этого отдѣленія, чтобы помочь женѣ въ ея разнообразныхъ занятіяхъ, возлагаемыхъ на нее Чертовою.

Жили мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго. Квартира въ бель-этажѣ въ девять комнатъ съ конюшней и сараемъ стоила 650 рублей. Въ этой квартирѣ теперь пансіонъ и платять за нее 1800 рублей. Вотъ до какой степени поднялась цѣна въ этой мѣстности. Жена первое время занялась бѣдными Пречистенской части и еженедѣльно ѣздила въ Барыковскую богадѣльню, куда являлись къ ней бѣдные Пречистенской части. Меня же генеральша Чертова, кромѣ письменной части, командировала для осмотра и ревизіи хозяйственной части Александро-Маріинскаго Училища.

Училище помѣщалось въ домѣ Пивапа Николаевича Воейкова на Пречистенскѣ. Домъ этотъ когда-то принадлежалъ князю Долгорукову, отцу бывшаго Московскаго Генераль-Губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова. Покойный князь мнѣ лично указывалъ и комнату, гдѣ онъ родился. Въ ней устроена мною домашняя церковь Училища.

Домъ послѣ Долгорукова принадлежалъ Лаврентьеву, въ немъ помѣщалось землемѣрное училище. Къ дому были придѣланы разныя постройки, сдѣланныя кое-какъ на половину каменные, а частью деревянныя. Воейкову домъ достался по закладной. Никакихъ поправокъ и передѣлокъ онъ не дѣлалъ. Все лѣнилъ кое-какъ, даже балки надъ заломъ были составлены изъ трехъ частей, и поддерживались скрѣпами къ стропиламъ. Все это мнѣ пришлось узнать, когда домъ былъ приобретенъ въ собственность училища и мнѣ пришлось все исправлять и передѣлывать.

Когда я вступилъ секретаремъ Пречистенскаго попечительства, то домъ панимался за 4 тысячи у Воейкова и всѣ поправки дѣлались на счетъ Училища. Воейковъ во

всемъ умывалъ руки. Капиталовъ при училищѣ не было никакихъ, а были неуплаченные счета четырехъ съ чѣмъ-то тысячъ. Около половины учащихся было даровыхъ или платящихъ 50 и 25 процентовъ слѣдуемой съ нихъ платы, да и то платили весьма неаккуратно. Надобно удивляться изворотливости и находчивости попечительницы В. Е. Чертовой, какъ могла она сводить концы съ концами. Конечно не брезговали ничѣмъ и ничѣмъ. Брали и выпрашивали у всѣхъ и все, что было можно. Благодарности и обѣщанія сыпались направо и налево—неограниченно. Но все-таки были сильныя недочеты и постоянные долги. Когда я первый разъ присутствовалъ за обѣдомъ воспитанницъ, то меня поразило, что за столомъ, гдѣ сидѣло до 20 воспитанницъ было два стакана и одинъ графинъ, изъ которыхъ и пили воспитанницы по очереди. На другой же день я купилъ слишкомъ 300 стакановъ и около 20 графиновъ. Это былъ мой первый подарокъ училищу. Впослѣдствіи я завелъ металлическія тарелки и блюда, и вообще старался упорядочивать столъ и посуду училища. Пока домъ принадлежалъ Воейкову нечего было и думать исправлять помѣщеніе.

Въ виду училищнаго начальства матеріальнаго улучшенія заведенія было 40,000, которыя отъѣзывала училищу купчиха Малюткина, послѣ своей смерти. Малюткина была отдава въ опеку по Высочайшему повелѣнію. Не желая, чтобы хранившійся въ какомъ-то учрежденіи капиталъ ея въ 500 тысячъ, достался ея дѣтямъ, она написала духовное завѣщаніе которое черезъ Главно-Управляющаго Вѣдомства Императрицы Маріи, Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, было представлено на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе. Вотъ первый капиталъ, хотя и въ туманѣ, приобретенный попечительницею въ пользу основаннаго ею училища.

Воейковъ умеръ; все огромное его состояніе досталось по духовному завѣщанію, его жень Юліи Адальбертовнѣ.

По дружбѣ своей къ попечительницѣ В. Е. Чертовой, Воейкова уступила доставшійся ей на Пречистенскѣ домъ въ пользу училища за 50 тысячъ рублей. Половина дѣла была сдѣлана, но денегъ опять не было; придумана была новая

комбинація: Малютину уговорили передать завѣщанный ею капиталъ училищу немедленно съ тѣмъ, что училище будетъ платить получаемые ею проценты въ количествѣ 5%, по девѣ ся кончины. Малютина на предложеніе охотно согласилась, такъ какъ не теряла въ своихъ доходахъ ничего, а выигрывала въ принципѣ. На основаніи Опекі ей запрещено было распоряжаться капиталомъ, а дозволено было пользоваться только процентами. Дозволеніемъ же выдать часть капитала, получалась лазейка просить впоследствии того же для другихъ выдачъ, ссылаясь на предыдущее дозволеніе, чѣмъ она впоследствии и воспользовалась. Остальные десять тысячъ пожертвовалъ супругъ попечительницы, сенаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Аполлоновичъ Чертовъ. Домъ былъ купленъ.

Капитала при училищѣ все-таки не было ни копѣйки, между тѣмъ нужды увеличивались. Домъ былъ, при огромной усадьбѣ, въ полуразрушенномъ состояніи. Стѣны дали трещины и грозили паденіемъ. Лѣстницы были всѣ деревянныя. Балки всѣ полусгнившія съ эфемерными желѣзными скрѣпами. Классы безъ отдѣльнаго коридора, съ легкой перегородкой въ самомъ классѣ. Все это нужно было перестраивать. Къ тому же при училищѣ нужна была домовая церковь. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Попечительница обратилась въ Совѣтъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, прося исходатайствовать разрѣшеніе на розыгрышъ лотереи въ пользу училища. Долго длилась переписка. Наконецъ, за недѣлю до масленицы, получено было разрѣшеніе изъ Петербурга устроить лотерею въ сто тысячъ билетовъ, на сумму 25 тысячъ рублей, по 25 копѣекъ билетъ.

До Пасхи оставалось два мѣсяца, нужно было напечатать билеты, распродать ихъ до Святой недѣли и сдѣлать на Фоминой розыгрышъ. Весною всѣ разгвѣзжались по деревнямъ и тогда пришлось бы откладывать лотерею до осени. И круто повернулъ дѣло. Къ масленицѣ часть билетовъ была уже напечатана, проверена, подписана и пущена въ продажу въ Петербургъ и Москвѣ. На первой недѣлѣ вышло объявленіе, что розыгрышъ будетъ непремѣнно на Фоминую недѣлю. Главный выигрышъ былъ 50 билетовъ.

1-го съ выигрышами займа; второй 10 таковых же билетовъ, затѣмъ два по три билета и 10 по одному. Мнѣ удалось купить эти билеты на собственные средства, вперёдъ на срокъ, по сто съ чѣмъ-то рублей, такъ что всего затратилъ я на выигрыши около 9-ти тысячъ рублей. Мнѣ предрекали, что я не успѣю продать въ 7 недѣль такую массу билетовъ, и даже одна барыня держала со мной пари. Я такъ энергично привился за дѣло, объѣхалъ нѣсколько вліятельныхъ и толстосумныхъ людей, что дѣло сильно пошло на задъ.

Въ концѣ пятой недѣли поста билеты были проданы. всѣ. Деньги въ количествѣ 16 тысячъ, вручены попечительницѣ Чертовой и розыгрышъ назначенъ въ первыхъ дняхъ Фоминой недѣли, утромъ съ музыкой, а вечеромъ—театръ и балъ въ большой залѣ дворянскаго собранія. Театръ и балъ покрыли всѣ расходы по лотереѣ, печатанье билетовъ, публикацію, вознагражденіе псцу, почтовые расходы и осталось еще чистой прибылью тысяча съ чѣмъ-то рублей. Всего лотерея дала слишкомъ семнадцать тысячъ и ни копѣйки расхода на ея управленіе. Изъ нихъ В. Е. Чертова пожертвовала пять тысячъ въ неприкосновенный капиталъ Алексѣевской больницы, устроенной во флигелѣ училища. Начало основнаго капитала училища было сдѣлано, но не долго продержались у насъ эти деньги.

По окончаніи экзаменовъ началась передѣлка купленнаго для училища дома и устройства въ немъ домашней церкви. Всѣхъ построекъ предположено было на 15 тысячъ, но израсходовано было гораздо больше. Архитектурная и строительная часть были поручены мнѣ. Церковный иконостасъ, Богослужебныя книги, церковныя принадлежности взялъ на себя купецъ, бывшій старовѣръ, Аласинъ, за сумму—мнѣ неизвѣстно, это былъ секретъ между нимъ и попечительницею. Хотя это былъ секретъ полишинеля и всякій сторонникъ передавалъ его по своему, но кто правъ, я удостовѣрить не могу. Аласинъ утверждалъ, что много добилъ своихъ денегъ. Много?—Не думаю. Отпечатокъ его хозяйничанья и теперь замѣтенъ въ иконахъ, особенно въ одной иконѣ,—Христа, благословляющаго дѣтей. Живо-

пись въ чисто-старовѣрческомъ духѣ. Много пришлось мнѣ повозиться съ этимъ Титъ Титычемъ. Въ одно прескверное утро, получаю я записку отъ попечительницы—немедленно прѣхать къ ней по экстремному дѣлу. Прѣзжаю. Генеральша въ волненіи. Оказалось, что она попросила правителя дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, захватить въ училище и посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ Церевѣ и вообще на постройкахъ. Серебряковъ, по генеральски, началъ все критиковать и дѣлать перемѣны: мой Титъ Титычъ обидѣлся, разругался съ генераломъ и прислалъ своего приказчика къ попечительницѣ съ отказомъ отъ продолженія работъ въ церевѣ и, конечно, въ деньгахъ. Генеральша просила меня тотчасъ же ѣхать къ Аласину и утишить бурю, давъ ему обѣщанье не уполномочивать Серебрякова на ревизію, и отказывалась даже, что и прежде давала ему такое полномочіе. Отправляюсь за Москву рѣку, въ какой-то переулочекъ и застаю Аласина въ саду, за кувшиномъ холоднаго квасу, въ хлѣбной бесѣдкѣ.

Сначала мой коммерсантъ на дыбы; «не хочу, молъ, чтобы препятствовали моему праву, я самъ генераль отъ капитала». Долго пришлось мнѣ его улаживать, ходить съ нимъ по конюшнямъ, хвалить его рысаковъ и всячески ублажать.

Наонецъ утихъ мой Титычъ. «Хорошо, говорить, берусь докончить храмъ. Первое условіе, чтобы генераль не совалъ своего носа. Второе—ѣдемъ сейчасъ на стройку, тамъ захватимъ архитектора Карѣева, а затѣмъ затрапывать на уху, въ Патриѣвскій трактиръ, къ Тѣстову. Соглашаюсь. Въ училищѣ все приказано сдѣлать, какъ онъ хотѣлъ. У Тѣстова застаемъ вызваннымъ пріятеля изъ Титычей. Начали съ разныхъ закусокъ. Затѣмъ стерляжья уха, а затѣмъ—шампанское. Я сильно проголодался отъ всѣхъ этихъ хожденій и поѣздокъ, не имѣя во рту ничего, кромѣ утренняго стаканна кофе и потому много ѣлъ закусокъ. Послѣ ухи ожидаю чего нибудь существеннаго. Но за ухой подикутъ фрукты, виноградъ, шампанское и больше ничего. Согласитесь, на голодный желудокъ—уха, шампан-

ское и фрукты пища не совсѣмъ гигиеническая. Ночью я заболѣлъ и провалялся нѣсколько дней въ постели. Тамъ я нажилъ первый катаръ съ благотворительною цѣлью.

Впослѣдствіи, въ теченіе моего 12-лѣтняго служенія въ Пречистенскомъ отдѣленіи, мнѣ не разъ приходилось ублажать разныхъ цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ Тить Титычей, чтобы получать отъ нихъ мзду въ пользу училища.

Постройки въ училищѣ продолжались во все время служенія моего. Тутъ жертвовали Губонинъ, Поляковъ и много другихъ, даже цвѣтоводъ Фомянъ перестроилъ садъ училища, получивъ за это золотую медаль.

Въ августѣ 1870 года, за безвозмездную службу училищу, за мои пожертвованія и привлеченіе другихъ лицъ къ жертвованіямъ, я получилъ званіе Камеръ-Юнкера. Это была единственная награда, полученная мною за 12-лѣтнюю службу мою въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ. Въ оправданіе моего начальства я считаю долгомъ прибавить, что никогда не желалъ и не просилъ себѣ награды, а то бы конечно получилъ ихъ много. Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій благоволилъ ко мнѣ и конечно не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ; но я ставилъ себя выше наградъ, считая себя исправно исполняющимъ принятую на себя обязанность, и не входилъ ни въ какіе компромиссы, за что впослѣдствіи и пострадалъ при столкновеніи съ правителямъ дѣлъ пріютовъ, знаменитымъ Е. Н. Сафоновымъ.

Впрочемъ, забывъ, получилъ я еще награду. (Отъ имени всѣхъ служащихъ въ училищѣ и всѣхъ воспитанницъ я получилъ благодарственное письмо черезъ начальницу училища Виландъ, когда большая часть построекъ была окончена и инвентарь училища и платья были пополнены. Кажется это случилось когда въ прежнихъ погребахъ и кладовыхъ я устроилъ музыкальные классы, такъ что воспитанницы могли заниматься уроками музыки, не мѣшая другъ другу. Постройка эта тѣмъ болѣе меня озабочивала, что два слѣдующіе этажа были съ трещинами и прежде исправленія ихъ, я долженъ былъ связать эту постройку желѣз-

Генералъ-Адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ
Московскій Генералъ-Губернаторъ.
Съ автографіи, собранія С. П. Виноградова.

ными поясами-скръпями, чтобы предохранить отъ паденія. Вотъ текстъ адреса:

Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ!

Чувствуя глубокую признательность къ Вамъ за Ваши труды и заботы по устройству нашего заведенія и видя ежедневно на опытѣ плоды Вашей дѣятельности, доставившей намъ большія удобства, мы желаемъ выразить Вамъ нашу искреннюю благодарность за все, что Вы для насъ сдѣлали. Несмотря на Вашу кратковременную дѣятельность, Вы успѣли обставить нашу обыденную жизнь весьма многими удобствами сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ пользовались наши предшественники. Поэтому мы пользуемся днемъ Вашего ангела, чтобы принести Вамъ нашу сердечную благодарность за то сочувствіе, съ которымъ вы относились къ нашей жизни. Хотя намъ слѣдовало принести это поздравленіе днемъ раньше, но желаніе поздравить Васъ отъ всего заведенія и необходимость собрать голоса всѣхъ классовъ, помѣшали намъ исполнить это во время тѣхъ болѣе, что мы только вчера узнали о днѣ Вашего ангела. Нашъ Инспекторъ г. Зенгбушъ проситъ присоединить свое поздравленіе къ нашему, такъ какъ наша Начальница Е. Х. Виландъ имѣла вчера удовольствіе лично выразить Вамъ свои чувства. Глубоко признательныя Вамъ воспитанницы Александро-Маріинскаго Училища. 22 сентября 1874 г.

Я забѣжалъ много впередъ. Вернемся назадъ.

ГЛАВА XVII.

1866.—Дворянскіе выборы.—Дѣло полковника Н.—Открытіе дворянскихъ и земскихъ утѣжденій.—Покрушеніе на жизнь Государя.—Празднованіе 25-лѣтія свадьбы Государя.—Приостановка изданія Московскихъ Вѣдомостей.—

Письмо Каткова Государю.—Слѣдствіе письма.

Дворянскіе выборы 1866 года были бурны. Введеніе положенія 1864 года въ 1866 году о мировыхъ судьяхъ было по первымъ дворянское сословіе. Выбранные либеральной партіей новыя судебно-мировыя власти считали себя вос-

точными деспотами, приравнивая остальных къ одному знаменателю: Мастероваго, крестьянина и дворянина, они употребляли все свое знаніе, все свое вліяніе, чтобы по возможности оскорблять высшее сословіе нравственными ударами по еще снѣжей ранѣ. Себя же считали чуть не богами судебного олимпа. Прислуга, чутко прислушиваясь къ пропсходившему кругомъ ихъ, пользовалась такимъ направлеиіемъ гг. судей и по возможности раздражая хозяевъ, обращалась къ мнимои зашитѣ новопеченнаго правосудія, разсчитывая впоследствии выговорить себѣ денежное вознагражденіе по мировой сдѣлкѣ, зная, что господа избѣгаютъ судяица съ прислугой. На улицѣ Варваркѣ стоялъ домъ коллежскаго асессора Чарторижскаго. Что сдѣлалъ этотъ господинъ, не помню, но рѣшеніемъ мирового судьи или Сѣзда онъ вынужденъ былъ подиергнуться аресту на вѣсколько дней при городскомъ арестномъ домѣ. Къ чему мировые судьи перваго выбора прибѣгали при всякихъ пустякахъ. Во то время почетнымъ мировымъ судьей, заведывавшимъ арестнымъ домомъ, состоялъ пѣтъ Г. Н. отставной полковникъ. Г. Н. давно не жилъ въ Москвѣ, проживая прежде въ Казанской губерніи, въ имѣніи своей жены; но въ недавнее время, получивъ какъ-то бокомъ неожиданное наслѣдство отъ дяди, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, по родству и по крови, основался въ Москвѣ. Онъ подѣлался къ Генералъ-Губернатору Долгорукову, которому впоследствии отплатилъ черною неблагодарностью, и черезъ него полѣзъ по службѣ въ гору.

Г. Н. держалъ себя маленькимъ Аракчеевымъ и потому пользовался общимъ неуваженіемъ.

Съ перваго же дня открытія дворянскаго собранія шелъ сплывыи говоръ о жестокости Г. Н. Говорили, что Г. Н. оскорбляетъ Чарторижскаго до невозможности, дѣлая ему постоянныя придирки якобы на законномъ основаніи. Говорили, что будто бы онъ приказалъ сторожамъ сплोकъ станцить съ его руки обручальное кольцо, основываясь на томъ, что арестованный не можетъ имѣть при себѣ драгоценныхъ вещей, которыми можетъ подкупить сторожей. Говорили многое другое, что за давностью я позабылъ.

Явилось предложіе группы дворянъ исключить Г. Н. изъ сословія дворянъ Московской губерніи. Шумъ былъ большой,—негодование всеобщее. Но все рухнуло.

Г. Чарторяжскій былъ польскій дворянинъ, и къ тому времени не успѣлъ еще доказать Департаменту Герольдіи правъ своихъ на русское потомственное дворянство, а по имѣющему чину коллежскаго асессора считался только личнымъ дворяниномъ, за котораго дворянское собраніе заступиться не имѣло права.

Это спасло Г. Н. отъ грозившей ему опасности. Скоро все было позабыто обществомъ и Г. Н. проживалъ въ свое удовольствіе, подымаясь все выше и выше, пока не былъ призванъ на судъ Высшаго Судьи міра.

Князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ былъ вновь избранъ въ Губернскіе Предводители дворянства, но второго трехлѣтія не дожидъ. Уѣхавъ лѣтомъ за границу на воды съ женою и сыномъ, назадъ вернулась одна княгиня. Живя за границей, семья Гагариныхъ остановилась въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Австріи. Молодой сынъ князя собиралъ цѣтныя камни въ ручьѣ Мюльбаха, верхняя часть котораго была запружена плотиною для сплава по ней горнаго дѣса. Плотина была открыта въ верхнемъ шлюзѣ, о чемъ жители предупреждены не были. Юноша былъ увлеченъ сильнымъ потокомъ воды. Отецъ, находясь на берегу и видя гибель сына, бросился спасать его, но моментально былъ убитъ несущимися съ необыкновенной быстротою бревнами. По спадѣ воды палили два изуродованныхъ трупа. Княгиня, на глазахъ которой случилась катастрофа, съ отчаянія нравственно заболѣла и остальную свою жизнь провела въ полномъ уединеніи.

4 апрѣля 1866 года получена была телеграмма о первомъ покушеніи Каракозова на жизнь Государя при выходѣ Его изъ лѣтняго сада.

Небывалый случай, случившійся впервые въ Русскомъ Государствѣ, настолько взволновалъ общественное мнѣніе, что общее негодование не имѣло границъ. Въ вечеръ этого событія вся Москва (высшаго круга) перебивалась въ Англійскомъ клубѣ, надо было видѣть клубныхъ ораторовъ, до

чего поразило ихъ это событіе. Немногіе либералы клуба прижали хвосты и должны были отказаться отъ многихъ своихъ требованій.

Въ маѣ Царская семья прибыла въ Москву провѣдомъ въ с. Ильинское, гдѣ и пробыли весь маѣ мѣсяцъ. Во время выхода въ Кремль стѣны дворца дрожали отъ вликовъ радости, что судьба спасла Государя отъ грозившей ему опасности. Москва въ первый разъ видѣла Государя послѣ покушенія на его жизнь. Восторгъ былъ естественный.

Государь отпраздновалъ въ концѣ мая двадцатипятилѣтіе своей свадьбы и перѣхалъ въ с. Ильинское, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ.

Москвичей тревожило приостановленное изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» и прекращеніе дѣятельности публициста М. Н. Каткова. Раскрытіе дѣятельности революціоннаго кружка подъ главенствомъ Ипутина, въ лѣсной академіи Петровскаго-Разумовскаго, побудило Министра Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать предостереженіе Каткову за нападки его на дѣйствія нѣкоторыхъ Правительственныхъ вѣдомствъ и особенно Министра Просвѣщенія Головинина; М. Н. Катковъ считалъ, что пропаганда, замѣченная во многихъ учебныхъ заведеніяхъ учредилась благодаря нелѣпымъ распоряженіямъ Министра Просвѣщенія. Катковъ отказался напечатать полученное имъ предостереженіе въ своей газетѣ, предпочитая вовсе прекратить ея изданіе.

Пользуясь пребываніемъ Государя въ Москвѣ, Катковъ написалъ ему письмо, въ которомъ, какъ онъ предупредилъ графа А. В. Адлерберга, взявшагося передать письмо по назначенію, — онъ «ни на что не жалуется и ни о чемъ не проситъ». Оканчивалось письмо просьбою, чтобы Государь въ издателяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» призналъ своихъ.

Каткову дана была аудіенція 20 іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Императоръ принялъ его наединѣ въ кабинетѣ. «Я тебя знаю, — сказалъ онъ ему, — вѣрю тебѣ, считаю тебя своимъ». Государь казался растроганнымъ; слезы текли изъ глазъ Каткова.

«Сохрани тотъ священный огонь, — продолжалъ Импера-

торь,—который есть въ тебѣ. Я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ беспокоиться. Я внимательно слѣжу за «Московскими Вѣдомостями», постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполне увѣренъ. Понимаешь ли ты силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя на душѣ, что бы передать мнѣ?» Возмущенный Катковъ отвѣчалъ нѣсколькими несвязными словами благодарности. Перейдя къ вопросу о сепаратизмѣ, въ осужденіе котораго издатель «Московскихъ Вѣдомостей» проявлялъ крайнюю подозрительность къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ,—замѣтилъ Государь.—Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушеніе этого рода есть, я знаю, я съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ Имперіи я, конечно, дорожу не менѣе тебя... А я на тебя посердился. Предостереженіе все-таки надо было напечатать». При прощаніи Императоръ снова крѣпко пожалъ руку Каткова, прибавивъ: «Помни: я въ тебѣ вполне увѣренъ». Министру Внутреннихъ Дѣлъ сообщена Высочайшая воля, чтобы «Московскія Вѣдомости» были освобождены отъ наложеннаго на нихъ взысканія и нѣсколько дней спустя газета эта стала выходить подъ редакціей Каткова.

ГЛАВА XVIII.

1867 г.—Жизнь въ Москвѣ въ зиму 1866—1867 г.—Приѣздъ въ Москву Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Маріи Феодоровны.—Этнографическая выставка. Смерть Милютина.

Въ сентябрѣ 1867 года я вернулся въ Москву изъ вновь пріобрѣтеннаго мною имѣнія въ Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда села Мосолова и поселился на Малой Дмитровке, въ домъ Ломоносовой. Служба моя шла понемногу, особенныхъ занятій не было.

*) Любимовъ. М. Н. Катковъ и его историческая заслуга стр. 140.

Москва бросилась на спекуляцію; всѣ мечтали объ учрежденіи разныхъ банковъ, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и разныхъ денежныхъ спекуляціяхъ. Всѣхъ поразило неожиданное богатство, свалившееся на двухъ желѣзнодорожниковъ: Дервиза и Фонтъ-Мекка. Меня также уговорилъ Дмитрій Павловичъ Шиповъ пойти съ нимъ въ долю при предполагаемой постройкѣ Московско-Смоленской желѣзной дороги, и даже заставить меня собрать мой капиталъ, раздавши въ разные руки, около ста тысячъ, для представленія въ залогъ казны; но почему-то потомъ отъ участія моего отказался, несмотря на обоюдныя, данныя нами другъ другу подписки. Отъ этого предполагаемаго предпріятія я, кромѣ убытка, ничего не получилъ. Потомъ онъ познакомилъ меня съ Кокоревымъ, Мамонтовымъ, когда они учреждали Московскій Купеческій Банкъ и я былъ приглашенъ быть въ числѣ его учредителей, но потомъ отъ участія въ учрежденіи банка отказался.

21 апрѣля Государь вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Цесаревною Марією Феодоровною прибыли въ Москву. Царская семья пробыла въ Москвѣ двѣ недѣли. Наслѣдникъ съ супругой посѣдили Московскія сѣятни и историческіе памятники и совершили побѣду въ Троицкую Лавру.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ выходъ и потомъ представленіе властей и дворянства. Въ благородномъ собраніи Московскимъ дворянствомъ данъ былъ балъ. Городомъ устроенъ былъ народный праздникъ и иллюминація. Стеченіе катящейся публики было такъ велико, что ряды вышпажей танулись даже отъ Тверской вдоль Тверскаго бульвара до Никитской улицы. Подъ предѣлательствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича была открыта этнографическая выставка, которую обозрѣвала вся царская семья. Нѣкоторые предметы выставки хранятся теперь въ Румянцовскомъ музеѣ въ Данковскихъ залахъ. Выставку посѣтили Сербскій ученый Шафарикъ и представители чешской науки Палацкій и Ригеръ. Это было первое братство настоящаго времени Славянъ между собою. Особому вниманію народонаселенія подвергались даже на улицѣ наши привязкіе собраты.

25 мая на улицахъ столицы появились въ продажѣ листки, извѣщавшіе о покушеніи въ Парижѣ на жизнь Государя Поляка Березовскаго, при возвращеніи коляски Государя съ военнаго смотра изъ Лонгшана. Государь сидѣлъ съ Наполеономъ и двумя Великими Князьями. Пуля ранила только лошадь шталмейстера, конвопровавшаго экипажъ. Волненіе москвичей было всеобщее.

Въ маѣ насъ постигло горе,—скончался отецъ моей жены Ксенофонтъ Павловичъ Гевличъ, ветеранъ отечественной войны, соратникъ Алексѣя Петровича Ермолова. Въ концѣ мѣсяца мы уѣхали въ новокупленное мною нѣмнѣе село Мосолово Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда, находившееся въ 17 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Сергіево.

Осенью мы вернулись въ Москву, но жена мало посѣщала бани и вечера по случаю своего траура.

Зимой Москва веселилась, было много баловъ и вечеровъ не смотря на то, что средства помѣщиковъ сильно убавились. Кромѣ того закрытіе операций сохранный казны опекунскаго совѣта, уничтожило кредитъ дворянству. Займы въ частныхъ рукахъ были затруднительны. Всѣ бросились хлопотать о скорѣйшемъ утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ на землю съ крестьянами. Но и тутъ судьба преслѣдовала дворянство, кредитъ самаго государства былъ не вѣрнопъ и выкупныя свидѣтельства покупались худо, были времена, когда ихъ продавали по 70 копѣекъ за рубль.

Привычка жить на барскую ногу не могла уничтожиться сразу. Доходы съ оставшейся за помѣщиками земли сильно сократились, а расходы на жизнь напротивъ увеличились; поневоѣ пришлось продавать выданныя выкупныя свидѣтельства за отобранную землю, представлявшія фондъ и обращать ихъ въ доходный купонъ. Многіе, размѣнявъ свидѣтельства, завели сельскохозяйственныя машины, но неумѣніе пользоваться ими принесло одни лишь убытки. Такъ состоялось начало разоренія дворянства.

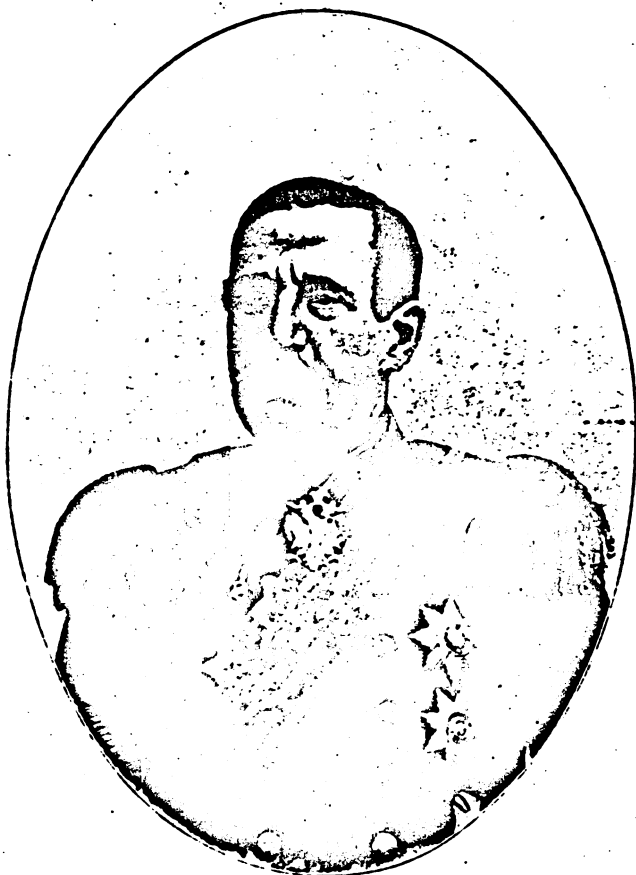
Московское дворянское общество сильно рѣдѣло. Многіе уѣхали жить въ чужіе края, думая тѣмъ сократить расходы, живя въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ; другіе

помѣстились въ губернскихъ городахъ, третии бросились искать какойнибудь службы. Такъ всѣ оторвались отъ своихъ напѣренныхъ гвѣздъ, но не имѣя руководящей нити, какъ безрульный корабль погибъ въ пучинѣ общественной жизни. Вообще общественная жизнь принесла большой переломъ и при катастрофѣ много культурныхъ людей погибло, а некультурные выползли изъ образованныхъ щелей.

Въ Москвѣ на Поварской улицѣ рядомъ съ храмомъ Семіона Столбника скончался бывший товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Въ Москву былъ назначенъ новый Генералъ-Губернаторъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, братъ бывшего шефа жандармовъ, Князя Василія Андреевича. Владиміръ Андреевичъ былъ женатъ на пензенской помѣщицѣ княжнѣ Долгоруковой, извѣстной своимъ колоссальнымъ богатствомъ. Москва ожидала съ прїѣздомъ ихъ большого оживленія. Сначала прїѣхалъ князь Владиміръ Андреевичъ одинъ. Супруга его дѣйствительно была иностранкой. Князь былъ знакомъ Москвѣ, бывая часто на празднествахъ и вечерахъ сестры своей Княгини Львовоѣ, которая веселила Москву, имѣя пять или шесть дочерей на возрастъ невѣстъ. Къ зимнему сезону прїѣхала и Княгиня въ Москву. Домъ княгини была поставленъ на строгую этикетную ногу; къ обѣду мужчины являлись въ полномъ парадѣ, даже Князь супругъ не смѣлъ являться къ столу безъ эполетъ. Но не долго пробыла Княгиня въ Москвѣ, она скончалась иностранкой. Но послѣ нея хозяйки у Князя жилались ежедневно. Въ ту же зиму были танцевальныя вечера у Хлюстинныхъ, домъ которыхъ стоялъ на Малой Дмитровѣ, послѣднѣмъ ряду переходовъ, отъ одного выдѣла къ другому къ Мейну, Спиридоновой, принадлежитъ теперь Маріи Владиміровнѣ Катковой.

Изъ баловъ стараго времени остался въ памяти два бала Николая Павловича Шипова. Когда онъ покончилъ съ откупными дѣлами, то, купивъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Дмитріемъ Павловичемъ Баташевскіе заводы, въ Темниковскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ купилъ

Московскій Комендантъ Генералъ лейтенантъ
Петръ Петровичъ Корниловъ.
съ современной гравюры.

на Лубянкѣ домъ графини Орловой-Денисовой; отдѣлать домъ заново онъ далъ два бала, на первомъ чтобы показывать роскошную отдѣлку жилыхъ комнатъ во время котильона, дѣлали променады танцующихъ по всѣмъ комнатамъ и коридорамъ. Хороша была гостинная съ фарфоровой саксонской мебелью.

Вскорѣ дочь его вышла замужъ за Б. С. Шереметева и танцевальныя празднества прекратились.

Г Л А В А XIX. 1868 г.

Рожденіе первенца у Наслѣдника.—Увольненіе Баранова съ поста Виленскаго Генерала-Губернатора и замѣна его Потаповымъ.—Прѣздъ Царской семьи по дорогѣ въ Крымъ.—Жизнь въ Ильинскомъ.—Алаверъ.—В. А. Шереметевъ.—Баронъ Бюллеръ.—Ф. Ф. Треповъ.—Спекуляція опиумомъ.—Тверской бульваръ.—Кн. П. И. Трубецкой.—Командантъ Фридрихсъ.

Императорская семья пробывъ въ Москвѣ, а главное въ селѣ Ильинскомъ съ 11 по 25 іюня, затѣмъ выѣхала въ Крымъ.

6-го мая у Наслѣдника Цесаревича родился первый сынъ нареченный Николаемъ. По поводу рожденія первенца, въ Москвѣ были устроены различныя празднества. Прибывшему съ извѣщеніемъ Генералъ-Адъютанту поднесенъ былъ, по старинному обычаю драгоцѣнный кубокъ. Въ день крещенія Великаго Князя, Высочайшимъ Манифестомъ было облегчено положеніе ссыльныхъ по политическимъ преступленіямъ.

Увольненіе графа Баранова съ поста Виленскаго генералъ-губернатора и замѣна его генераломъ Потаповымъ не нравилась Московской партіи. Всѣ знали Потапова, бывшаго одно время Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, какъ противника Муравьевской политики, и потому ожидали увольненія многихъ лицъ, посланныхъ авангардомъ въ Вильну изъ Москвы. Ожиданія исполнилось, всё что насаждать русскаго въ сѣверо-западномъ краѣ Муравьевъ—безжалостно вырывалось Потаповымъ.

Въ концѣ зимы 1867 года познакомился я черезъ Валеріана Александровича Воейкова съ надворнымъ совѣтникомъ Алаевымъ, который купилъ у него домъ въ Денежномъ переулкѣ на Пречистенкѣ. Домъ этотъ былъ заложенъ у меня по частной закладной, съ переходомъ къ Алаеву, часть долга переходила на покупателя Алаева. Другая часть долга оставалась на домѣ, а третью часть Воейковъ просилъ меня переписать на вексель, что я и исполнилъ. Денегъ этихъ съ Воейкова я въ послѣдствіи не получилъ, если не считать, что выслано мнѣ было изъ Сибирскаго Губернскаго Правленія 182 р. взамѣнъ 12 тыс. По поводу этихъ денегъ пришлось мнѣ обратиться къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Федору Федоровичу Трепову, считавшемуся всесильнымъ лицомъ и убѣдиться въ безпомощности его пресловутой власти.

Воейковъ, купивъ имѣніе знаменитаго Луки Ивановича Похвиснева и проигравъ довольно крупный кушъ въ карты, запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Въ послѣдствіи уѣхалъ въ Петербургъ и поселился у, адъютанта генерала Мезенцева, Мясникова, который жилъ на Надеждинскомъ въ собственномъ домѣ. Переписка и переговоры съ Воейковымъ не подвигали дѣла, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Воейковъ многократно обѣщалъ уплатить долгъ, но слова своего не сдержалъ, такъ что я долженъ былъ протестовать векселя. Мнѣ отвѣтили, что Воейкова, по свѣдѣніямъ полиціи на жительство въ Петербургъ нѣтъ. Я долженъ былъ ѣхать къ мѣстному участковому приставу съ заявленіемъ, что Воейковъ проживаетъ въ домѣ Мясникова, въ квартирѣ домовладѣльца, гдѣ я вижу его каждый день и потому повѣстка должна быть ему доставлена, но толку не добился.

Черезъ моихъ знакомыхъ добился я письма къ Трепову, который, принявъ меня и выслушавъ мое объясненіе, тотчасъ приказать начальнику сыскаго отдѣленія заняться этимъ дѣломъ. Мнѣ дали агента, которому я указалъ Воейкова, когда онъ выйдетъ изъ дома. На другой день, вслѣдствіе доведенія полиціи Ф. Ф. Треповъ пригласилъ къ себѣ Мясникова, который сознавшись, что Воейковъ

проживалъ у него, дагь честное слово, что наканунѣ вечеромъ Воейковъ выѣхалъ изъ Москву, что Федоръ Федоровичъ и объявилъ мнѣ лично на слѣдующій день. Я поѣхалъ въ Москву, гдѣ узналъ, — дѣйствительно, Воейковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Москву, но въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ, гдѣ и поселился опять у Мясникова. Такъ я и не добился ничего и потерялъ мои 12 тысячъ.

Алаевъ заложилъ сой домъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ и вернулъ мнѣ мой капиталъ. Во время расчета онъ разсказалъ мнѣ, что занимается оптовой торговлей спирта и что въ его компаніи принимаетъ участіе Василій Алексѣевичъ Шереметевъ и баронъ Бюллеръ, предложилъ и мнѣ вступить въ ихъ компанію. По уничтоженіи откуповъ, это была какая-то модная страсть къ подобнымъ спекуляціямъ. Всѣ бросились на открытіе складовъ, думая обогатиться, какъ прежніе откупщики, но многіе сильно разочаровались, потерявъ въ незнакомомъ имъ дѣлѣ все свое состояніе. Предложеніе показалось мнѣ заманчивымъ и я рѣшился попытать счастья. Сначала я далъ ему 25 тысячъ, но потомъ, увлекшись барышами, увеличилъ вкладъ мой въ дѣло больше 120 тысячъ. Первый годъ дѣла шли отлично. Компаніонъ нашъ, выдалъ намъ больше 20%. На второй годъ дѣла стали запутываться, мы не могли добиться вѣрныхъ отчетовъ и надумали прекратить дѣло.

Жили мы въ 1868 году на Малой Дмитровѣ въ домѣ Ломоносова, и по совѣту доктора Николаева женѣ предписано было ежедневно дѣлать прогулки. Ближайшій бульваръ отъ насъ былъ Тверской, не демократизованный до степени настоящаго времени, мы ежедневно гуляя дѣлали нѣсколько концовъ бульвара. Ежедневными посѣтителями бульвара были двѣ типичныя личности: князь Петръ Ивановичъ Трубецкой и московскій Комендантъ Фридериксъ.

Князь П. И. Трубецкой, только что произведенный изъ заслуженныхъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, прослужа всю жизнь хотя въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но нося военный мундиръ, сохранилъ въ себѣ военную складку, не расставаясь даже съ нѣкоторыми

9*

частями военного костюма, напимѣръ, съ чернымъ шелковымъ галстукомъ, намотаннымъ на волосяную ленту, что въ то время употребляли военные, поражалъ гуляющихъ своей оригинальностью. Князь рѣдко съ кѣмъ кланялся, и разговаривалъ еще меньше; вообще выраженіе его лица и манеръ было похоже на человека только кѣмъ-то или чѣмъ-то возбудившаго его презрительное отношеніе. Походка его была медленна, онъ верѣдко присаживался отдыхать на скамейкѣ и въ то время бесѣдовалъ съ лицами ему хорошо знакомыми, другимъ же отдавалъ поклонъ по военному, прикладывая руку къ шлѣпѣ. Комендантъ Фридериксъ слѣдовалъ всегда съ авангардомъ. Ему предшествовала маленькая собачка, хорошо изучившая дорогу, по которой гулялъ комендантъ. Фридериксъ проходилъ только разъ по бульвару, слѣдуя по заранѣе намѣченному плану прогулки. Онъ останавливался со всѣми знакомыми, выслушивалъ и рассказывалъ городскія новости и каждому проповѣдывалъ про умъ своей собачки, которая безъ указанія знала маршрутъ прогулки. Его сухая, длинная фигура была пѣвѣстна всей Москвѣ. Въ сущности это былъ добрый и снисходительный генералъ.

ГЛАВА XX.

1869 г.—Открытіе Коммерческаго Суднаго Банка.—Малая Баржа.

Чтобы удержать вкладчиковъ своихъ предпріятій и тѣмъ сохранить свой кредитъ, Азаевъ придумалъ новый выходъ. Онъ составилъ проектъ акціонернаго Банка и пригласилъ учредителями всѣхъ своихъ компаніоновъ. Проектъ былъ представленъ въ Министерство Финансовъ и послѣ разныхъ перемѣнъ былъ утвержденъ подъ именемъ Коммерческаго Суднаго Банка. Министерство утвердило его съ тѣмъ, чтобы къ участию въ немъ были приглашены Московскіе комерсанты. Въ общемъ составилось больше 20 учредителей. Половина акцій была оставлена учредите-

ими за собою, а на другую половину была объявлена публичная подписка, покрывшая въ нѣсколькodesятковъ разъ предложенное количество. Преобладающее число голосовъ было у Московскихъ биржевыхъ дѣателей. Учредитель Алаевъ не былъ избранъ въ число директоровъ. Во главѣ Банка поставили Д. Д. Шумахера, а помощникомъ ему Прейса, Полянского и Мавлера Миллюти. Банкъ помѣстился на Никольской въ домъ Бостанджогло. Банкъ просуществовалъ недолго. Прентъ, по неспособности заниматься заграничнымъ отдѣленіемъ, былъ уволенъ. На его мѣсто выписали изъ Варшавы разорившагося банкира, жида Ландау, который сговорившись съ извѣстнымъ жидомъ Струсбергомъ, обокрали банкъ на семь милліоновъ, и тѣмъ произвели знаменитый крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Съ паденіемъ Банка на его ликвидаціи я потерялъ тридцать пять тысячъ, что сдѣлало первую брешь въ моемъ капиталѣ. Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ былъ разгаръ биржевой игры на Петербургской и Московской Биржахъ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, кромѣ официальной Биржи, на Ильинкѣ въ 4 часа, образовалась еще, такъ называемая, Малая Биржа въ 12 часовъ утра.

Малая Биржа собиралась въ домъ Хлудова, въ ресторанѣ при гостиницѣ Дюссо. Сначала всѣ застрякали въ гостиной, а послѣ завтрака, всѣ чинно усаживались за установленными покоемъ столами. Напротивъ средины, на особомъ возвышеніи, былъ поставленъ столъ, за которымъ усаживался президентъ собранія Петръ Гавриловичъ Волковъ. Бумаги, по составленному впередъ списку, продавались съ аукціона и по окончаніи сдѣлки тотчасъ же записывались собственноручно Волковымъ въ книгу. Количество листовъ было минимумъ 25 штукъ. Случалось, что какая-нибудь бумага въ теченіе 15 минутъ подымалась или опускалась въ своей стоимости на 20 и болѣе процентовъ. Особенно играли на акціи Московско-Рязанской желѣзной дороги. Это была любимая бумага всѣхъ игроковъ Биржи.

Одно время акціи шли быстро въ гору и поднимались до 325 рублей. На Фоминной недѣль метръ дѣтель одного

высокопоставленного лица, явился продавцомъ 12 тысячъ штукъ и тѣмъ уронилъ акціи почти на 40 рублей. Многие спекулянты не приняли купленные ими акціи, хотя были за это исключены изъ членовъ малой биржи, но остальнымъ членамъ было отъ этого не легче. Я знаю лично лицъ изъ общества, потерявшихъ по 40 и болѣе тысячъ. Особенно потеряли Рихтеръ и Мусянъ-Пушквинъ. Я самъ потерялъ на этой недѣлѣ крупную сумму, потому что маклеръ Музянъ не принялъ отъ меня купленныхъ имъ акцій Московско-Рязанской желѣзной дороги и я долженъ былъ заплатить довольно крупную сумму разницы. Если бы не было разныхъ подпольныхъ синдикатовъ, то конечно, это была бы самая правильная оцѣнка бумагъ, но наши жидовско-армянскія конторы и маклера употребляютъ разные неблагоприятные фортели для поднятія курса нужной имъ въ сбыту бумаги, а также, стараются уронить ту, которую имъ надо купить. Всѣ эти кунштюки дошли до начальства, — маленькая биржа была закрыта. На большой биржѣ было не лучше; притомъ тамъ всѣ эти подвохи совершали на ухо, но зато не всякій рисковалъ появляться на это торжище и потому у многихъ деньги оставались въ карманѣ.

ГЛАВА XXI.

1870 г. Домъ Алаева. — Покупка дома Лопухина. — Полученіе мною званія камеръ-юнкера. — Поѣздка въ Петербургъ. — Франко-Германская война. — Избраніе новаго городского Головы кн. Черкаскаго и его неумѣстное письмо.

Въ 1870 году жили мы на Пречистенкѣ, въ Мансуровскомъ пер., въ домѣ Алаева. Квартира была большая, съ великолѣпной залой и многими парадными комнатами. Кромѣ 12 большихъ комнатъ бельэтажа и антресолей для людскихъ слугъ, былъ еще мезонинъ въ 4 комнаты, совершенно намъ не нужный, въ которомъ мы помѣстили двоюроднаго брата моей жены. Жили мы въ этой квартирѣ второй годъ. Въ концѣ второй зимы на масляницѣ малень-

кая дочь моя Нина поѣхала кататься съ своей гувернанткой французской, а вернувшись съ гулянью, ночью захворала. Черезъ сутки у нея оказалась сильнѣйшая скарлатина. Несколько дней была она между жизнью и смертью. Можно вообразить себѣ, что испытали мы съ женой во время болѣзни единственной нашей дочери. Конечно, кромѣ постоянного нашего врача, профессора дѣтскихъ болѣзней Николаева, у насъ перебивали всѣ знаменитости дѣтскихъ болѣзней того времени и, благодаря Бога, болѣзнь миновала благополучно.

На противоположной сторонѣ улицы занимаемаго нами дома видѣлся садъ съ оранжереями и другими барскими затѣями, а далѣе, вдоль улицы, домъ съ разными хозяйственными постройками. Проходя мимо воротъ дома, увидѣлъ я записку о продажѣ дома. Не имѣя никакого желанія купить домъ, зашелъ справиться о цѣнѣ. Встрѣтилъ меня управляющій домою полякъ Климашевскій и разсуждалъ въ похвалахъ мѣстности дома. Послѣ моего визита Климашевскій зачастилъ ко мнѣ съ предложеніемъ купить домъ. Сначала я отказывался, но такъ какъ цѣна постоянно понижалась и съ 50 тысячъ дошла до 41.500 рублей, то я рѣшился его купить. Притомъ Климашевскій выторговалъ себѣ за комиссію 300 рублей. И далъ задатокъ 6 тысячъ, такъ какъ на домъ былъ долгъ кредитнаго общества въ размѣръ 27 тысячъ. Когда купчая была написана у Нотаріуса представлена въ окружный судъ на утвержденіе къ старшему нотаріусу, то оказалось, что на немъ было столько запрещеній и недонмокъ, что не только что не хватило на покрытія ихъ оставшихся у меня 8 тысячъ,—но слѣдовало еще доплатить около десяти тысячъ. Домъ принадлежалъ Адріану Федоровичу Лопухину. Для совершенія купчей, я долженъ былъ купить у него мебель, бронзу и картины, а то мои задаточныя шесть тысячъ пропадали. Но тутъ Климашевскій обманулъ и меня, и Лопухина. Судьба наказала его впоследствии, какъ я слышалъ за двойной обманъ. Онъ попался въ какомъ-то неблаговидномъ поступкѣ и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Домъ этотъ я перебралъ заново и сдѣлалъ значительныя прист-

ройки, а впоследствии по Еропкинскому переулку, выстроилъ большой трехэтажный домъ на мѣстѣ сада и оранжерей. Домъ былъ купленъ на имя моей жены и впоследствии проданъ Василию Ивановичу Кокореву.

Въ первыхъ числахъ ноября 1870 года поѣхалъ я въ Петербургъ, желая имѣть счастье представиться Государю Императору Александру II и благодарить его за назначеніе меня камеръ-юнкеромъ двора Его Императорскаго Величества. Назначенъ я былъ въ это званіе Высочайшимъ приказомъ отъ 30 августа 1870 года въслѣдствіе представленія Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я явился къ графу Александру Владиміровичу Адлербергу и оберъ-гофмаршалу графу Шувалову. 12 ноября я получилъ повѣстку отъ гофмаршалской канцеляріи, что Государю Императору угодно принять меня 14 ноября въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ Государь со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ проводилъ осень. Рано утромъ 14 ноября я отправился на дебаркадеръ Царскосельской желѣзной дороги, гдѣ засталъ приготовленный для всѣхъ назначенныхъ въ этотъ день представляться вагонъ 1-го класса. По прибытіи въ Царское Село на дебаркадеръ встрѣтили насъ придворные лакеи, у которыхъ были карточки лишь къ которымъ они были назначены. Мнѣ достался экипажъ вмѣстѣ съ моимъ старымъ знакомымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Урусовымъ, который представлялся Государю по поводу пріѣзда своего изъ Бельгіи, гдѣ онъ состоялъ при тамошней миссіи.

По пріѣздѣ въ Царскосельскій дворецъ насъ помѣстили въ отдѣленіи дворца для пріѣзжающихъ и тотчасъ же предложили завтракъ съ такимъ количествомъ вина, что выпить бы ихъ не могъ и богатырь. Конечно, все это оставалось въ пользу прислуживающей прислуги. Въ 12 часовъ насъ пригласили къ обѣднѣ въ дворцовую церковь. Въ церкви крохъ лицъ, которымъ назначено было представляться, были свитскіе дамы и мужчины. Императорская фамилія стояла на хорахъ и ихъ не было видно молящихся въ церкви. По окончаніи богослуженія насъ всѣхъ повели черезъ зер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ отъ
инфантеріи Офросимовъ.
Съ гравюры изъ собранія Ровинскаго.

кальный залъ въ пріемную и разставили въ одну шеренгу по списку, бывшему у гр. Шувалова. Государь спросилъ у меня о Севастопольской кампаніи, увидать у меня на груди Севастопольскую медаль. Государь обходилъ всѣхъ съ праваго фланга и передъ каждымъ графъ Шуваковъ читалъ по запискѣ фамилію и обстоятельство, по которому представлялся. Въ числѣ лицъ свиты Государя находился Царскосельскій комендантъ дворца Григорій Федоровичъ Гогель, мой бывшій начальникъ по воспитанію моему въ корпусѣ путей сообщенія. Генераль-адъютантъ Гогель не видѣлъ меня съ 1851 года, т. е. 19 лѣтъ. И обратилъ вниманіе, на то что опъ, разговаривая съ генераль-адъютантомъ Казнаковымъ, что-то говорилъ ему, показывая глазами по направленію того мѣста, гдѣ я находился. Я узналъ его тотчасъ и по окончаніи обхода Государя, когда Государь изъ пріемной комнаты, удаллся въ собственные покои и всѣ сошли со своихъ мѣстъ, я подошелъ къ Григорію Федоровичу и сказалъ ему: «Позвольте, ваше превосходительство, напомнить вамъ о бывшемъ вашемъ воспитанникѣ института, Никпфоровѣ». Гогель тотчасъ, пожавъ мнѣ руку, обратился къ Казнакову съ восклицаніемъ «Я говорилъ вамъ, что узналъ его, несмотря на 20-ти лѣтній промежутокъ времени, моя память мнѣ не измѣняетъ». Просилъ меня, по выходѣ изъ дворца, пріѣхать къ нему поговорить о старомъ во время завтрака.

Григорій Федоровичъ потому помнилъ меня, что я находился, въ числѣ нѣсколькихъ кадетъ, выбранныхъ для подхода, во время развода на вѣсти къ Государю Императору Николаю I. Кадетъ этихъ обучали фронту отдѣльно и Гогель часто присутствовалъ на урокахъ.

Прямо изъ дворца всѣ лица, бывшіе на представленіи поѣхали въ малый Охотничій дворецъ, гдѣ жилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія Цесаревны Маріи Феодоровны. Пріема не было и всѣ только расписывались въ книгѣ.

Изъ дворца Цесаревича я поѣхалъ въ придворной каретѣ къ Григорію Федоровичу Гогелю, гдѣ нашелъ генерала Казнакова и другихъ лицъ. Воспоминанія прошедшаго

времени лились съ той и другой стороны и мы оба помо-
лодѣли на 20 лѣтъ.

Въ 4 часа я былъ уже въ Петербургѣ.

Во время Франко-Германской войны Государь прѣзжалъ въ Москву на 5 дней въ августѣ съ 21 по 26-е. Во время объѣзда въ Кремлевскомъ дворцѣ была получена телеграмма о разгромѣ французской арміи. 19-го октября, послѣ разгрома французской арміи и плѣненія Наполеона III подъ Седаномъ, министръ иностранныхъ дѣлъ циркулярно объявилъ державамъ, что послѣ распаденія Имперіи Бонапартовъ, Россія не считаетъ для себя обязательнымъ исполнять пунктъ Парижскаго трактата 1856 г. объ ограниченіи державныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ. Циркуляръ Государственнаго канцлера произвелъ взрывъ восторга въ Московскомъ обществѣ. Всѣ были рады, что кошмаръ, тяготѣвшій надъ Россіей, гдѣ постороннія державы запрещали ей распорядиться въ принадлежащихъ ей водахъ, наконецъ разсѣянъ однимъ почеркомъ пера. Я помню, что въ чернокнижной Англійскаго клуба, тогда ораторы громили Европу и выражали буйный восторгъ отъ дѣйствій Императора Александра II и его министра князя Горчакова. Такъ ликовала Москва.

Также произвелъ много пересудовъ Высочайше учрежденный 2 ноября 1870 года докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности на всѣ сословія государства.

Въ Москвѣ былъ выбранъ городскимъ головой Князь В. А. Черкасскій; крупный дѣятель во время крестьянской реформы, а также временный министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго послѣ его мятежа. Исполненіе реформъ, предвѣщенныхъ въ Польскихъ губерніяхъ были исполнены княземъ весьма удачно. Особенно быстро, точно и безшумно было выполнено имъ закрытіе липныхъ католическихъ монастырей. Князь В. А. Черкасскій обладалъ чрезвычайнымъ самолюбіемъ.

Результатомъ самолюбія князя было всеподданнѣйшее письмо Московской городской думы, въ которомъ кромѣ

сочувствія дѣятельности Государя было высказано и указаніе къ преобразовательной дѣятельности Государя.

Письмо было написано въ такихъ выраженіяхъ, что Министръ Внутреннихъ дѣлъ возвратилъ думское письмо Московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить письмо Государю. Министръ Императорскаго двора въ отношеніи своемъ къ президенту Московской придворной конторы отозвался о письмѣ какъ составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ». Такъ отличилась Московская городская дума и ея самонадѣянный диктаторъ

ГЛАВА XXII.

1871 г. Двухсотлѣтняя выставка въ Александровскомъ саду новый перестройки въ Александро-Маріинскомъ училищѣ.

Начало зимы было неблагопріятно здоровью моей жены. Всю зиму мы возились съ докторами, и весной жена должна была ѣхать по предписанію врачей пить бумысь въ Самарскихъ степяхъ, я же остался въ Москвѣ, занятый новыми постройками въ Александро-Маріинскомъ училищѣ, гдѣ для увеличенія классовъ предположено было выстроить два коридора и замѣнить деревяшныя лѣстницы каменными. Все это было исполнено, хотя на постройку совѣтъ дамскаго попечительства не далъ ни гроша.

Въ началѣ іюня Государь пріѣхалъ на три дня въ Москву, желая присутствовать на выставкѣ, устроенной въ Александровскомъ саду, близъ Кремлевской стѣны, по случаю празднованія двухсотлѣтняго рожденія Императора Петра I.

Выставка была устроена преимущественно на частныя средства. Количество, но не качество концессионныхъ предпріятій было въ зенитѣ своего могущества. Нѣсколько личностей обогатились на концессіяхъ и, какъ новые меценаты, желали показать свое покровительство нарождавшемуся русскому искусству. Выставка была задумана въ

широкомъ масштабѣ, а главное съ огромными обѣщаніями въ будущемъ. Устроители выставки испросили уступки у правительства для будущихъ научныхъ цѣлей, помѣщеніе Александровскаго сада. Правительство согласилось отдать Кремлевскій садъ въ пользованіе обществу. Садъ огородили заборомъ, много насажденій деревьевъ уничтожили, но ничего не сдѣлавъ; спустя двадцать лѣтъ, пернули садъ дворцовому вѣдохству въ разрушенномъ видѣ, такъ что дворцовому управленію пришлось на свой счетъ исправлять чужіе грѣхи. Бульваръ вдоль рѣки Москвы, уничтоженный для возведенія различныхъ выставочныхъ построекъ такъ и остался до настоящаго времени въ печальномъ видѣ полуразрушеніи.

У городской думы общество выпросило Лубянскую площадь для постройки музея прикладныхъ знаній и различныхъ къ нему филиальныхъ учрежденій. Музей былъ выстроенъ съ помощью залога въ банкъ, но затѣмъ, часть земли, долго пустовавшая, сдана была въ аренду, а вторая половина пустуетъ до настоящаго времени. Однимъ словомъ, повторилась исторія спички, обѣщавшей зажечь море и звавшей всѣхъ на великолѣпную уху. Въ настоящемъ году пустующее мѣсто сдано въ аренду предпринимателю подъ постройку новаго отдѣла дома.

ГЛАВА XXIII.

1872 г.—Болѣзнь жены.—Поездка въ деревню лѣтомъ и осенью за границу.—Возвращеніе въ Москву и постройка дома по Еропкинскому переулку въ 1873 году.

Въ мартѣ 1872 года, здоровье жены моей, никогда не отличавшееся особенно хорошимъ состояніемъ, сильно пошатнулось. Лѣчившій ее бывшій профессоръ Московскаго Университета Николай Петровичъ Николаевъ, не могъ возстановить ее ослабѣвшихъ силъ, а ежедневная перемѣна лѣкарствъ только ухудшала ее положеніе. Я рѣшительно терялъ голову. Лѣтомъ мы поѣхали въ деревню, гдѣ здоровье ее немного поправилось, но съ возвращеніемъ въ городъ, слабость увеличилась вновь. Мы рѣшились ѣхать въ Вѣну, совѣтоваться съ профессоромъ Вахбергеромъ, который лѣчилъ ее во время пребыванія нашего въ Берц-

бургъ, гдѣ онъ прежде читалъ лекціи. Въ концѣ сентября тронулись мы въ путь. Съ нами поѣхала двоюродная сестра моя Надя Никифорова. Путь отъ Москвы до Варшавы былъ скученъ и однообразенъ. Первая остановка была въ Варшавѣ. Мы остановились въ Европейской гостинницѣ около Саксонскаго сада. Въ Варшавѣ мы пробыли всего одинъ сутки, чтобы дать женѣ отдохнуть отъ утомительной и скучной дороги, а на другой день, отправились далѣе въ Вѣну. Въ Вѣнѣ на вопросъ мой у словака-швейцара, говорившаго по русски, гдѣ можно узнать адресъ доктора Бамбергера, я получилъ отвѣтъ, что такая Вѣнская знаменитность известна всему городу. Утрожъ слѣдующаго дня я нанялъ карету и велѣлъ везти себя къ нему. Въ передней была масса ожидавшаго его пріема народа, и мнѣ пришлось бы ожидать свиданья съ нимъ нѣскольکو часовъ. Я послалъ ему карточку, написавъ на ней, что я здоровъ и желаю видѣть его на нѣсколько минутъ, чтобы узнать у него, когда онъ можетъ пріѣхать къ намъ въ гостиницу, видѣть мою жену. Бамбергеръ тотчасъ же принялъ меня внѣ очереди и оказалъ большую радость встрѣтить стараго знакомаго и общался по старому пріѣхать вечеромъ пить чай и вспомнить наше прежнее житіе въ Вюрцбургѣ. Результатомъ вечерняго пребыванія была посылка намъ въ Ментонъ на всю зиму. На слѣдующее утро мы тронулись черезъ Земмерингъ въ Венецію. Ничего не видѣлъ я восхитительнѣе этого пути. Въ Вѣнѣ была хотя теплая, но сырая погода, когда мы поднялись на Земмерингъ, то нашли лежащій на поляхъ и горахъ снѣгъ, и нѣсколько градусовъ морозу. Спустившись черезъ Триестъ въ Венецію, мы нашли жаркое лѣто, такъ что катались въ гондолахъ безъ верхняго платья. Изъ Венеціи мы поѣхали черезъ Миланъ во Флоренцію, гдѣ прожили нѣсколько дней и направились далѣе въ Геную. Послѣ остановки на нѣсколько дней въ Генуѣ и осмотра ея галлерей и садовъ, мы поѣхали прямо въ Ментонъ.

Тутъ нашли мы полную лѣтнюю погоду. Поселились мы на бульварѣ въ отдѣльномъ флигелѣ и сначала намъ было очень удобно, но когда въ декабрѣ начались бури на Сре-

диземномъ морѣ, то волны часто хлестали черезъ весь бульваръ и брызги ихъ попадали намъ въ окна, такъ что у насъ заведася въ комнатахъ сырость, мы должны были оставить наше помѣщеніе и переселились въ Hôtel de France, который стоялъ наполоудорѣ. Такъ прожили мы до половины января, дѣлая безпрестанныя экскурсіи какъ въ горы, подымаясь на олахъ, такъ и по берегу моря въ Монте-Карло, Ваптинилью, Бордигеру и далѣе. Въ Ментонѣ была масса чахоточныхъ больныхъ, что сильно отражалось на первомъ нездоровьѣ моей жены. Часто человѣкъ, гулявшій съ нами на бульварѣ вчера, не существовалъ на слѣдующее утро. Докторъ, пользовавшій мою жену, посоветовалъ намъ перебраться въ Ниццу, гдѣ больные терялись изъ массъ здоровыхъ и убывъ человѣчества не такъ была замѣтна. И просить товарища моего графа Владимира Моркова найти намъ квартиру, которая вскорѣ была найдена и мы въ концѣ января переселились въ Ниццу. Тамъ нашли мы массу знакомыхъ и большія приготовленія къ предстоящему карнавалу. Весна прошла благополучно и тотчасъ послѣ праздника Пасхи мы отправлялись въ Парижъ совѣтоваться съ тамошними знаменитостями.

Первый нашъ визитъ къ знаменитости былъ неудаченъ. мы попали на шарлатана, который передать тѣченіе жены моей какому-то своему ассистенту. тѣчившему вдыханіемъ смолистыхъ газовъ, отъ которыхъ больной стало хуже.

По совѣту моихъ знакомыхъ мы обратились къ Профессору Академіи Жако, который осматривъ больную, приказалъ ей тотчасъ же покинуть Парижъ и ѣхать въ Швейцарію, въ Монтрѣ, пить молоко. Вотъ мы снова въ вагонѣ. Горный воздухъ и молоко поправили ее. Въ началѣ мая я долженъ былъ ѣхать въ Россію, мой отпускъ окончился, а жена немного спустя поѣхала въ Эмсъ—пить воды.

Въ іюль возвращалась изъ заграницы жена моя по окончаніи курса водъ въ Эмсѣ. что, повидямому принесло ей большую пользу.

При Пречистевскомъ домѣ жены былъ обширный садъ съ оранжереями, который мы рѣшили уничтожить и выстроить на занимаемомъ имъ мѣстѣ трехъэтажный домъ.

Составленіе плановъ городскимъ архитекторомъ Барнъевымъ задержало начало постройки, но все таки въ октябрѣ домъ былъ вчернѣ сложенъ, и выходилъ своимъ фасадомъ на Еропкинскій переулокъ.

Начало зимы было благопріятно здоровью жены, такъ что она могла выѣзжать на вечера и въ театръ, и даже у насъ былъ дѣтскій вечеръ для моей малютки-дочери. Послѣ Рождества болѣзнь ея приняла дурное теченіе, такъ что вторую половину зимы мы провели въ грустномъ настроеніи. Сознавъ конспіуумовъ съ московскими знаменитостями не принесъ ей никакой пользы. По обыкновенію знаменитости пѣли различныя оперы. Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

ГЛАВА XXIV.

1873 г. Пріѣздъ Персидскаго Шаха.—Учрежденіе Московскаго Земельнаго банка.—Поездка въ Петербургъ.—Коммисіонный Банкъ.

Въ маѣ я вернулся въ Москву, гдѣ тотчасъ, по прибытіи отправился на Никольскую, свѣрить мои заграничныя счета съ Коммерческимъ ссуднымъ банкомъ, по тратамъ и переводамъ, полученнымъ мною за границей. Никольскую я нашелъ запруженною народомъ. Вся мостовая была болѣе, чѣмъ на вершокъ усыпана пескомъ. Съ большимъ трудомъ я могъ протискаться въ подъѣздъ коммерческаго ссуднаго банка, гдѣ я узналъ причину скопленія народа. Съ минуты на минуту ожидали проѣзда Персидскаго Шаха, прибываго въ первый разъ въ Россію и Москву. Изъ оконъ банка я отлично видѣлъ торжественный проѣздъ Шаха по Никольской. Предшествуемый и конвоируемый огромной свитой, Шахъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ à la Daumont въ золотомъ мундирѣ, осыпанномъ алмазами и драгоценными камнями. Свита его также блестяла золотомъ. Шахъ помѣстился въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ; въ парадныхъ гостиницахъ бель-этажа дворца. Шахъ привезъ съ собою трехъ женъ, которыя помѣстились съ нимъ. Рассказывали много анекдотовъ про жизнь его свиты и безо-

рядках дѣлаемыхъ ими въ комнатахъ. Такъ свнухъ одинъ убилъ ламповщика, пришедшаго зажигать лампы на женской половинѣ. Сдѣшнѣе и даже трапезованіе ими на коврахъ пола, гдѣ, благодаря ихъ нечистоплотности, по отъѣздѣ Шаха должны были хвнять ковры. Вообще неудобство совместнаго путешествія Шаха съ его женскою половиною, было столь ярко, что вскорѣ женскій персональ былъ отправленъ на жительство въ Петровскій дворецъ, а потомъ возвращенъ обратно въ Персію. Шаха убѣдили, что по Европѣ весьма возможно путешествовать безъ особаго женскаго баласта. Для Шаха устраивались разныя празднества. Былъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, смотръ пожарной команды и другія развлечения.

У Шаха была многочисленная свита, всегда одѣтая въ золотые мундпры. Многихъ занимало одно должностное лицо. Когда Шахъ сморкался или утиралъ лицо или руки, то назадъ платка въ карманѣ класть, а постѣ операніи свертывать его въ комокъ, бросалъ назадъ черезъ голову. Обязанность этого чиновника была поймать платокъ на воздухъ и не дать ему упасть на полъ, что онъ и исполнялъ весьма ловко. Когда Шахъ прѣвѣжалъ на слѣдующій разъ, то должность эта и обычно были уничижены.

Еще зимой прошедшаго года я получилъ предложеніе отъ полковника генеральнаго штаба Кисловскаго участвовать въ составленіи Устава Московскаго Земельнаго Банка.

Настъ учредителей было пять: Кисловскій, Ковоплинъ, Иппифоровъ, представитель конторы Волкова, старшій братъ ихъ Петръ Гавриловичъ и банкиръ Марецкій. За основаніе Устава мы взяли уставъ Харьковскаго Поземельнаго Банка, уже дѣйствовавшаго и, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, представили министру финансовъ Рейтерну. Марецкій и Волковъ гарантировали намъ, что первые два выпуска облигацій они берутся помѣстить у себя въ конторахъ. Половину акцій учредители брали себѣ, а другая половина была предназначена по подпискѣ для публики.

Я и Кисловскій отправились уполномоченными въ Петер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъ-
ютантъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.
Съ фотографіи.

Московскій Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъ-
ютантъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.
Съ фотографіи.

бургъ. Принявъ насъ въ министерствѣ Павелъ Ивановичъ Шамшинъ очень любезно и общалъ полное содѣйствіе нашему проекту. Проектъ былъ отпечатанъ, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ экономіи. Министерство обнадѣжило насъ въ полномъ успѣхѣ и отпустило въ Москву. Прошло довольно долгое время, а объ утвержденіи нашего проекта ничего не слышно. Наконецъ изъ Петербурга пришло извѣстіе, что въ министерствѣ полученъ другой проектъ, тоже Московскихъ капиталистовъ и помещиковъ, во главѣ съ княземъ Черкасскимъ и известнымъ желѣзнодорожникомъ Лазаремъ Соломоновичемъ Поляковымъ. Проектъ былъ точная копія съ нашего проекта. Проектъ былъ напечатанъ также въ министерствѣ и пущенъ въ ходъ, а нашъ задержанъ въ канцеляріи. Волковъ и Марецкій получили приглашеніе вступить съ ними въ товарищество съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ нашего прежде заявленнаго проекта. Съ этимъ извѣстіемъ пріѣхалъ къ намъ полковникъ Кисловскій, говоря, что Волковъ колеблется и что совѣтуетъ намъ бросить дѣло и не бороться съ такими силами, какъ князь Черкасскій и желѣзнодорожникъ Поляковъ.

Подобные поступки меня возмутили. Я окончательно отказался слушать совѣтовъ Волкова и началъ дѣйствовать самостоятельно, единолично. Во первыхъ, вмѣсто Волкова, въ случаѣ его отказа, я сговорился въ Петербургской конторѣ Лампе, который обязался вступить къ намъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Волковъ, въ случаѣ его отказа. Затѣмъ, на другой же день я поѣхалъ въ Петербургъ и черезъ хорошаго знакомаго моего товарища Государственного секретаря Рамбелинскаго, довелъ до свѣдѣнія Чевкина, что кромѣ представленнаго въ Государственный совѣтъ проекта князя Владиміра Черкасскаго и Полякова, въ министерствѣ есть другой проектъ, представленный ранѣе нами. Результатъ моего сообщенія былъ тотъ, что черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Петра Гавриловича Волкова, въ которомъ онъ просилъ меня пожаловать въ его контору для совѣщанія, по поводу полученной бумаги министра финансовъ. Въ назначенный часъ я былъ у него, гдѣ кромѣ хозяина засталъ князя Черкасскаго и Льва Николаевича Вол-

кова. Въ бумагѣхъ министерства значилось, что: такъ какъ въ канцелярію министерства представлены два проекта одного и того же банка и въ каждомъ изъ нихъ учредители просятъ оставить за собой половину акцій, а другую половину подвергнуть публичной подпискѣ, то министерство спрашиваетъ: не найдутъ ли возможнымъ оба общества учредителей слиться въ одно, тогда министерство предложитъ учредителямъ всѣ акціи и публичной подписки не будетъ.

Хотя подобное сліяніе не представляло намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ насъ учредителей было всего пять человекъ, а у нашихъ оппонентовъ—двадцать и мы, по числу голосовъ, теряли всякое значеніе въ собраніи учредителей, но въ виду шаткости нѣкоторыхъ моихъ сотоварищей, я рѣшился пойти на предлагаемую министерствомъ сдѣлку.

Впослѣдствіи оказалось, что Чевкинъ обратилъ вниманіе министра финансовъ Рейтерна на задержаніе нашего проекта въ канцеляріи министерства и министръ приказалъ найти выходъ къ нашему соглашенію.

Проектъ былъ утвержденъ Государственнымъ совѣтомъ и задаточныя деньги внесены нами въ Государственный банкъ.

Въ первое же частное общее собраніе оказалось полное безсиліе нашей партіи. Князь В. А. Черкасскій забралъ все въ свои руки, самовольно утверждать постановленія, инструкции и служебныхъ лицъ. При разсмотрѣніи офіцки земель по губерніямъ и уѣздамъ, я сдѣлалъ заявленіе въ неправомерности раздѣлки по Рязанской губерніи, имѣя въ ней недвижимое имѣніе. Черкасскій обидѣлся, но когда полковникъ Кисловскій, тоже помѣщикъ Рязанской губерніи, доказалъ ему сдѣланную имъ ошибку въ постановкѣ Спаскаго уѣзда выше Пронскаго, то Черкасскій, видя свое безсиліе, съ желчью обратился къ намъ, сказалъ: «Конечно, противъ такихъ специалистовъ я спорить не могу, но въ оправданіе свое могу сказать, что въ Рязанской губерніи я пользовался указаніями Александра Ивановича Кошелева. Кисловскій возразилъ ему, что у Кошелева въ Спаскомъ уѣздѣ есть зеркальный заводъ съ хорошей песчаной землей.

что очень цѣнно для зеркальнаго производства, но мало доходно для земледѣлія.

Конечно, послѣ такого инцидента отношенія обострились когда начали распределять акціи, то Кисловскій отказался получить полностью слѣдующія ему 400 акцій, а взялъ кажется 50 или 100. Остальныя акціи мы раздѣлили между собой. Въ тотъ же день, напуганный Конопляинъ, видя безцеремонность Черкаскаго, уступилъ свои акціи Лазарю Соломоновичу Полякову, который сразу удвоилъ количество своихъ акцій. Конечно послѣ того всё дѣла вершались Черкасскимъ совместно съ Поляковымъ, и намъ ничего не оставалось, какъ продать свои акціи, такъ какъ мы не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣла, что мы въ большинствѣ и сдѣлали.

Въ одно утро 1874 года явился ко мнѣ прежній мой компаньонъ по коммерческо-судовому банку, Алаевъ съ предложеніемъ вступить съ нимъ въ учредительство новаго коммисіоннаго банка, на манеръ страхового общества. Банкъ самъ не производилъ никакихъ операций, но страховалъ ихъ отъ риска, ставя свой бланкъ. Подобныя общества существуютъ за границей. Въ числѣ учредителей былъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, баронъ Бюллеръ, Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. Алаевъ былъ уже разоренъ и кредита не имѣлъ. Мы собирались поочередно у меня и у Полякова. Уставъ былъ выработанъ и представленъ въ кредитную канцелярію министерства финансовъ. Я былъ въ числѣ депутатовъ, ѣздившихъ хлопотать въ Петербургъ. Сначала дѣло пошло было на ладъ, но потомъ Алаевъ объявленъ былъ несостоятельнымъ, учредители разошлись и дѣло разстроилось.

ГЛАВА XXV.

1874 г. Манифестъ 1 января о всеобщей воинской повинности.—Пріѣздъ въ Москву новобрачныхъ Великой Княгини Маріи Александровны съ супругомъ.—Поздравленіе и цѣлованіе руки въ Екатерининской залѣ.—Покупка дома Леве въ Столешниковомъ переулкѣ.

1 января 1874 года послѣдовалъ манифестъ о всеобщей воинской повинности. Манифестъ возбудоражилъ купеческое общество. Въ прежнее время купцы, платившіе гильдейскія повинности, были избавлены отъ службы въ войскахъ. Между служащими въ войскахъ, купеческій элементъ представлялся въ минимальной пропорціи. Богатые коммерсанты бросились покупать зачетныя рекрутскія квитанціи, находившіяся въ крестьянскихъ рубкахъ, оставшіяся отъ прежнихъ наборовъ, а главное зачтенныя за ратниковъ Севастопольской компаніи не вернувшихся домой. Впослѣдствіи боязнь купеческихъ семей къ службѣ въ войскахъ уничтожилась, и побудила ихъ только добывать научные аттестаты, сокращающіе срокъ службы.

11 января совершилось бракосочетаніе великой княгини Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Вскорѣ по совершеніи обряда Государь съ новобрачными прибыли въ Москву, гдѣ пробыли три дня. Въ Екатерининской залѣ Кремлевскаго дворца, представлялись имъ дворяне и старшія чины, при чемъ всѣ допускались къ цѣлованію руки новобрачной герцогини.

Въ одинъ вечеръ занятъ я былъ съ подрядчикомъ Ситниковымъ, который при прощаніи сказалъ мнѣ, что въ Столешниковомъ переулкѣ продается домъ Леве и совѣтовалъ купить его, находя просимую за него сумму, 125 тысячъ выгодною. Не имѣя въ то время свободной такой суммы, я отказался.

Придя въ гостиную къ женѣ, я нашелъ у нея ея двоюроднаго брата Ребиндера съ женою и при нихъ разсказалъ про сдѣланное мнѣ предложеніе. Жена Ребиндера начала уговаривать меня купить этотъ домъ пополамъ съ явми. Сначала я отказался, но потомъ ко мнѣ такъ при-

стали всѣ съ убѣжденіями и настояніями, что я долженъ былъ уступить. На другой день мы съ Александромъ Ребиндеръ поѣхали осматривать домъ и въ тотъ же день купили его. То было время попушной горячки домовъ. Квартыры поднялись сразу чуть не вдвое. Всѣ бросились на покупку домовъ, особенно съ пустопорожними мѣстами. Строительная горячка подняла цѣну на строительные матеріалы, особенно кирпичъ, который поднялся съ 20 до 34 руб., но и по этой цѣнѣ не всегда было возможно его имѣть, такъ что часто работы прерывались за неимѣніемъ строительнаго матеріала. Кредитное Общество открыло широкій кредитъ строителямъ и благодаря этому Москва украсилась многими зданіями. Но въ послѣдствіи многіе разочаровались. Вначалѣ Восточная война, а потомъ изгнаніе евреевъ заставили пустовать много квартиръ и тѣмъ разорили новыхъ домовладѣльцевъ.

ГЛАВА XXVI.

1875 г.—Постройка дома въ Столешниковомъ пер.—Комическій бунтъ.—Отставка отъ должности Предсѣдательницы Дамскаго Попечительства о Бѣдныхъ Княгини С. С. Щербатовой.—Г-жа Нейдгартъ.—Поступленіе мое въ должность директора Торлецкаго Пріюта.

Въ 1875 году во время завѣдыванія полицейской властью Москвы оберъ-полицеймейстеромъ Араповымъ, я строилъ на купленномъ мною мѣстѣ въ Столешниковомъ переулкѣ, большой четырехъэтажный каменный домъ. Рабочихъ каменщиковъ было до 400 человекъ. Я жилъ съ семьей въ Петровскомъ Паркѣ, но пріѣзжалъ на стройку каждое утро, исключая праздничныхъ дней.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, по пріѣздѣ моемъ на работы, старшій десятникъ доложилъ мнѣ, что вчера наши каменщики затѣяли ссору съ каменщиками строящагося дома Чуксина, въ томъ же переулкѣ. Полиція желала арестовать бунтовъ, но рабочіе не дозволили и прогнали блюстителей порядка. Сегодня, докончивъ докладъ десятникъ, квартальный Свистуновъ обѣщался прійти къ Вамъ съ

жалобой на камешниковъ. Съ рабочими я жилъ въ ладахъ, каждую субботу, кромѣ условленной платы, выдавалъ имъ чаевые, всѣмъ безъ исключенія. Кромѣ того не утруждалъ ихъ лишней работой потому и пользовался между ними нѣкоторой популярностью.

Обходя по лѣсамъ строящагося дома (воздвигался четвертый этажъ) я замѣтилъ усиленное стараніе рабочихъ. Каждый старался показать свое рвеніе въ исполненіи обязанностей. Не показывая вида, что я что нибудь знаю о вчерашнемъ происшествіи, обходя работы я говорилъ только о правильномъ производствѣ ихъ или о домашнихъ и юридическихъ дѣлахъ, касающихся лично ихъ и ихъ семей. Когда, по окончаніи обхода, я спустился на землю и въ ожиданіи обѣденнаго перерыва работъ, сидѣлъ на крыльцѣ сосѣдняго дома Лене, явился квартальный Свистуновъ съ помощникомъ и двумя будочниками. — «Я къ Вамъ съ жалобой» — началъ онъ свою рѣчь. Ваши рабочіе учинили вчера драку на улицѣ и ослушались полиціи, оказавъ ей сопротивленіе, говорилъ мнѣ Свистуновъ, приказывая руку къ козырьку. Во первыхъ, у меня лично никакихъ рабочихъ нѣтъ, отвѣтилъ я, рабочіе наняты подрядникомъ и я, какъ и вся Россія послѣ объявленія положенія 1861 года никакихъ правъ на личность людей не имѣю, во-вторыхъ, городская улица принадлежит заведывавшю полиціи, а никакъ не лицу, являющемуся на ней домъ; а третье, меня даже не было вчера въ городѣ, такъ что я не могу быть вамъ полезенъ даже какъ свидѣтель. Но что же вамъ отъ меня угодно? — Я желалъ бы арестовать виновныхъ. — Но, кто же вамъ мѣшаетъ? Рабочіе объявили мнѣ, что безъ васъ не дозволяютъ этого сдѣлать. Мнѣ оставалось только пожить плечами. Я буду ждать окончанія вашего обхода на этомъ крыльцѣ. Вся полицейская компанія поднялась на лѣсу, и по указанію будочниковъ и помощника квартального, начался арестъ указанныхъ ими лицъ. Всего свели они съ лѣсовъ шесть человѣкъ. Все было покойно. Но вдругъ раздался возгласъ. Да что мы, ребята, выдаемъ своихъ? Просай работу. Выручай! и вся эта масса въ 800 ногъ затопотала по лѣсамъ, устремясь внизъ по лѣстни-

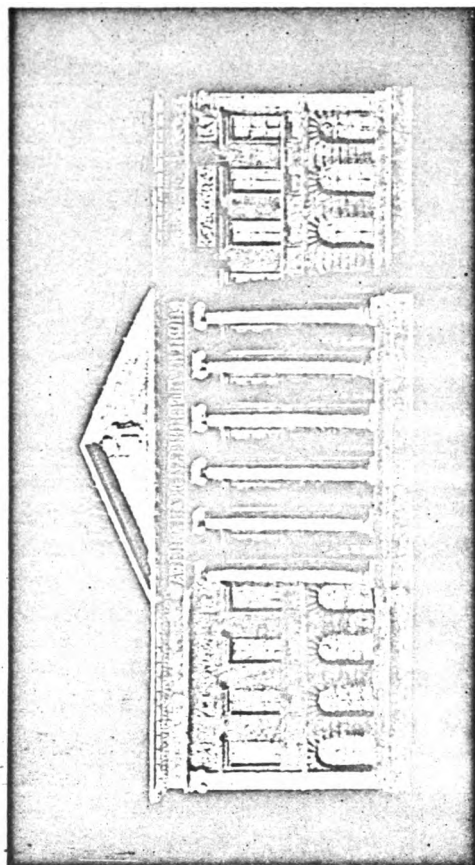
цамъ, квартальный, помощникъ, будочники съ арестованными, всё бросаясь на крыльцо и спрятались за моей спиной. Положеніе мое было критическое—даже до смѣшного. Я видѣлъ, что эта необузданная толпа, изъ-за глупости и трусости полицейскаго агента, несется себѣ на пагубу, желая совершить необузданный актъ насилія надъ властью.

Я выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ, держа въ правой рукѣ единственное мое оружіе—дождевой зонтикъ. Когда передніе спустились на землю—то я громко крикнулъ. Стой! что вы дѣлаете, безумцы? Сами себѣ роете яму, развѣ можно сопротивляться власти? Прочь, по мѣстамъ и первый, кто тронется впередъ будетъ имѣть дѣло со мной, а не съ полиціей. Я вамъ поручаю, что ничего противозаконнаго не будетъ учинено съ вашими товарищами. Не знаю что? Громкій ли мой голосъ, комически ли грозная моя фигура или нѣкоторый авторитетъ, которымъ я пользовался между рабочими сдѣлали то, что толпа стихла, остановилась и тихо поплелась опять по лѣсамъ на работы. Свистуновъ быстро скрылся съ арестованными. Я тотчасъ поѣхалъ къ мѣстному полиціймейстеру Огареву и разсказалъ ему трагикомическое происшествіе. Никакого хода рапорту Свистунова не дали. 6 каменщиковъ выслали изъ Москвы, но они черезъ три дня вернулись обратно и работали у того же подрядчика только на другихъ стройкахъ.

Правителемъ дѣлъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ приютовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ Серебряковъ. Онъ же былъ и Правителемъ дѣлъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Предсѣдательница перваго была княгиня Четвертинская, а Вице-предсѣдательница кавалерственная дама Варвара Еврафьевна Чертова. Предсѣдательницей Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, а также его учредительницей была княгиня Софія Степановна Щербатова. Повидимому все шло гладко въ обоихъ обществахъ. Въ одно утро, когда я пріѣхалъ съ какимъ-то дѣломъ къ Варварѣ Еврафьевнѣ Чертовой, услышалъ новость, что Софія Степановна Щербатова взяла себѣ въ Правители дѣлъ вмѣсто Серебрякова.

сына своего, бывшаго Московскимъ городскимъ головой, князя Александра Алексѣевича Щербатова, найдя какія-то неисправности по канцеляріи. Двоевластіе Серебрякова окончилось и часть канцеляріи съ дѣлами перебралась на Никитскую, въ домъ князя Щербатова.

На одномъ изъ общихъ собраний въ домѣ и квартирѣ княгини Софіи Степановны, гдѣ обязательно присутствовали всѣ попечительницы со своими секретарями, намъ объявили, что Серебряковъ отказался отъ исполненія обязанностей правителя дѣлъ попечительства, но князя Александра Алексѣевича не было, его замѣнялъ какой-то чиновникъ, которымъ руководила сама княгиня Щербатова. Говорили, что князь А. А., узнавъ стороною, что дѣла канцеляріи идутъ не совсемъ правильно, уговаривалъ свою мать отстранить Серебрякова, и когда старая княгиня возражала, что трудно найти человека, который бы съ пользою замѣнилъ Серебрякова, прожившаго болѣе 30-ти лѣтъ правителемъ дѣлъ, то князь, въ пылу разговора, предложилъ свои услуги. Никто не сомнѣвался въ истинно рыцарски-честныхъ побужденіяхъ князя, но всеобщій голосъ былъ, что князь пробудетъ правителемъ дѣлъ недолго. Князь—истый баринъ, не могъ быть приказной строкой и возиться съ разными личностями, жаждущими за пожертвованные ими гроши—награды. Нужно было имѣть много терпѣнія и уклончивости, чтобы ладить со всѣмъ этимъ людомъ. Канцелярія была сдана князю Александру Алексѣевичу и бумаги перевезены въ домъ его на Никитской, во флигель на дворѣ. Вотъ все, что мы знали объ этомъ инцидентѣ. Серебряковъ остался правителемъ дѣлъ только Московскихъ дѣтскихъ приютовъ. По желанію вице-предѣлительницы совѣта я поступилъ почетнымъ членомъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ приютовъ и вотъ канцелярія совѣта потребовала мой формулярный списокъ изъ Дамскаго Попечительства, но несмотря на нѣсколько повтореній—отвѣта никакого. Наскучивъ ожиданіемъ, я отправляюсь на Никитскую гдѣ мнѣ говорятъ, что князь въ деревнѣ, а канцелярія на дворѣ, во флигелѣ. Отправляюсь туда. Передъ флигелемъ протянута веревка и по ней бѣгаетъ на цѣпи огромный мохнатый песъ, съ лапъ бросающійся на всѣхъ дерзавшихъ подходить близко къ

Домъ, гдѣ родился Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

дѣлалъ. Долго соображалъ и о способѣ попасть въ канцелярію, крѣпко охраняемую мохнатыми стражами и наконецъ былъ выведенъ изъ затрудненія дворникомъ, объявившимъ, что въ канцеляріи никого нѣтъ и даже писмоводитель уѣхалъ въ деревню. И долженъ былъ отправиться въ мѣсто прежняго моего служенія, комендантское управленіе, гдѣ и досталъ копію моего формулярнаго списка, по которому я былъ утвержденъ на службѣ Дѣтскихъ Приютовъ. Конечно, по такому способу веденія дѣлъ, ничего дурного въ канцеляріи происходить не могло.

Не прошло и года по увольненіи отъ заведыванія дѣлами Дамскаго Попечительства Серебрякова и принятіи его обязанностей на себя княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, какъ распространился слухъ, что князь уговариваетъ свою мать отказаться отъ должности Предсѣдательницы Совѣта. Вице-Предсѣдательницей совѣта была Варвара Евграфовна Чертова, покровительствовавшая бывшаго правителя дѣлъ Серебрякова; слѣдовательно, въ случаѣ назначенія ея на мѣсто княгини Щербатовой, возобновился бы прежній режимъ, чего князь Александръ Алексѣевичъ допустить не желалъ. Придуманъ была такая комбинація. Княгиня Софія Степановна письмомъ къ Государынѣ Императрицѣ просила, чтобы ей, какъ учредительницѣ общества, дозволено было вопреки устава, предложить членамъ совѣта избрать самимъ предсѣдательницу. (По уставу предсѣдательница назначалась Высочайшею властью). Государыня, снисходя къ просьбѣ княгини Щербатовой, дозволила избраніе предсѣдательницы на этотъ разъ, оставивъ назначеніе въ будущемъ себѣ. Вотъ тутъ-то и началась подпольная работа. Большинство даже попечительницъ, уважая достойную Софію Степановну соглашались предоставить рѣшеніе выбора ей, которая и выбрала Марію Александровну Нейдгартъ, попечительницу Маріинскаго женскаго училища. Меньшая же часть попечительницъ стояла за выборъ вице-предсѣдательницы Чертовой. Была одна попечительница, подавшая голосъ за дочь княгини Щербатовой, княгиню Голицыну. Марія Александровна Нейдгартъ была утверждена предсѣдательницей совѣта. Но тутъ-то и началась война. Чертова отказалась отъ званія Вице-предсѣдательницы и вѣсть съ

тѣмъ подала прошеніе на Высочайшее Имя, объ отдѣленіи завѣдываемаго ею Александро-Маринскаго училища отъ Дамскаго Попечительства на томъ основаніи, что Училище это учреждено и содержимо ею безъ всякаго пособія со-вѣта. Въ это до того ее разстроило, что она заболѣла первонной горячкою и жизнь и здоровье ея было въ опасномъ положеніи.

Не только Московское общество, но даже Петербургскій административный міръ заговорилъ объ этомъ инцидентѣ и пошла писать губернія. Результатъ вышелъ мысленный. В. Е. Чертовой дозволено было дѣлать представленія помимо Совѣта, прямо въ Канцелярію Вѣдомства Императрицы Маріи, но Училище осталось въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣд-ныхъ. Княгиня Софія Степановна старалась всячески за-тушить поднявшуюся бурю и безпрестанно навѣшала В. Е. Чертову, но ничего сдѣлать не могла. Пріѣзжалъ въ Москву по тому же поводу и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, но все это уладилось только наружно, а скрытое недовольство осталось до настоящаго времени. Побѣда В. Е. Чертовой въ Петербургѣ и представленіе ея покойной Им-ператрицѣ Маріи Александровнѣ тоже не измѣнило и не под-винуло ея завѣтныхъ желаній, хотя и оказано было ей много вниманія отъ Высочайшихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ. Только въ 1899 году Училище передано было Воен-ному Вѣдомству съ переименованіемъ въ Институтъ Кавалер-ственной Дамы Чертовой.

ГЛАВА XXVII.

1876 г. Бѣлзъ, жем. Побѣда на травяку. Порученіе Принца П. Е. Ольденбургскаго.

Весной 1875 года здоровье жены моей опять ухудшилось и я окончательно потерялъ голову. Профессоръ Никодасъ былъ большой любитель ужения рыбы и часто уѣзжалъ для этого изъ Москвы. Въ одну изъ его побѣдокъ на нѣсколько дней, жена моя сильно расхворалась. Не желая оставлять ее безъ серьезной помощи, я пригласилъ доктора Мамо-

нова, который впоследствии был главным инспектором Медицинскаго Департамента. Лѣчение шло малоуспѣшно, несмотря на то, что мы поочередно приглашали всѣхъ Московскихъ знаменитостей на конспіумы. Въ маѣ переехали мы въ Петровский Паркъ, нанявъ дачу рядомъ съ докторомъ Мамоновымъ, чтобы имѣть его всегда подъ руками. Осенью 1875 года здоровье жены моей несмотря на разнообразіе и количество докторовъ, было настолько плохо, что ей необходимо было ѣхать за границу совѣтоваться къ тамошнимъ знаменитостямъ. Я былъ занятъ постройкой моего Столешниковскаго дома, а жена въ концѣ сѣнтября поѣхала въ Берлинъ къ тогдашней знаменитости, доктору Траубе. Последнее время лѣчилъ ее докторъ Мамоновъ и въ ея отсутствіе, для показанія своей дѣятельности заграничнымъ свѣтлзямъ, написалъ цѣлую тетрадь, исторію ея болѣзни и способы лѣченія, принимаемыя Московскими знаменитостями. Я проводилъ жену до Смоленска, а даже она поѣхала съ моей сестрой и гувернанткой дочері. По пріѣздѣ въ Берлинъ она тотчасъ же поѣхала къ Траубе и вотъ что произошло на этомъ свиданіи. Траубе долго читалъ представленный фоліантъ и изрѣдка поглядывалъ на утомленную, болѣзненную фигуру жены моей. Наконецъ фоліантъ прочитанъ. Траубе отложилъ его въ сторону и, обернувшись къ женѣ моей, сказалъ: «Какое у Васъ крѣпкое здоровье». Жена была изумлена рѣчью знаменитаго профессора и пришла это за шутку. «Какое же мое здоровье— сказала она—если я едва имѣю силы сидѣть передъ Вами, профессоръ. А я повторяю Вамъ—такое у Васъ крѣпкое здоровье. А знаете почему? — Нѣтъ, отвѣтила жена. «Московскіе аскулапы употребили всё, чтобы разстроить Ваше здоровье и укорить Васъ, а Вы на это имъ, остались живы и сидите передо мной. Бросьте всѣ лѣкарства, поѣзжайте въ Монтрѣ, пейте молоко, а за обѣдомъ и завтракомъ ставьте краснаго вина и будете здоровы. Теперь я дамъ Вамъ указанія для исправленія Вашего разстроеннаго желудка отъ Московскихъ лѣкарствъ, а послѣ поправки, бросьте и ихъ. Затѣмъ на зиму поѣзжайте въ Римъ, гдѣ не такъ жарко, какъ въ другихъ курортахъ и меньше вѣтра. Всѣ прика-

завія Траубе были исполнены и весной жена вернулась настолько обрѣвпшей, что мы больше для дѣвченія за границу не ѣздили. Изъ Берлина жена моя поѣхала въ Монтрѣ, куда я пріѣхалъ къ ней въ началѣ ноября нашего стили. Въ концѣ ноября новаго стили въ Монтрѣ выпалъ небольшой снѣгъ и мы тронулись въ Римъ, куда послѣ многихъ остановокъ и прибыли 1-го декабря новаго стили. Въ Римѣ мы остановились на площади Пополи, въ гостиницѣ Россія. Но сырая жѣсткость, а главное сумрачныя комнаты, не выходящія на солнечную сторону, заставили насъ искать другого помѣщенія для жительства. И обратился въ справочную контору для указанія квартиры, гдѣ съ меня конечно, прежде всего взяли деньги за рекомендацію, потомъ дали чичероне, которому я тоже долженъ былъ уплатить субсидію и я въ наемномъ экипажѣ отправился съ нимъ на поиски. Провѣздивши нѣсколько часовъ, я ничего не нашелъ подходящаго, грустно возвращаясь домой, въ дунгъ браня контору и плохого чичероне. Не доѣзжая площади Барберини я замѣтилъ только что отстроенный отель «du Louvre», на правой солнечной сторонѣ улицы. Приказавъ остановиться экипажу, я взомель въ отель. Гостиница только что была отдѣлана, но жильцовъ въ ней никого не было. Я былъ первый наниматель. Мы скоро сошлись съ содержателемъ, и въ бель-этажѣ двѣ спальни и салонъ я нанялъ на полномъ пансіонѣ за 50 франковъ въ день. Къ вечеру мы перѣехали на новое жительство.

На другой день мы начали съ осмотра достопримѣчательностей Рима. Первое, что мы посѣтили, былъ дворецъ Барберини на площади того же названія, гдѣ находится знаменитый портретъ Беатриччи-Чинчи, портретъ ея матери и сцена свиданія ея съ матерью въ тюрьмѣ, наканунѣ казни. Я не стану описывать всего видѣннаго нами въ теченіе всей зимы въ дворцахъ Рима,—на это нужны цѣлые томы. Мы ежедневно что-нибудь осматривали, но любопытнаго было такое громадное количество, что осмотрѣть все подробно не хватало бы и двухъ лѣтъ.

Погода въ Римѣ была не жаркая, приблизительно держалась 10°, но устойчивая. Хотя ночью перѣдко бывало нѣ-

сколько градусовъ мороза, но съ восходомъ солнца ледъ таялъ. Очень хороши были фонтаны, у которыхъ не солнечная сторона покрыта кусками льда, когда противоположная блестя въ живыхъ струяхъ воды. Вѣтра въ городѣ почти не было, только на Монте Пинчіо и окружающихъ холмахъ Рима былъ онъ замѣтенъ, во время загородныхъ нашихъ экскурсій. Въ одно время съ нами проживалъ въ Римѣ нашъ хорошій знакомый Николай Дмитріевичъ Селезневъ, съ которымъ мы часто совершали осмотры музеевъ и окрестностей Рима. За нѣсколько дней до Рождества случилось въ Римѣ маленькое землетрясеніе. Я помню, мы приказали затопить каминъ, но черезъ нѣсколько минутъ наши комнаты наполнились дымомъ, такъ что мы вынуждены были загасить огонь. Мы отнесли это къ неисправности трубъ, но на слѣдующій день узнали изъ газетъ о случившемся землетрясеніи, бывшемъ даже причиной паденія статуй и скульптурныхъ украшеній съ домовъ.

Гостиница, въ которой мы заняли комнаты, была только что отстроена и мы были первые жильцы, въ ней поселившіеся. Содержатель очень за нами ухаживалъ. Вскорѣ, по примѣру, нашему, жильцы стали прибывать и, къ концу сезона, весь Hôtel былъ занятъ. Черезъ улицу отъ нашей гостиницы былъ небольшой двухъ-этажный домъ. Онъ сдавался въ наемъ, но не былъ покамѣстъ никѣмъ занятъ. Въ Римѣ разнеслась вѣсть, что скоро долженъ пріѣхать Джузеппе Гарibaldi. Пошли приготовленія для его встрѣчи. Находящійся противъ насъ домъ былъ нанятъ для его пребыванія.

Въ день его пріѣзда въ Римъ, толпы народа, съ утра стремились на дебаркадеръ. Шли корпораціи съ флагами, съ вѣнками, а также съ хорами музыки. Мы смотрѣли на все это изъ окопъ нашего дома. По его прибытіи на дебаркадеръ Рима, мимо нашего дома, по направленію къ площади Барберини прокатилась коляска, запряженная вмѣсто лошадей—людьми. Народъ выпрягъ лошадей изъ коляски и пожелалъ везти его на своихъ раменахъ, но національный герой, не желая вѣдять на себѣ подобныхъ, вышелъ изъ экипажа и, опираясь одною рукою на кого-то изъ своихъ

приятелей, а другой — на костыль, тихо шель къ пригото-
вленному ему дому, сопровождаемый несмѣтною толпою на-
рода. Долго стояла толпа на дворѣ дома и кричала «вѣва
Гарибальди». Гарибальди показался на балконѣ въ своей
традиціонной шапочкѣ и курткѣ и обратился съ рѣчью къ
народу. И отправился на дворъ его дома, но онъ говорилъ
такъ слабо, что ничего невозможно было услышать и по-
нять. Кромѣ того, толпа такъ шумѣла, что и протоіако-
нскій голосъ не могъ бы быть слышенъ. Черезъ нѣсколько
дней Гарибальди перешелъ куда то на другую квартиру.

Осматривали мы галереи, сады, дворцы и загородныя
виллы. Помѣщеніе короля показывалось вѣсьмъ безъ ве-
ликихъ хлопотъ и старашій. Когда мы прѣхали во дворецъ
и осматривали парадныя комнаты, залы и кацеллу квири-
нала, въ которой Божественной службѣ не производилось,
по случаю отлученія Королѣ Виктора Эммануила эдиктомъ
Папы Пія IX, то я пожелалъ видѣть и столовую залу Ко-
роля, гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть парадный обѣдъ.
Насъ тотчасъ повели. Зала весьма небольшая. Столъ былъ
накрытъ покоемъ. Бронза и канделябры самыя ординар-
ныя, въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ у насъ панятые
кондитера, однимъ словомъ, какъ у помѣщика средней руки.
Пошли мы также въ садъ. Параллелограммъ съ прямыми ор-
динарными дорожками, кучи неубранной земли и разбитыхъ
цвѣточныхъ горшковъ. Полная простота и безпорядокъ.
Однимъ словомъ, жилище частнаго человека, а не Короля
объединенной Італіи.

Любили же короли ужасно: я помню одинъ эпизодъ, въ
которомъ я участвовать лично.

Во время карнавала наняли мы съ Николаемъ Дмитріе-
вичемъ Селезневымъ комнату съ балкономъ на площади,
противъ почты на Корсо. Балконъ украсили коврами и приз-
жали на нѣсколько часовъ любоваться масками, процессіями
и толпами гуляющихъ.

На Корсо было полное оживленіе, — бросали другъ въ
друга цвѣтами и особенно мужскими конфетями. Кромѣ насъ
съ Н. Д. Селезевымъ и его секретаря Повикова, на бал-
конѣ была моя маленькая дочь Пина со своей гувернант-
кой. Утомившись вѣсьмъ этимъ уличнымъ гамомъ, мы уда-

лиась въ комнату къ чайному столу. На балконѣ осталась дочь моя со своей гувернанткой, а около нихъ стояла корзина съ мучными конфетами и со всѣхъ приборами для бросанія ихъ. Дѣвочку занимала эта забава и она безпрестанно перебрасывалась съ провѣзшими. Мы заняты были чаепитіемъ въ комнатѣ. На улицѣ слышалось шипканье всей площади наполняющаго ее народа. Невольно мы бросились на балконъ и увидѣли взоры всѣхъ устремленные къ нашему балкону, а Короля Виктора Эммануэля удаляющимся въ коляскѣ, внизъ по Корсо, осыпаннаго конфетами и мукой. Ребенокъ, бросая конфеты въ провѣзжающіе экипажи, осыпалъ ими и Короля, гувернантка засмѣялась и не предупредила ее. Король, увидя, что получилъ подарокъ отъ ребенка наклоненіемъ головы благодарилъ дѣвочку, а публика, возмущенная безтактичностью гувернантки, оштрафовала ее.

Постомъ, общество художниковъ сыграло преміальную штуку съ римскими фланерами. По случаю проведенія новой національной улицы отъ дебаркадера желѣзной дороги къ Корсо, ломали много старинныхъ домовъ и планировали мѣстность для предполагаемой улицы. Въ землѣ вѣрѣю находили старинныя скульптурныя и бронзовыя вещи. Это породило спортивный характеръ на находки, и покупки ихъ собирателями древностей. Въ недостроенномъ новомъ домѣ, гдѣ едва были поставлены временный полъ, общество художниковъ устроило выставку древностей и понарамя Рима. Цѣна за входъ была объявлена одна лира (нашихъ 25 коп.). Передъ входомъ навѣсили флаговъ, убрали антре деревьями, стѣны были затянуты коленкоромъ. Однимъ словомъ—все было съдѣлано, что дѣлается на обыкновенныхъ выставкахъ. Публика повалила. На полкахъ, обтянутыхъ коленкоромъ, разложены были гвозди, разбитыя бутылки и горшки и другой хламъ. Надписи гласили: гвоздь изъ дома Юлія Цезаря, вбитый имъ лично въ стѣну, изломанная шпора перваго крестоносца; горшокъ матери Гракховъ и тому подобное. Въ проходѣ играла шарманка допотопныя марши, а въ отдѣльной комнатѣ показывались уличныя панорамы разныхъ Римскихъ развалинъ. Всякій чувствовалъ себя одураченнымъ, но, не желая быть въ одиночествѣ и при-

держиваясь пословицы: «на міру и смерть красна», выходя увѣрять публику, что выставка очень интересна. В теченіи трехъ дней всѣ любители выставокъ, перебивали и бѣдные получали порядочное пособіе отъ дохода съ любителейныхъ.

Въ концѣ февраля мы цѣлою компаніей отправились въ Неаполь, гдѣ напали чудесную погоду. Начались осмотры Неаполя и его окрестностей. Осмотрѣли національный музей, дворцы городской и загородной. На ворѣтахъ перваго увидѣлъ я двухъ старыхъ знакомыхъ — бронзовыхъ коней съ Анныкина моста въ Петербургѣ, подаренныхъ Императоромъ Николаемъ I Неаполитанскому Королю, во время пребыванія Императрицы Александры Феодоровны въ Неаполь. Передъ дворцомъ миниатюрную колонаду, конію съ колонады св. Петра въ Римѣ. Потомъ осматривали окрестности Неаполя, направо черезъ тунель къ храму Минервы. Заѣзжали, конечно, въ сѣрные гроты—бани, гдѣ мальчишка, пробѣгая кругомъ горячаго сѣрнаго источника испекать въ рукахъ сырыя яйца. Были въ Помпей, Капеллармъ, Соренто и другихъ окрестностяхъ.

Нигдѣ не видѣлъ я народа болѣе развращеннаго и дѣшваго, какъ въ южной Италіи. Нипкихъ масса. Проституція почти поголовная. И былъ страшно пораженъ видомъ, когда на улицѣ молодой малый, прося милостыню, увѣрять, что онъ не плѣшетъ даже рубашки, причемъ не стѣнясь тѣмъ, что съ нами были дамы, распахнуть свой балахонъ и показаться намъ въ костюмѣ Адама. Можно также удивляться развитію легкихъ у дѣтей. Мы цѣлою компаніей поѣхали осматривать окрестности. Толпа дѣтей окружила насъ, прося у насъ soldi. Мы бросили имъ нѣсколько монетъ. Конечно произошла свалка. Между ними была прехорошенькая дѣвочка лѣтъ 9-ти-10-ти, на которую обратили вниманіе и желая рассмотреть ее поближе бросили ей 2 су, потомъ, показывая жѣдныя деньги, постоянно бросали ей; она не отставала отъ нашего экипажа цѣлый часъ и провожала насъ, несмотря на крупную рысь нашихъ лошадей.

Въ мартѣ мы покинули Неаполь и черезъ Римъ, Кар-

Московскій комендантъ Генералъ отъ инфантеріи
Фридериксъ.

Съ современной гравюры.

рару, Геную отправились въ Ниццу. Останавливались въ Ниццѣ на одинъ день осматривать ея достопримѣчательно-сти; соборъ и падающую башню.

Подъѣзжая вечеромъ къ Ниццѣ во время слѣдованія черезъ Ментону, я обратилъ вниманіе на особенно тепличную температуру Ментоны, такого теплаго воздуха не было и въ Неаполѣ. Устроивъ жену въ Ниццѣ, я долженъ былъ ѣхать въ Россію по случаю окончанія моего отпуска. Жена въ концѣ апрѣля поѣхала въ Гейдельбергъ, совѣтоваться съ тамошней знаменитостью, профессоромъ Фредериксомъ, по совѣту котораго поѣхала пить воды въ Эмсъ, гдѣ также ѣздили Государь Императоръ Александръ II и Германскій Императоръ Вильгельмъ I. Я же возвратился въ Москву и занялся окончаніемъ постройки новаго дома моего въ Столешниковомъ переулкѣ.

Въ 1875 году, по желанію вице-предсѣдательницы В. Е. Чертовой, кромѣ моей службы въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ, я зачислился почетнымъ членомъ Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ, съ платою несколькихъ сотъ рублей. Сдѣлалъ я это по двумъ причинамъ: 1) я занималъ должность ниже моего чина, и не могъ быть пропзведенъ въ слѣдующіе чины за выслугу лѣтъ; 2) предсѣдательницей пріютовъ значилась вѣнчанка Четвертинская, но фактически должность исправляла Чертова, и потому могла дѣлать всякія представленія, какія ей заблагоразсудится и наобщала мнѣ съ тѣмъ короба, за дѣятельность и работу мою по Александро-Маринскому училищу. По обыкновенію, общавшія своихъ не исполняли и я кромѣ сладкихъ словъ и милыхъ писемъ, ничего не получилъ за всю 12-ти лѣтнюю работу въ училищѣ, и за потраченные на него собственные средства.

Не прошло и полугода, какъ я получилъ предложеніе отъ предсѣдательницы Совѣта Дѣтскихъ Пріютовъ принять должность директора Торлецкаго Дѣтскаго пріюта, вслѣдствіе отказа отъ этой должности директора Зырева. Кромѣ того, попечительница Торлецкая отказала въ похѣщеніи пріюту, занимавшему квартиру въ домѣ ея мужа, на Моховой противъ Манежа. Въ кассѣ пріюта денегъ не оказалось, кромѣ того за старшиной Торлецкимъ числился

текущій долгъ въ суммѣ 8,200 руб. Вотъ въ какомъ положеніи принять я пріютъ. Принявъ на себя обязанности директора Торлецкаго Дѣтскаго Пріюта, я перевелъ заведеніе въ домъ жены моей на Пречистенскѣ. Кромѣ ста входящихъ дѣтей было еще 15 живущихъ. На содержаніе пріюта тратилось болѣе 5 тысячъ. Совѣтъ долженъ былъ ежегодно приплачивать сляшкомъ три тысячи, такъ какъ Торлецкій обязался вносить въ кассу Совѣта только 2 тысячи, но послѣдніе четыре года не вносилъ ничего. Залоговое свидѣтельство, выданное имъ Совѣту въ обезпеченіе исправной уплаты возвращено ему было въ 1873 году подъ расписку для замѣны его новымъ. Прежній взносъ обезпечивался домохъ Торлецкаго въ городской части. Домъ былъ проданъ Торлецкимъ Россійско-Американской компаніи. Торлецкій, несмотря на обѣщаніе, новаго свидѣтельства не представилъ, и денегъ не платилъ. Все это породило неудовольствіе между попечительницей Еленой Григорьевной Торлецкой и директоромъ Зыревымъ, который и счесть за лучшее удалиться.

Но вступленіи моемъ въ должность, Совѣтъ, вслѣдствіе приказанія Главноуправляющаго Вѣдомствомъ Императрицы Маріи Пріюта Петра Георгіевича Ольденбургскаго отъ 12 ноября 1876 года за № 622, выдалъ мнѣ предписаніе, какъ о взысканіи слѣдующихъ за прошедшее время 8200 рублей процентовъ, такъ и на взысканіи капиталной суммы—40 тысячъ, пожертвованныхъ имъ въ обезпеченіе содержанія живущихъ призрѣваемыхъ дѣтей, или потребовать представленія залоговаго свидѣтельства на недвижимое его имущество. Положеніе мое было крайне затруднительно. Я долженъ былъ вести дѣло съ мужемъ моей попечительницы, иъ-которыхъ образомъ моей начальницы и съ нимъ—моимъ помощникомъ, по званію его старшиной пріюта. Конечно, о началѣ судебного дѣла я и не думалъ, надѣясь уладить его мирнымъ путемъ. Но даже и мирные разговоры съ обоими были весьма щекотливаго свойства. Конечно мнѣ было обѣщано пополнить всѣ недоимки, но на дѣлѣ ничего не выходило.

Въ слѣдующій пріѣздъ Его Высочества въ Москву и

былъ потребованъ къ нему. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, то первое, что онъ спросилъ: взысканы ли 48 тысячъ съ Торлецкаго? На мой отвѣтъ, что взыскана только часть суммы изъ числа слѣдующихъ съ Торлецкаго за прежніе годы процентовъ, Его Высочество объявилъ мнѣ, что слѣдуетъ энергичнѣе требовать какъ проценты, такъ и капиталъ, и объявить Торлецкому, что если онъ не внесетъ денегъ или залоговаго свидѣтельства, то съ пріюта снимутъ названіе «Торлецкій». Я просилъ дозволенія не начинать дѣла судомъ, хотя Торлецкій не исполнилъ своего обещанія воспользоваться тѣмъ, что получилъ изъ баяцеларія залоговое свидѣтельство для перемѣны продать домъ, а другого свидѣтельства не представилъ. Но въ виду того, что это пожертвованныя деньги, просилъ дать мнѣ время заставить ихъ уплатить добровольно вею сумму сполна, какъ капитала, такъ и процентовъ. Я началъ съ того, что расходъ по пріюту уменьшилъ съ 5500 р. на 3500 р. Потомъ, по немногу получилъ съ Торлецкаго всѣ 8 тысячъ рублей долга и ежегодно плату 2000 руб. Совѣтъ приплачивалъ къ нимъ всего съ небольшимъ тысячу руб. Впослѣдствіи попечительница Торлецкая перевела пріютъ опять въ свой домъ, и взяла всѣ расходы на себя. Когда мужъ ея продалъ домъ на Кузнецкомъ мосту доктору Захарьину за миллионъ руб., то и капиталъ въ 40 тысячъ былъ внесенъ въ кассу Совѣта.

Исполнивъ предписаніе Его Высочества, я перешелъ директоромъ въ Ольгинскій пріютъ, и всѣ мои расчеты съ Торлецкимъ пріютомъ были окончены.

Г Л А В А XXVIII.

1876—1877 г.—Покупка второй половиною Столешниковскаго дома.—Статья Лисакова.—Движеніе въ Московскомъ обществѣ.—Сербская война.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка.

Весной 1876 года сотоварищъ мой по владѣнію домою въ Столешниковомъ переулкѣ, Александръ Ребиндеръ, пожелалъ продать кому нибудь свою часть, и начать постройку новаго дома. Я предложилъ ему возвратитъ ему

затраченную имъ сумму вдвое, т.-е. за полтора года дать ему сто процентовъ на капиталъ, но онъ не согласился, найдя, что это мало. Начались понеки покупатели. Никто не давалъ больше, несмотря на массу разныхъ комиссионеровъ. Наши отношенія изъ пріятельскихъ стали весьма натянуты. Ребиндеръ не платилъ слѣдуемыхъ съ него процентовъ въ Кредитное Общество, такъ что домъ могъ быть назначенъ въ продажу съ публичныхъ торговъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ я прибавилъ ему кромѣ двойной затраты имъ капитальной суммы еще 2 или 3 тысячи и купилъ его половину, взявъ кромѣ того совершеніе кучей на свой счетъ. Сдѣлка эта, конечно, не улучшила моихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Была пора заветныхъ мечтаній! Квартиры поднялись на 30 и больше процентовъ и всѣ мечтали составить себѣ капиталы на спекуляціи домами, тѣмъ болѣе, что неурядицы съ рабочими заставили многихъ продавать свои напичканныя гнѣзда, а «Московское Кредитное общество» широко выдавало ссуды и процентъ его былъ гораздо снисходительнѣе пресловутаго Золотого Банка.

Мечты эти скоро разрушились. Сначала Сербская и Восточная войны, а потомъ изгнаніе евреевъ изъ Москвы, заставили пустовать много квартиръ и цѣнность ихъ упала до первоначальной стоимости. Процентомъ, не изъ чего было уплачивать въ Кредитку, и начались перезалогн и дополнительныя ссуды, советъ разорившіе многихъ домовладѣльцевъ. Тѣмъ болѣе, что драконовскія распоряженія Городского Головы Алексѣева и исполняющаго должность Оберъ-Полиціеистра Власовскаго окончательно подорвало ихъ финансовое положеніе. Теперь начинается та же комедія и можетъ быть будетъ длиться до пришествія новыхъ Алексѣева и Власовскаго. Но что будетъ далѣе, увидятъ потомки.

Весной 1876 года славянское благотворительное общество, во главѣ съ Н. С. Аксаковымъ пропагандировало защиту славянскихъ народовъ отъ злыбства турокъ. Московское общество всецѣло высказалось въ пользу возставшихъ славянъ. Московскій благотворительный Комитетъ собиралъ обильныя денежныя средства для веденія освободительной

войны. Въ теченіе войны было собрано болѣе семисотъ тысячъ рублей, кромѣ различныхъ пожертвованій матеріалами. Кромѣ денежной помощи въ Москвѣ были снаряжены походные госпитали для раненыхъ и отправлены въ Сербію и Черногорію. Масса отставныхъ военныхъ солдатъ и офицеровъ отбыли въ Сербію и Черногорію, чтобы встать въ ряды защитниковъ угнетеннаго славянства, всѣхъ этихъ лицъ снабжали одеждой, вооруженіемъ и деньгами на путешествіе, Московскій комитетъ славянскаго общества. Количество отъѣзжающихъ было настолько велико (благодаря дамскому увлеченію москвичекъ, посылавшихъ на освободительную войну своихъ вздыхателей), что одинъ членъ судебной корпораціи, по прибытіи въ Бѣлградъ, не могъ найти себѣ другой дѣятельности, какъ сдѣлаться разносчикомъ пакетовъ и официальныхъ писемъ, чего легко могъ бы достигнуть и въ Москвѣ. Много было толковъ про пожертвованіе Тульскихъ дворянъ и вшеніе въ благотворительную кассу трехсотъ тысячъ рублей Петромъ Федоровичемъ Самаринымъ, но послѣдніе оказались пухомъ. При отправленіи сестеръ милосердія и врачей на войну, служили торжественныя молебны и желали имъ побѣду надъ врагомъ славянства.

Кромѣ словесныхъ громовъ, газеты, журналы и отдѣльныя изданія громили варварство турокъ и тѣмъ увеличивали стремленіе народомаселенія стать въ защиту угнетенныхъ. Принятіе на себя званія Главнокомандующаго генераломъ Черняевымъ, до того воспламенило защитниковъ славянства, что даже генералы отправились къ возставшимъ. Количество протестующихъ было ничтожно и какъ капля не могло утишить пожара. Князь Вяземскій писалъ. Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнеть сплюю возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Ипсволь, а напротивъ—мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги «Il est grand, il est beau de faire des ingrats!» Это говоритъ поэтъ, а политика не то говоритъ. Лучше имѣть для насъ сбоку слабую Турцію, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Сла-

вянію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ. И когда были намъ въ пользу Славяне? Россія для нихъ дойная корова и только. А всѣ сочувствія ихъ уклоняются къ Западу. А мы даемъ доить себя до крени...

Несмотря на то, что повстанцы терпѣли пораженіе за пораженіемъ, такъ что только по требованію Императора Александра II, поддерживаемому другими державами, заключено было перемиріе. Общественное возбужденіе въ Россіи возрастало съ каждымъ днемъ. Добровольцы отправлялись въ Сербію партіями. На обмундированіе ихъ отпускалось сунго и хозетъ изъ казенныхъ складовъ, офицерамъ давались долговременные отпуска, и они отправлялись добровольцами въ Сербію.

Особенно кипучую дѣятельность проявлялъ Н. С. Аксаковъ, отправивъ въ Ливадію посланцемъ А. А. Пороховщикова, желая довести до свѣдѣнія Государя о настроеніи умовъ въ Москвѣ. 21 сентября Государь милостиво принялъ А. А. Пороховщикова, выслушалъ докладъ его о всеобщемъ сочувствіи народа, растрогавшій добросердечнаго Государя до слезъ. Отпуская Государь обіялъ и поцѣловалъ его.

По возвращеніи А. А. Пороховщикова въ Москву, онъ рассказывалъ въ англійскомъ клубѣ подробности своего приѣзда Императоромъ, всецѣло доказывавшаго доброе и отзывчивое сердце Государя.

19 октября получено было извѣстіе о разгромѣ сербовъ и взятіе турками Джинниша и Алексинца и только благодаря требованію Императора Александра II движеніе турокъ было пріостановлено.

Телеграмма опалила крылья воинственныхъ ораторамъ Славянскаго Комитета, но зато напознила гордостью другихъ русскихъ, видѣвшихъ въ покорности турокъ силу земли русской и могущество ся Царя.

Конечно, если бы не интриги нашей недоброжелательницы Англіи, то восточный вопросъ былъ бы улаженъ безъ кровопролитной войны.

28 октября вся Царская семья прибыла въ Москву. 30 октября, принимая въ Кремлевскомъ Дворцѣ Московское дворянство и представителей городской думы, поднес-

шихъ всеподданнѣйшіе адреса, Императоръ сказалъ имъ слѣдующее: «Благодарю Васъ, господа, за чувства, которыя Вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ событій. Они теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять Вашу адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда истинными героями. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать про Сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вѣдѣвъ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію, но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желаю бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же этого не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя бы обезпечивали исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Рѣчь Государя въ Кремлевскомъ дворцѣ, разнеслась съ быстротою молніи не только по Москвѣ, но и по всей Россіи и вызвала сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ.

II. С. Аксаковъ, въ восторженной рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета сказалъ: «Въ Кремлѣ, среди святини и древности Московской, рус-

скій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духи съ его прошлыми и грядущими судьбами, и держать къ нему рѣчь, навѣки призванную въ народную память. Самодержавный Царь явилъ себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ зѣтомъ его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры. Нѣтъ мгновеній, повывишеніе тѣхъ, когда внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ нею живую движущую силой и весь народъ послышитъ себя единымъ цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствахъ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуточку пережили мы съ Вами въ заветный день 30 октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя его мысль и слово и устами Москвы же въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть выражала свою вѣру и страстное желаніе: «Да придетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человечеству, во славу петини Божіей». Вторая Москва, возникала и заговорила вся русская область и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски. Эти слова Государя не были дѣломъ случайнымъ, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ какъ преемникъ Царей, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ,—какъ преемникъ Петра и Екатерины какъ вѣчный блюститель древнихъ преданій и непрерывнаго историческаго завѣта.

Надежда на миръ исчезла какъ дымъ. Хотя конференція въ Константинополѣ и старалась уладить, но было ясно, что скорѣй война должна была разразиться. Всѣ приготвленія къ ней велись усиленно, и дѣлительно русскія войска перешли Пругъ 12 апрѣля 1877 года.

Весной 1877 года выдать я подрядчику малярныхъ работъ чекъ на Коммерческій Судный Банкъ для полученія съ текущаго моего счета, за исполненія имъ работы слѣ-

двумя ему деньги. Спустя часа полтора послѣ его ухода, докладываютъ мнѣ, что подрядчикъ вернулся и принесъ чекъ обратно, такъ какъ по немъ въ Банкѣ уплаты не произвели. Меня крайне удивило такое обстоятельство. На текущемъ счетѣ Банка у меня лежало нѣсколько тысячъ, и я предполагалъ, что чекъ былъ неправильно выписать, или случилась бухгалтерская ошибка. Приказавъ подрядчику идти обратно въ Банкъ, я тотчасъ же поѣхалъ туда самъ. Въ Банкѣ хотя операція производилась, но видно было всеобщее смущеніе и кака-то сутолока между всѣми служащими въ Банкѣ. На вопросъ мой у кассира о причинѣ не выдачи денегъ по моему счету; мнѣ отвѣтили, что это было недоразумѣніе служащихъ и тотчасъ же я получилъ слѣдующую мнѣ сумму. Распорядителя Банка Полянского не было въ Москвѣ, онъ уѣхалъ на отдыхъ въ Ялту. Миліоти и другой директоръ ничего положительнаго мнѣ не сказали. Отъ служащихъ въ Банкѣ я узналъ, что сейчасъ же будетъ собранъ совѣтъ Комитета по поводу ревизіи иностраннаго отдѣленія, въ которомъ вклялся какіе-то безпорядки. Директоръ иностраннаго отдѣленія былъ еврей Ландау, прогорѣвшій Варшавскій банкиръ. Я уѣхалъ изъ банка, не подозрѣвая, что случилось что-нибудь особенно важное. На утро Банкъ былъ опечатанъ, у кассы стояла полиція. Куценъ Алексѣевъ (бывшій вполнѣдствіи Городскихъ Головою), не получивъ слѣдующихъ ему изъ Банка денегъ, заявилъ Прокурору о растратѣ въ Коммерческомъ Ссудномъ Банкѣ, и по его заявленію были положены печати на кассу Банка.

Члены Совѣта хотѣли одновременно ввести растроченный капиталъ, считая его около 2-хъ милліоновъ, но ни Министръ Финансовъ, ни Министръ Юстиціи не согласились на это. Вполнѣдствіи оказалось фальшивыхъ купанцій знаменитаго Струеберга почти на семь милліоновъ рублей. Началось дѣло. Много было толковъ по поводу грандіознаго процесса краха Коммерческаго Ссуднаго Банка, оправданіемъ присяжными частію членовъ Совѣта Банка, а остальныхъ Сенатомъ; обвинили толь-

ко директоровъ Полянского и сврся Ландау. Постѣдній хотя былъ главный и истинный виновникъ краха, но благодаря украденнымъ имъ милліонамъ, несмотря на полное обвиненіе, счастливо уѣхалъ за границу, гдѣ и проживаетъ на благопріобрѣтенный капиталъ. Рѣшеніемъ суда онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ съсылкой въ Сибирь, но, какъ подавшій просьбу о кассациі приговора въ Сенатъ, былъ отданъ на поруки полиціи. При немъ постоянно находился квартальный и два полицейскихъ служителя, жившихъ въ его квартирѣ. Въ одно утро квартальный донесъ, что Ландау бѣжалъ и съ тѣхъ поръ извѣстій о немъ не имѣется. Квартальный былъ преданъ суду, но отдѣлялся только увольненіемъ отъ службы. Слухи ходили, что въ ней онъ не нуждался, бывъ хорошо вознагражденъ Ландау за способствованіе къ побѣгу. Были лица, про которыхъ говорили, что они даже слышали, какъ полицейскіе желали уѣзжавшему Ландау, во время его бѣгства, счастливаго пути. Громкаго же дѣла о побѣгѣ Ландау и наказанія его пособниковъ мы не слышали. Не даромъ онъ укралъ семь милліоновъ. Публика расплатилась за свою довѣрчивость. Крахъ Банка стоилъ мнѣ болѣе тридцати тысячъ.

Пострадалъ только Поляскій. Струебергъ былъ высланъ какъ иностранецъ за границу. Пострадали вкладчики, и особенно акціонеры, потерявшіе весь свой капиталъ, потеря эта стоила мнѣ 35 тысячъ. Поляскій былъ сосланъ въ Сибирь, впоследствии прощенный вернулся въ Москву, но въ Москвѣ ему не удалось пристроиться на мѣсто, и онъ взялъ мѣсто у железнодорожника Лазаря Соломоновича Полякова въ Сибири, гдѣ вскоре и скончался.

ГЛАВА XXIV.

1877 г.—Объявленіе Восточной войны.—Пріѣздъ Государя въ Москву,—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Устройство больницы въ Москвѣ.—Сборъ пожертвованій.—Санитаріис поѣзда.—Пріѣздъ Государя въ декабрь.—Празднество столѣтія рожденія Императора Александра I.—Пожалованіе званія Александровскаго Комитету о раненныхъ.

Ожиданіе начала военныхъ дѣйствій на берегахъ Дуная и на окраинахъ Азіатской границы въ Закавказьи были всеобщі. Всѣ ждали и готовились къ войнѣ. Наконецъ 12 апрѣля манифестъ былъ подписанъ и война объявлена.

Государь изъ Кишинева выѣхалъ въ Одессу, откуда черезъ Кіевъ прибылъ 22 апрѣля вечеромъ въ Москву.

На Курскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ его встрѣтила Государыня Императрица Марія Александровна и Цесаревна Марія Феодоровна, только что прибывшія изъ Петербурга. Улицы Москвы были ярко иллюминированы, такъ какъ въѣздъ въ Москву имѣлъ торжественную обстановку. У часовни Иверской Божіей Матери все царское семейство вышло изъ экипажей и прибѣгало къ поклонѣ.

23 апрѣля утромъ Государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ Московскаго дворянства и городской думы, подпеснившихъ адреса.

Вслушавъ ихъ, Императоръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ пропелъ: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ посреди нашего древняго родного Кремля, я выразилъ Вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ донести щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ; возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ этомъ примѣръ и вполне оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу выѣсть съ Государыней Императрицей благодарить

всѣмъ сословія Москвы отъ глубины души за нихъ истинно патриотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ имъ Богъ исполнить нашу долгъ, и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ воюющихъ, идущихъ въ бой за Вѣру, Царя и Отечество.

Вѣздъ за пріемомъ депутацій состоялся Высочайшій выходъ съ Краснаго Крыльца въ Успенскій Соборъ. При выходѣ на Красное Крыльцо Государь былъ восторженно приветствуемъ народомъ, наполнившимъ соборную площадь. До 1877 года Москва не имѣла не только ни копейки общественныхъ долговъ, но обладала значительнымъ капиталомъ въ миллионъ рублей. Этотъ капиталъ городъ предложилъ Государю на нужды войны. Государь впоследствии вознаграждаетъ Москву. Когда по представленію ходатайства Городской думы о недостаткѣ городской пригородной земли, приказали уступить городскому обществу Соболевичью рощу за 350 тысячъ рублей, когда она, въ сущности стоила нѣсколько миллионѣвъ. Изъ-за этой рощи впоследствии въ 1879 году возникли печальный инцидентъ.

Восточная война прибавившая столько славы русскому оружію, сильно потрясла ея финансовую жизнь и особенно повліяла на торговлю Москвы. Многие магазины закрылись и торговля фирмы обанкротилась. Магазины и квартиры пустовали годами и нередко цѣлые этажи и дома были облеплены бѣлыми билетами съ надписью: «отдается вънаймы». Цѣнность квартиръ сразу упала на тридцать процентовъ.

Въ началѣ недоразумѣній нашихъ съ турецкимъ правительствомъ войска двинулись на южную границу Россіи. Квартіровавшая въ Москвѣ 1-я Гренадерская дивизія направилась въ Азіатскую Турцію подъ начальствомъ своего командира генерала Роона. Выходъ войскъ не былъ замѣтенъ въ Москвѣ. За ихъ удаленіемъ, начали формироваться резервы въ такомъ же, если еще не въ большемъ количествѣ. Дѣятельность благотворительныхъ обществъ усилилась, начался сборъ, разныя пожертвованія и пригото-

ленія больничныхъ теплыхъ и походныхъ вещей, для будущихъ больныхъ и раненыхъ. Устроилось нѣсколько временныхъ больницъ и лазаретовъ на частныя средства. На Поварской, въ домѣ Государственнаго Коннозаводства учрежденъ комитетъ изъ дамъ общества, для сбора пожертвованій деньгами и вещами на помощь упавшимъ войскамъ. Газеты были полны разсказами зѣтрствъ турецкихъ башибузуковъ надъ жителями Болгаріи. Художественныя выставки пестрѣли изображеніемъ погрома, совершеннаго турками по ту сторону Дуная. Общество сильно взволновалось и ожидало объявленія войны. Аксаковъ и К^о громилъ въ газетныхъ листкахъ варварскую Турцію, и призывалъ всѣхъ на брань для защиты меньшихъ братій. Наконецъ 12 апрѣля 1877 года Манифестомъ Государя была объявлена война и войска наши перешли границу Имперіи. Я не буду описывать ходъ военныхъ событій, а разскажу только то, что дѣлала Москва. Пожертвованія, стекавшіяся со всей Россіи по Главному Московскому Комитету дѣлились надвое: часть посылалась за Дунай, а другая въ Азіатскую Турцію. Въ Москвѣ постепенно напимались квартиры для помѣщенія больныхъ, заводились въ нихъ кровати, посуда и устранивались временные госпитали на нѣсколько десятковъ кроватей. Персоналъ докторовъ и сестеръ милосердія находился всегда въ полномъ комплектѣ.

Маленькія больнички были очень симпатичны и предпочитались большими большиимъ госпиталимъ и лазаретамъ. Оно не удивительно. Квартира съ простой обстановкой напоминала частную квартиру, въ какой въ прежнее время привыкъ видѣть себя больной. Не было той казенщины, что царитъ въ госпиталяхъ. Персоналъ служащихъ былъ съ большинствомъ женскій и притомъ женщинъ, добровольно принявшихъ на себя многотрудную и утомительную обязанность. Мягкость отношеній совѣтъ противоположная нашимъ мундирнымъ комиссарамъ. Все это заставляло забывать больного, что онъ лежитъ въ госпиталѣ, а не въ квартирѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ. На Поварской въ домѣ Коннозаводства былъ главный складъ всѣмъ жертвующимъ.

мыми вещамъ и также былъ пріемъ жертвуемыхъ денегъ. Городъ Москва пожертвовать почти весь свой запасный капиталъ—милліонъ рублей. Телеграммы съ театра войны ожидались съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Было устроено нѣсколько санитарныхъ поездовъ съ различными приспособленіями въ вагонахъ. Прибытіе первыхъ раненыхъ въ Москву было событіемъ дня. Многія московскія барыни выѣхали встрѣчать ихъ на дебаркадеръ желѣзной дороги и какъ милости просили помѣстить ихъ въ завѣдываемый ими лазаретъ. Огосударствленіе нашихъ войскъ пѣ-за Балканъ и долговременная осада Плевны сильно волновала всѣхъ москвичей. Всѣ, кто могъ, рвались за Дунай. Военные просили перевода, другіе командировки, а гражданскіе чины желали попасть хотя въ санитарный поездъ. Наша Московская благотворительница А. Н. Стрекалова воспользовалась настроеніемъ общества и устроила въ Вѣхевитской рошѣ городокъ для раненыхъ и убитыхъ воиновъ. Было выстроено нѣсколько отдѣльных домовъ и близъ нихъ каменная прелестной архитектуры церковь. Этимъ инвалиднымъ городкомъ завѣдывалъ полковникъ (теперь генералъ-лейтенантъ) Дмитрій Васильевичъ Мерчанскій, въ то время чиновникъ особыхъ порученій Генералъ-Губернатора. Балы, вечера, азарты и сборы разныхъ видовъ устраивались безпрестанно. Дамы общества искали случая попасть въ завѣдующія и даже въ сестры милосердія временныхъ лазаретовъ. Помѣщеній для лазаретовъ была масса. Москва сразу опустѣла и билетики объ отдачѣ квартиръ видѣлись на каждой улицѣ. Взятіе Плевны въ концѣ ноября наполнили радостью Москвичей. Затѣмъ событія перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы, несмотря на суровое зимнее время, пошли такъ быстро, что въ половинѣ января было видно, что окончаніе военныхъ дѣйствій должно совершиться въ скоромъ времени. Мнѣсть въ Московскихъ лазаретахъ было такъ много, что недостатка въ помѣщеніи раненыхъ никогда не ощущалось. Въ концѣ поста начали возвращаться нѣкоторые изъ Московскихъ добровольцевъ. Возвращались они въ такомъ испитомъ видѣ, благодаря Дунайскимъ лихорадкамъ, что жалко было на нихъ смотреть.

Родной климатъ скоро восстанавливалъ утраченныя ими силы. Проводъ Государя Императора изъ арміи черезъ Вильно въ Петербургъ обрадовалъ всѣхъ, показавъ, что скоро будетъ конецъ нашимъ невзгодамъ. И действительно, 19 февраля былъ заключенъ миръ. Либеральная партія была опечалена, получивъ извѣстіе въ одно время съ вѣстью заключенія мира, печальную вѣсть о кончинѣ гражданскаго правителя Болгаріи, бывшаго городского головы г. Москвы князя Черкаскаго. Много разочарованій принесъ намъ Берлинскій конгрессъ. Хотя мы ожидали много непріятностей отъ зависти къ намъ англичанъ, но иезуитское поведение канцлера Германской Имперіи князя Бисмарка озадачило всѣхъ. Благодаря содѣйствію Россіи, маленькая Пруссія обратилась въ обширную Германскую Имперію и въ благодарность за то, въ первый же удобный моментъ предала ее созданному ареопату, какъ Іуда не за тридцать сребренниковъ, а за вѣчную славу быть маклеромъ Европы.

Въ декабрѣ 1877 года отъ московскаго дворянства, г. Москвы и Земства Московской губерніи посланы были депутаціи съ адресами по случаю возвращенія Государя изъ арміи въ Петербургъ. Депутаціи желали поздравить Государя съ паденіемъ Плевны и плѣненіемъ Османа-паши со всей его арміей. Государь вернулся въ столицу 10 декабря, 12-го праздновать рожденіе Императора Александра I и Комитету о раненыхъ присвоить названіе Александровскаго.

Московскія депутаціи дворянъ и земства были приняты Государемъ 25 декабря, на привѣтствіе ихъ Государь отвѣчалъ: «Благодарю Васъ, господа за выраженіе чувствъ Вашихъ. Чувства эти я давно знаю, въ искренности ихъ никогда не сомнѣвался и твердо увѣренъ, что они вѣкъ останутся неизмѣнными. Да поможетъ намъ Господь со славою и честью довести до конца свято дѣло наше. Жалю, что Васъ нѣсколько задержалъ. Думая депутація представлялась нѣсколько дней ранѣе.

Въ концѣ 1877 года всѣ газеты были наполнены дѣломъ, поднятымъ присяжнымъ подтвержденъ Плевско отъ имени Общества крестьянъ Тульской губерніи. нѣмца графа Воб-

ринскаго, противъ нѣхъ владыцѣ. Крестьяне отыскивали какія-то права свои на земли графа Алексѣя Васильевича. Либеральныя газеты зашумѣли, посыпались разныя были и вебылицы отъ разныхъ корреспондентовъ, такъ что если бы нѣхъ послушать, можно было бы вообразить себя живущимъ въ средневѣковыя времена. Впослѣдствіи все это оказалось неправдою, изобрѣтенной знаменитымъ Плевако, особымъ адвокатскій фортель и реклама своему самовосхваленію; но не въ томъ дѣло.

Шумъ, поднятый Плевако и К^о, былъ разсчитанъ на то, что въ январѣ 1878 года графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій, бывшій въ то время Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства долженъ былъ баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе. Компания эта думала, что графъ, боясь выборовъ, пойдетъ на нѣхъ удочку. Большинство дворянъ были возмущены такимъ неблаговиднымъ подвохомъ либеральствующаго меньшинства и конечно, совѣтовали графу не обращать вниманія на либеральную шумиху и предоставить дѣло суду. Выборы открылись и сразу показали ясно—на чьей сторонѣ большинство. Къ несчастію небольшая кучка либераловъ все-таки пропагандировала идею Плевако. Когда мы не сошлись во взглядахъ на кандидатуру въ Губернскіе Предводители дворянства, то я предложилъ моему оппоненту во время выборовъ придерживаться англійскаго порядка, гдѣ Виги сдѣлываютъ Торіевъ, а Торіи—Виговъ. Мы—Торіи предлагаемъ графа Бобринскаго, какъ нашего представителя, а вы Виги, предложите нашего принципа знаменитаго Плевако. Всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ собравшихся слушателей. Споръ былъ конченъ. Когда приступили къ чтенію параграфовъ порядка выборовъ въ Губернскіе Предводители, гдѣ говорится, что лицо, занимавшее мѣсто Губернскаго Предводителя баллотировается первымъ,—Графъ Алексѣй Васильевичъ сказалъ: «Пользуюсь моимъ правомъ, я прошу баллотировать меня» и удалился изъ залы. Громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова графа. Конечно онъ былъ выбранъ блистательно,—почти единогласно, а г. Плевако проигралъ въ судѣ и въ общественномъ мнѣніи.

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи выборовъ, когда графъ Алексѣй Васильевичъ обѣдалъ у меня въ кругу своихъ близкихъ друзей В. А. Шереметева, Д. А. Столыпина, графа Гудовича и др., то во время тоста, предложеннаго мною за его избраніе, отвѣчая мнѣ, сказалъ: «Благодарю Васъ за пожеланія, въ искренности которыхъ я не сомнѣваюсь, хотя мнѣ извѣстно, что кромѣ моей кандидатуры, вами былъ предложенъ мой оппонентъ». Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на юмористическую шутку, въ прибавленіе его отвѣтнаго тоста.

ГЛАВА XXX.

Возвращеніе войскъ въ Москву.—Дворянскій выборъ графа Бобринскаго.—
Покупка дома для военнаго вѣдомства на Пречистенкѣ.—Губернаторы: Дурново, Перфильевъ.

Понемногу стали возвращаться въ Москву войска изъ Азіатской Турціи и лица, чѣмъ нибудь связанныя съ военнымъ бытомъ. Въ Москву былъ назначенъ новый начальникъ Военнаго округа графъ Бревернъ-де-Лагарди, а начальникъ штаба Сергѣй Михайловичъ Духовской (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Туркестана), теперь покойникъ. Прежній начальникъ Московскихъ войскъ генералъ Гильденштрубе былъ переведенъ въ Петербургъ. Въ продолженіе лѣта, многіе лазареты еще функционировали, но къ осени все вошло въ свою колею, только въ военномъ городѣ въ Всехсвятской роцѣ прибавилось обитателей. Осенью Москва начала свои веселья, ожидалось нѣсколько свадебъ, но возвращенія войскъ съ похода, а зимой должны были состояться выборы дворянства, подогрѣтыя еще либеральной шумихой, пропагандирующей дѣло крестьянъ графа А. В. Бобринскаго. Когда графа выбрали блистательно, то почти все дворянство прямо изъ зала собранія поѣхало къ нему поздравить его съ наступленіемъ новаго трехлѣтія его дѣятельности на пользу Московскаго дворянства. Конечно графъ былъ утвержденъ въ должности. Графъ недолго оста-

вался Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, бывъ вскорѣ назначенъ членомъ Государственнаго Совета. На экстренныхъ выборахъ губернскимъ предводителемъ былъ выбранъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, прежній кандидатъ графа Бообринскаго. Повсемѣну все начало приходить въ свою обычную колею. Возвращеніе войскъ и вступленіе въ новую должность командующаго войсками графа Бревенъ-де-Лагарди началось съ того, что военнымъ Министерствомъ было куплено одинъ изъ домовъ, оставшихся не проданными на рукахъ кредитнаго общества. Домъ занималъ почти цѣлый кварталъ, выходя фасадомъ на Пречистенку, бокомъ простираясь по всему Всеволожскому переулку и выходя снова отдѣльнымъ домомъ по улицѣ Остоженкѣ. Домъ этотъ остался за кредитнымъ обществомъ за четыреста тысячъ и правленіе не находило покупателя. Военное министерство взяло его за долгъ общества. Теперь домъ этотъ цѣнится въ полтора милліона. Странная судьба этого дома. Принадлежалъ онъ въ старину богатымъ помѣщикамъ Всеволожскимъ, владѣльцамъ извѣстныхъ желѣзныхъ заводовъ. Во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Большой домъ, выходящій фасадомъ на улицу Пречистенку сгорѣлъ. Остались одни фундаментальныя стѣны. Окна и двери были заколочены досками и домъ стоялъ необитаемъ. Такъ засталъ я его въ 1841 году. Флигеля по Всеволожскому переулку и домъ по улицѣ Остоженкѣ были заняты мелкими квартирантами, но имѣли всегда видъ полуразрушеннаго дома, въ немъ болѣе ютились мастеравые. Большой домъ по Пречистенкѣ поражалъ прохожающихъ, какъ стѣпецъ, своими заколоченными окнами, а зимой вой вѣтра въ его опустѣлыхъ, безъ половъ и потолка, залахъ, производилъ такую музыку, особенно въ ночное время, что легенда приписывала ему быть обиталищемъ безплотныхъ духовъ разныхъ наименованій. Въ началѣ 70-хъ годовъ уполномоченный купца Афанова, армянинъ Степановъ, удалившись отъ дѣлъ, купилъ у Администраціи Всеволожскихъ эту руину и началъ ее отдѣлку. Большой домъ по Пречистенкѣ былъ сданъ и приспособленъ для вновь учрежденнаго яхтъ-клуба. Но клубъ, несмотря на поддержку своего командора Мейна

и другихъ желѣзнодорожныхъ строителей, просуществовать недолго, и за неимѣніемъ средствъ, закрылся. И только разъ обѣдалъ тамъ по случаю какого-то праздника. Офисъ клуба была роскошная, но имѣла видъ Московскаго купеческаго пошиба. Дѣла Степанова пошатнулись, квартиры пустовали и наконецъ домъ за неплатежъ остался за кредитнымъ обществомъ во время домовладѣльческаго кризиса. Военное Министерство приспособило квартиры для разныхъ учреждений своего вѣдомства и заняло ими весь кварталъ домовъ.

Москва жила опять своею, ею одною выработанною оригинальною жизнью. У генералъ-губернатора князя Долгорукова также повторялись его четыре бала: одиень большой для всѣхъ и три малыхъ для избраннаго общества, всѣ увеселенія кончались въ воскресенье на масляницѣ *folle journée*. Въ 12 часовъ подавался ужинъ *à la fourchette* и всѣ расходились по домамъ. Болѣе любезнаго и внимательнаго хозяина трудно было найти. Князь, несмотря на свои преклонные года, встрѣчать всѣхъ и провожать всѣхъ въ пріемной комнатѣ, а всѣмъ его адъютантамъ и чиновникамъ особыхъ порученій, вмѣнено, было въ обязанность наблюдать, чтобы приглашенные барышни не оставались безъ танцующихъ кавалеровъ.

14-го Апрѣля 1879 года Москва праздновала пятидесятилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ своего генерала-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Празднество это отличалось общимъ единодушіемъ. Князя любили въ Москвѣ за его доступность всякому нуждающему въ его власти. Не было часа дня, когда бы, въ случаѣ крайней необходимости, князь отказался принять просителя.

Съ ранняго утра 14-го Апрѣля домъ генералъ-губернатора кишѣлъ пародомъ подобно улью.

И былъ въ числѣ депутація отъ Александро-Маріинскаго женскаго училища, поднесшаго князю изображенное изъ серебра подобіе дома, гдѣ родился князь. Домъ подносился отъ имени Варвары Евграфовны Чертовой, Юліи Альбертовны Воейковой и меня. И съ двумя чиновниками канце-

ларіи, несшими этотъ тяжелый подарокъ, помѣстились въ желтой гостиной, но вскорѣ мы были потребованы въ нижній этажъ дома въ жилыя комнаты князя, гдѣ онъ желалъ прежде выхода своего въ парадныя залы принять В. Е. Чертову. Домъ этотъ былъ первымъ подношеніемъ князю за этотъ достопамятный для него день. Идея этого подношенія была моя, большинство же капитала Юліи Адальбертовны Коейковой.

По окончаніи литургіи въ домової церкви генераль-губернаторскаго дома, князь началъ приемъ въ желтой гостиной, спервоначала дамъ общества, затѣмъ духовенство и потомъ прочія депутаціи. Приемъ длился до 6 часовъ вечера. Многочисленныя депутаціи принесли многочисленныя подношенія, которыя князь по своей кончинѣ пожертвовалъ въ Румянцевскій музей, гдѣ они и хранятся теперь.

Вечеромъ гражданскій губернаторъ В. С. Перфильевъ давалъ въ честь князя обѣдъ, на которомъ присутствовали депутаты, прибывшіе изъ С.-Петербурга. Затѣмъ 17 апрѣля давалъ обѣдъ Московскій губернскій предводитель графъ А. В. Бобринскій. Черезъ нѣсколько дней давалъ обѣдъ въ честь князя Московскій Городской Голова С. М. Третьяковъ. Московскій Англійскій клубъ тоже чествовалъ князя обѣдомъ.

Вообще популярность князя въ Москвѣ была всеобщая. Конечно этому много способствовало благоволеніе къ князю Императора Александра II, который во время прѣзиденсва своихъ въ Москву, явно выказывалъ свое къ нему расположеніе и постоянно утверждалъ всѣ награды, которыя князь испрашивалъ для жителей Москвы.

Но награды эти создали массу благотворительныхъ учрежденій, существующихъ и прогрессирующихъ до сихъ поръ, тогда какъ большинство получившихъ награды снятъ вѣчнымъ и спокойнымъ сномъ. Списки же полученныхъ ими отличій хранятся только въ различныхъ архивахъ ихъ служебной дѣятельности.

Перемѣна въ обществѣ на приемахъ и балахъ Московскаго генераль-губернатора отразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ прежнее время пошастъ на балъ къ генераль-

губернатору женѣ каковаго либо мелкаго чиновника, или женѣ купца считалось почти недоступнымъ событіемъ, но въ послѣдніе годы своего генераль-губернаторства князь Владиміръ Андреевичъ измѣнилъ свою тактику; на его балахъ не рѣдко появлялись богатые купчихи, жены мелкихъ чиновниковъ и однажды видѣли на балѣ еврейку жену адвоката.

На поздравленіяхъ съ новымъ годомъ и праздникомъ Св. Пасхи, кромѣ служащихъ лицъ, принимались всѣ гласные городской думы. Гласные въ то время были многочисленны, была между ними такъ называемая черная сотня, у которой былъ свой предводитель мѣщанинъ Жадаевъ. Жадаевъ въ роли либеральнаго предводителя черной сотни являлся на поздравленіе въ длиннополомъ сюртукѣ, а при выходѣ на улицу накидывалъ снужку, засаленную потертую чуйку. При одномъ разѣздѣ, когда мы на парадномъ крыльцѣ ждали своихъ экипажей, вышелъ на цего Жадаевъ въ своей чуйкѣ. Часовой жандармъ не замѣтилъ выхода Жадаева изъ дома, и предполагая, что онъ пробрался на крыльцо, изъ числа гласнющихъ на разѣздъ площадной публички, грубо дернулъ его за рукавъ и сказалъ: «зачѣмъ толкаешься на господскомъ мѣстѣ, ступай на ту сторону въ чародъ». Я гласный, крикнулъ Жадаевъ. Ступай, ступай, твердилъ жандармъ, препровождая его между плечъ, тамъ околоточный разберетъ каковаго ты согласи. Вранъ и крикъ Жадаева привлекли вниманіе полиціи, и сцена была прекращена.

Нечаянное паденіе моей дочери со стула во время урока англійскаго языка, причинившее ей разстройство нервной системы было причиною, что мы съ женою мало выѣзжали въ эту зиму. Кромѣ того, вслѣдствіе продажи дома жены моей на Пречистенскѣ,—мы устроивали для себя квартиру въ домѣ моемъ въ Столешниковомъ переулкѣ, что также отвлекло насъ отъ посѣщенія вечеровъ и баловъ.

Московскій-губернаторъ Петръ Павловичъ Дурново былъ переведенъ въ Петербургъ и на мѣсто его былъ назначенъ Московскій вице-губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ, мой сосѣдъ по Тамбовскому имѣнію. Перфильевъ

былъ у насъ въ Тамбовѣ, Членомъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ его очень любили. Дѣйствительно, это былъ душа-человѣкъ, весь въ отца Степана Васильевича, бывшаго начальника Московскаго жандармскаго управленія, во время царствованія Императора Николая I; смѣло можно сказать, что отецъ и сынъ лично отъ себя не сдѣлали никому вреда, а всякому старались помочь по возможности, въ чемъ это отъ нихъ зависѣло. Англійскій клубъ перешелъ опять въ свое прежнее помѣщеніе и страсти, возбужденныя прошедшей войной и неудачной наемкой дома Малкѣея, понемногу утихли.

ГЛАВА XXXI.

1879 г. Броженіе въ студенческихъ кругахъ.—Скандалъ въ Городской Думѣ.—Выходъ въ отставку: Головы, помощника и членовъ управы.—Выборъ Чичерина.—Покушеніе Соловьева.—Варыть на пассажирской станціи Курекой дороги.

Зима 1878—1879 года прошла въ Москвѣ тихо, только изъ Петербурга постоянно было слышно о разныхъ заговорахъ, устройствахъ взрывчатыхъ аппаратовъ и подпольномъ броженіи въ средѣ нашей учащейся молодежи. Вообще въ воздухѣ много было электричества, на время было затихшаго, во время кампаній, а теперь съ новою силою работающаго въ подпольномъ нигилистическомъ царствѣ.

Между студентами университета были постоянныя волненія. Неоднообразно начальство университета, не бывъ въ состояніи утишать волненіе, прибѣгало къ помощи администраціи и только благодаря принятымъ ею мѣрамъ волненіе утихало.

Слухи изъ Петербурга волновали Москву. Смерть шефа жандармовъ Мезенцева, убитаго среди бѣлаго дня на людной улицѣ столицы, возбуждало всеобщее негодованіе, на бездѣятельность и близорукость полицейской власти. Всеобщій гласъ утверждалъ, что это было слѣдствіемъ оправданія Вѣры Засулицъ, покушавшейся на жизнь А. А. Тре-

пова. Петербургъ конечно не обратилъ вниманія на негодованіе Москвитчей. При назначеніи Лорисъ-Меликова О. О. Треповъ ушелъ съ поста С.-Петербургскаго Градоначальника—его замѣстилъ генераль-маіоръ Федоровъ.

Вѣсть о покушеніи уволеннаго сельскаго учителя Соловьева на жизнь Государя 2 апрѣля, когда Государь возвращался съ прогулки близъ Зимняго дворца, сильно вознужала Москвитчей. Государь раненъ не былъ, хотя Соловьевъ стрѣлялъ на весьма близкомъ разстояніи и плащъ Государя былъ прострѣленъ, въ чемъ видѣли особое счастье.

Когда Государь вскорѣ проѣзжалъ черезъ Москву, то безчисленная толпа явилась на желѣзнодорожную станцію привѣтствовать Государя и поздравить его съ счастливымъ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности. Государь ѣхалъ въ томъ плащѣ, который былъ на немъ въ день катастрофы и показывалъ плащъ обступившимъ его дамамъ Московскаго общества, говоря: «По мнѣ стрѣляли, какъ по зайцу».

Государь преслѣдовалъ въ Іпвадію, гдѣ по случаю, болѣзни Императрицы пребылъ вторую половину апрѣля и май и только 23 вернулся въ Петербургъ.

Въ Московской городской думѣ тоже произошла революція. Большинство гласныхъ возстало на Городскую Управу, и особенно на городского голову Третьякова, товарища его Леонида Николаевича Сумбуза и члена Управы Петунниковъ. Причина была выставлена — плохое хозяйничаніе во вновь прибрѣтенной городомъ Сокольниковой рошѣ, но подъ рукою говорили, что умыселъ другой тутъ была. Послѣ рѣзкихъ думскихъ дебатовъ, бывшихъ въ засѣданіи думы, Городской голова Третьяковъ съ составомъ всей управы рѣшились подать въ отставку; но въ дѣйствительности подали крохъ головы и его помощника только часть членовъ, да и то въ послѣдствіи нѣкоторые вернулись въ Управу. Богѣ всѣхъ пострадалъ Петунниковъ, насадитель и украшатель бульваровъ. Петунниковъ учредилъ Новинскій бульваръ, садъ на Лубянской площади и бульваръ на Трубнои площади. Вообще Петунниковъ, какъ магистръ ботаники старался развить древесную растительность въ пыльной Москвѣ.

Обида, нанесенная Третьякову была ему чувствительна потому, что по его ходатайству, правительство уступило городу Соколыни за триста тысяч, когда они стоили больше миллион. Городъ нуждался въ пригородной землѣ, потому ходатайство его было уважено и правительствомъ принято было во вниманіе, что Москва первая пожертвовала, при началѣ послѣдней войны на нужды государства, весь свой запасный капиталъ, заключающійся въ миллионъ рублей серебромъ.

Москва обезголовилась окончательно, такъ какъ товарищъ головы тоже подалъ въ отставку. Начались поиски кого бы посадить на вакантное мѣсто. Предлагали бывшему Головѣ князю Александру Алексѣевичу Щербатову, но тотъ помни обиду, нанесенную ему во время баллотировки его и Лямина, отказался отъ предлагаемой чести. Начались шушуканья по угламъ нашихъ воротилъ, и вскоре разгласилась вѣсть, что Московскимъ головой будетъ бывший профессоръ Московскаго Университета В. П. Чичеринъ, Тамбовскій помѣщикъ. Чичеринъ былъ рекомендованъ гласными: княземъ Щербатовымъ, Аксаковымъ и Дмитріемъ Федоровичемъ Самаринымъ. У Чичерина не было никакой собственности въ Москвѣ. Нашли какую-то продающуюся хибарку на окраинахъ столицы, заложившую въ знаменитой кредиткѣ, которую тотчасъ же купили на имя В. П. Чичерина и утвердили во владѣніи новаго собственника и въ первое же засѣданіе Думы выбрали новаго голову. Но недолго управлять Москвою В. П. Чичеринъ. Велѣдствіе какого-то недоразумѣнія, во время коронаціи Императора Александра III, Чичеринъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Д. С. С. Тарасовымъ, вскоре сошедшимъ съ ума, за нимъ наступила Алексѣевичина, но я замелъ далеко, объ этомъ внослѣдствіи.

19 ноября ожидали прибытія въ Москву проѣздомъ изъ Ливадіи Государя Императора, гдѣ онъ пребывалъ по случаю болѣзни Императрицы Маріи Александровны, уѣхавшей 16 числа для лѣченія за границу.

Государь прибылъ въ назначенное время въ Москву благополучно, помолвившись по обычаю у чудотворной Иконы

Иверской Божіей Матери, прослѣдовать въ Кремлевскій дворецъ. На утро былъ назначенъ выходъ въ Успенскій Соборъ.

Но послѣ пріѣзда Государя близъ станицъ случилась невѣроятная катастрофа, которую власти не знали и непредвидѣли.

На слѣдующее утро въ обычный часъ мы начали собираться въ залы дворца, гдѣ уже шли обсужденія вчерашняго происшествія. Въ Екатерининской залѣ ораторствовалъ Князь Д. Д. Оболенскій, который слѣдовалъ во второмъ свитскомъ поѣздѣ. Князь говорилъ, что когда на третей верстѣ, не доѣзжая станицъ Москва, поѣздъ былъ остановленъ влѣдствіе взрыва полотна въ Рогожской части, то онъ тотчасъ же, на павозчикѣ, поѣхалъ въ Кремль, гдѣ всѣ уже спали. Приказавъ разбудить графа А. В. Адлерберга, онъ разсказалъ ему про происшедшую катастрофу въ 10 час. 25 мин. ночи. Подкошъ былъ сдѣланъ изъ одного изъ домовъ, находящихся близъ полотна дороги. Заговорщики перемѣнили поѣзда свитскій и Императорскій, принявъ одианъ за другой и потому покушеніе вышло неудачно и главное безцѣльно.

Когда Государь на утро слѣдующаго дня вышелъ въ Георгиевскую залу, то взрывъ восторга и громкое неумолкаемое ура встрѣтило Государя отъ собравшейся публики.

По окончаніи выхода Государь принимать представителей сословія, которымъ сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на которомъ люди неблагонамѣренны стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше Отечество постепенно развивающееся ясными и законными путями. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое какъ вамъ, такъ и Мнѣ.

Государь пребылъ въ Москвѣ два дня. Это былъ предпослѣдній пріѣздъ Государя въ Москву.

Затѣмъ въ слѣдующемъ году въ февраль разнесся слухъ

о взрывѣ 5 числа въ Зимнемъ дворцѣ, по мѣры къ несо-
решенію брамоты приписались только паліативныя п при-
вели, наконецъ, къ злодѣйству 1 марта.

ГЛАВА XXXII.

1880 г.—Возвращеніе Государини въ Россію —Кончина Ея.—Постройка вы-
ставочнаго зданія на Ходынскомъ полѣ.—Приготовленіе къ освященію Храма
Христа Спасителя.—Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ.—Празднованіе 25-ти лѣтня
вступленія на престолъ Императора Александра II.

23 января Государиня Императрица, чувствуя упадокъ
силъ, пожелала вернуться въ отечество и прибыла въ
Петербургъ. Силы ея быстро падали и она уже не вста-
вала съ постели и 22-го мая мирно опочила.

Весной 1880 года началась постройка на Ходынскомъ
полѣ Всероссийской выставки. Толки и разговоры по при-
готовленію къ ней занимали Москву. Освященіе такъ долго
строющагося Храма Христа Спасителя хотѣли также приу-
рочить къ этому времени. Но все это разстроилось вопи-
ющею Государя Александра II.

Постройкой выставки завѣдывалъ профессоръ С.-Петер-
бургскаго Технологическаго Института Вышнеградскій,
бывшій впоследствии нашимъ министромъ финансовъ, послѣ
отставки Бунге. На мѣстѣ, распланированномъ для нея въ
свободныхъ мѣстахъ былъ разбитъ паркъ, остатки кото-
раго мы видимъ теперь на Ходынскомъ полѣ. Въ первый
разъ Москва увидала на практикѣ электрическую дорогу,
устроенную по выставкѣ какою-то компаніею. Городская
управа разработала бывшій на Ходынскомъ полѣ колодезь
и провела изъ него воду въ будущее зданіе выставки. Ожи-
даній и выгодъ отъ предстоящей Всероссийской выставки
было много, но послѣдствія показали, что не все ожиданія
исполняются.

19 августа Государь былъ проездомъ въ Ливадію въ
Москвѣ. Государь пробылъ всю осень въ Крыму и вер-
нулся въ Петербургъ 28 ноября.

Взрывъ 5-го февраля въ подвальномъ помѣщеніи Зимняго дворца наполнилъ ужасомъ сердца всѣхъ истинно русскихъ людей. Недостаточность мѣръ, принятыхъ Петербургскою администраціей, была очевидна. Но петербургскіе либералы думали болѣе о томъ, что скажетъ о нихъ заграничная либеральная пресса, чѣмъ что скажетъ о нихъ православная Россія, преданная порядку и любви къ отечеству. Диктатура сердца надѣла трауръ на всю Россію.

19 февраля въ Петербургѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованіе Государя. Въ Москвѣ все было тихо; кромѣ официальныхъ торжествъ время это прошло безъ выдающихся событій. Московскій Генералъ-Губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ уѣхалъ въ Петербургъ для присутствія въ Комитетѣ, въ числѣ созданныхъ туда всѣхъ Генералъ-Губернаторовъ.

ГЛАВА XXXIII.

1881 г.—Кончина Государя.—Похороны Государя.

Осенью, послѣ покушенія на жизнь покойнаго Государя Александра II Соловьевымъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ огромными полномочіями, былъ назначенъ Кавказскій генералъ новочисленный графъ Торисъ-Меликовъ. Либералы торжествовали, увѣряя, что, несмотря на представленную ему диктатуру, онъ будетъ укрощать бунты и заговоры диктатурой сердца. Первымъ отвѣтомъ на его программу было покушеніе на его жизнь какимъ то евреемъ, котораго крѣтко повѣсили. Но диктатура кротости не удалась, и завершилась неслыханнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 года. Царь, давшій свободу милліонамъ бѣглыхъ, давшій свободу слова и свободу печати, былъ звѣрски убитъ людьми, выведенными Изъ изъ мрака неволи. 1 марта вечеромъ жена моя, возвратясь съ панихиды по матери своей, рассказала мнѣ, что сестра ея княгиня Шахеева, отъ пріѣзжихъ на Петербургскомъ вокзалѣ, слышала, что на Государя было сдѣлано покушеніе и что Государь

смертельно равнень. Сначала я принялъ это за утку, по утреннія газеты подтвердили дѣйствительность этого грустнаго происшествія. Я собрался было тотчасъ же вѣхать въ Петербургъ, но семейное горе остановило мою поѣздку въ столицу. 27 февраля вечеромъ скончалась мать моей жены Анна Павловна Гевличъ. Похороны и горе моей жены задержали отъѣздъ мой въ Петербургъ. Устроившись въ Москвѣ, я 7-го марта выѣхалъ въ Петербургъ, желая поклониться праху покойнаго Государя и если возможно присутствовать на его похоронахъ. Судьба устроила такъ, что я по придворному званію назначенъ былъ дежурнымъ при гробѣ и регалияхъ въ день похоронъ Государя. Въ 9½ часовъ утра я былъ уже въ Петропавловскомъ соборѣ, что въ крѣпости: начало послѣдней заупокойной обѣдни было назначено въ 10 часовъ утра. Въ соборъ допускались только дежурные придворные кавалеры и чины первыхъ трехъ классовъ, такъ какъ мѣстъ по необширности собора не хватало. Всѣмъ остальнымъ лицамъ входъ былъ недозволенъ. Я помню какъ нѣкій камеръ-юнкеръ С., когда дежурный церемоніймейстеръ просилъ его удалиться изъ собора, спрятался за колонну, но оттуда былъ изъясненъ и удаленъ изъ собора. Во время служенія обѣдни и панихиды, я стоялъ въ ногахъ гроба, у лѣвой подушки отъ головы, наискось противъ Государя Александра III и всей Царской Фамиліи. По другую сторону, у ногъ почившаго Императора, стояла группа всѣхъ министровъ. Заупокойная обѣдня съ панихидой окончилась во второмъ часу. Послѣ послѣдняго прощанія царскаго семейства съ покойнымъ Императоромъ, гробъ былъ закрытъ и Императорское семейство удалилось, а за ними ушли и всѣ присутствовавшіе. Соборъ былъ занерть, въ немъ оставались только дежурныя части изъ свиты придворныхъ особъ. Гробъ сняли съ катафалка, отнесли къ приготовленному склепу, установили въ мѣдный гробъ, запертый двумя ключами при внутреннемъ замкѣ и опустили въ склепъ. Одинъ ключъ взялъ Министръ Двора Графъ Адлербергъ, а другой вручили коменданту крѣпости. Затѣмъ сводъ склепа былъ задѣланъ, плиты уложены на мѣсто. Протоколъ былъ подписанъ де-

журствомъ и мы пѣхъ съ Императорскими регалиями удалились изъ собора. Разсѣдали насъ въ придворные экипажи, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ конвоемъ конногвардейцевъ, и траурнымъ торжественнымъ маршемъ тронулись мы черезъ замерзшую Неву къ Зимнему дворцу. На льду Невы, по всей дорогѣ стояли шпалерами казаки, охраняя нашъ поѣздъ. Императорскую корону везъ генералъ-адмиралъ графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ съ ассистентами, а державу Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. Всѣхъ экипажей было болѣе десяти. Въ Зимнемъ дворцѣ регалии встрѣтили дежурныя части. Мы торжественно понесли ихъ въ бриллиантовую комнату и въ 4 часа разъѣхались по домамъ. Пробывъ съ 9 часовъ до 4-хъ на ногахъ, я очень очень усталъ и радъ былъ добраться до дому. Петербургъ былъ мраченъ, разнородныхъ толковъ была масса; всѣ ждали новыхъ катастрофъ, но, благодаря Бога, повемногу все успокоилось и вошло въ свою колею. Лорисъ-Меликовъ вскорѣ былъ уволенъ и уѣхалъ за границу. Оберъ-полицеймейстеръ отчисленъ отъ службы по неспособности, и долженъ былъ нестать ее въ частныхъ занятіяхъ. Я пробылъ въ Петербургѣ нѣсколько дней. Всеобщее недоумѣніе царило въ обществѣ. Разнородные толки бродили между жителями. Всякій предсказывать будущее направленіе согласно своему желанію и той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Государь молчалъ и самые близкіе къ нему люди не знали, что будетъ на завтра. Я уѣхалъ въ Москву спустя три дня послѣ похоронъ.

Москва болѣе предугадывала грядущія событія, чѣмъ либеральный Петербургъ. Тогда какъ послѣдній мечталъ о конституціяхъ и еще болѣе распушенности въ администраціи и юриспруденціи, первая подъ главенствомъ Каткова взывала объ обузданіи расходившихся либераловъ и болѣе строгому правленію Державной власти, указывая тѣмъ, что только тогда крамола исчезнетъ въ подпольѣ, когда власти не будутъ дремать, а зорко слѣдить за исполненіемъ вѣреннаго имъ управленія.

Смѣна графа Лорисъ-Меликова съ поста Министра Внут-

реинихъ Дѣль ясно показала Россіи, что Государь не сочувствуетъ распущенности администраціи подъ либеральной окраской. Замѣнившій его графъ Пнатьевъ не долго удержался на мѣстѣ. Затѣмъ твердая воля Государя Императора, оставившаго скользкій путь, избранный нашей либеральной партіею, въ сторонѣ, скоро показала, что большинство русскихъ не сочувствуетъ либеральной шумихѣ, совсѣмъ не сродной русскимъ. Перемена политическихъ взглядовъ успокоила общество и заставила реакціонеровъ попятаться въ свои клонимыя цели. Понемногу и Москва приняла свой обычный и спокойный видъ. Предполагавшаяся къ открытію Всероссийская выставка вслѣдствіе траура была отложена на неопредѣленное время. Храмы Христа Спасителя тоже не были освящены. Оба торжества отложены были до окончанія траурнаго срока.

ГЛАВА XXXIV.

Кончина Принца П. Г. Ольденбургскаго.—Отставка Серебрякова и выборъ новаго правителя дѣлъ прѣторовъ.

Въ іюнѣ 1881 года получилое горестное извѣстіе о кончинѣ Главноуправляющаго Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи Вѣдомства Императрицы Маріи. Его Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Его Высочество долго состоялъ во главѣ благотворительнаго учрежденія, своею добротою и отзывчивостію къ помощи ближняго приобрьлъ такую массу петыхъ поклонниковъ въ завѣдываемыхъ имъ учрежденіяхъ, что кончина его удручающе подѣйствовала на весь персоналъ служащихъ. Всякій зналъ, что всегда могъ разчитывать на полное сочувствіе и немедленную помощь нуждающемуся, а тутъ почти внезапная смерть сразу закрыла настежь открытыя для нужды и помощи двери. Было отъ чего задуматься многимъ.

По кончинѣ Его Высочества Принца Ольденбургскаго на его мѣсто былъ назначенъ статсъ-секретарь Гротъ. Ждали мы пріѣзда новаго начальства въ Москву. Но слу-

хоть новое начальство хотѣло перемѣнить способъ благотворенія по другому режиму. Приѣздъ Грота показалъ намъ, что Петербургъ косо смотрѣлъ на Московскихъ заправлялъ благотворительныхъ обществъ, и всѣми способами хотѣлъ удалить нѣкоторыхъ изъ насѣженныхъ имъ мѣстъ. Я въ то время занималъ должность директора Торлецкаго Приюта, почти независимо отъ Совѣта, какъ содержимаго на пожертвованные Торлецкимъ капиталы, сборомъ съ воспитанниковъ за ученіе, а остальные недобраивые гроши уплачивала попечительница Елена Григорьевна Торлецкая. По приѣздъ Грота въ Москву для обозрѣнія всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учреждений, всѣ служащія въ вѣдомствѣ являлись къ нему, въ числѣ прочихъ, конечно, и я. Въ субботу Гротъ обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда онъ подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ о правительствѣ дѣлъ канцеляріи приютовъ тайномъ совѣтникѣ Алексѣѣ Дмитриевичѣ Серебряковѣ. Видимо было, что Гротъ по слухамъ былъ недоволенъ Серебряковымъ и желалъ выпытать отъ меня справедливость дошедшихъ до него слуховъ. Но я уклонился отъ того, заявивъ, что занимаюсь только вѣрешной мнѣ частью, а не принадлежу къ группы пріятелей Серебрякова и помощника его Сафонова, и не знаю подробностей канцеляріи. Вскорѣ былъ назначенъ ревизіонный совѣтъ по дѣламъ канцеляріи изъ всѣхъ директоровъ приютовъ, попечительницъ и чиновника для особыхъ порученій Грота, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барановскаго, съ братомъ котораго Гротъ былъ одно время губернаторомъ въ двухъ соединенныхъ губерніяхъ, и находился въ большой дружбѣ. Бывшій губернаторъ былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, а братъ чиновникомъ особыхъ порученій. Выборъ послѣдняго былъ неудаченъ. Барановскій, получивъ предписаніе отъ Грота уничтожить Серебрякова началъ безтактно проводить свои нападки къ мелочамъ канцелярской переписки. Помощникъ Серебрякова Сафоновъ, тотчасъ подалъ въ оставку *il a résolu pour mieux s'en tirer*. Совѣтъ приютовъ постоянно собирался въ квартирѣ предсѣдательницы Чертовой. Я хотя постоянно бывалъ на Совѣтахъ, но мало принималъ участія въ дебатахъ, а болѣе

слушалъ безсодержательную болтовню. Барановскій приди-
рался къ мелочамъ, а Серебряковъ и компанія слабо от-
вѣчала ему, какъ будто бы боясь затронуть глубже во-
просъ, и навесить Барановскаго на истинный путь. Можеть
быть страхъ ихъ былъ не разсердить Грота своими рѣ-
зкими отвѣтами, Рѣчи Барановскаго были день-отъ-дня рѣзче
и смѣлѣе, что обижало старуху Чертову. Лично до управ-
ляемаго мною приюта, не произнесено было ни одного
звука неодобренія, а напротивъ, Барановскій всецѣсно пе-
калъ моей поддержкѣ въ своихъ нападкахъ на канцелярію
Совѣта; я молчалъ или слабо старался примирить вражду-
ющія стороны. Былъ однажды у князя Владиміра Андре-
евича Долгорукова, я былъ спрошенъ имъ, что дѣлается
въ нашихъ совѣщаніяхъ у Чертовой. Я разсказалъ ему
суть дѣла. Князь спросилъ меня, — отчего не дадутъ отпора
Барановскому? Я пояснилъ князю, что дѣлами канцеляріи
я никогда не интересовался, а занимался только вѣрен-
нымъ мнѣ приютомъ, и такъ какъ лично мое заведеніе и
мою дѣятельность не критикуютъ, то я и держусь въ сто-
ронѣ. Тогда князь обратился ко мнѣ, сказавъ: Чертова
пріѣзжала ко мнѣ жаловаться на безцеремонное обращеніе
Барановскаго и просила меня помочь ей. Вотъ бы вы за-
явилили ее на совѣщаніяхъ. Князь, отвѣтивъ я, защищая
Чертову и Серебрякова, я дѣлаюсь вратомъ Грота, моего
прямого начальника, что не совѣсть удобно, тѣмъ болѣе,
что въ бытность его въ Москвѣ, онъ былъ любезенъ со
мною, и не смотря на всю сдержанную натуру, наговорилъ
мнѣ много дельнаго. Я нѣко съѣдѣнія изъ Петербурга,
сказавъ князю, что Гротъ на-дняхъ будетъ удаленъ, а въ
случаѣ какихъ нибудь осложненій, я беру все на себя и
вы ничего не потеряете, я самъ въ томъ порука. Въ слѣ-
дующее засѣданіе послѣ горячаго вступленія Барановскаго,
когда онъ потребовалъ отвѣта у Серебрякова, я всталъ и
просилъ слова. Барановскій, думая, что я всталъ, желая
говорить для его поддержки, былъ полное вниманіе. На-
чалъ свою рѣчь тѣмъ, что, соглашаясь съ мнѣніемъ почтен-
наго Александра Ивановича Барановскаго въ непорядкахъ
канцеляріи приюта, я счелъ себя обязаннымъ заявить,

что не это тормозитъ развитіе заведеній, а другія обстоятельства, въ совѣщаніяхъ, совсѣмъ не затронутыя; что же касается до замѣчаній А. П., то это такая мелочь, основанная на бабьихъ сплетняхъ, что и собираться для выслушивания ихъ совѣту не подобаетъ. Потомъ перешелъ къ деталямъ: сначала Барановскій, хотя былъ ошеломленъ оборотомъ моей рѣчи, возражалъ, но разбитый на всѣхъ пунктахъ, бѣжалъ изъ засѣданія Совѣта, забывъ даже накинуть свою шубу; такъ что швейцаръ догналъ его на половинѣ двора близъ воротъ дома Чертовой. Черезъ день Барановскій уѣхалъ въ Петербургъ жаловаться Гроту на постановленіе Совѣта, оправдавшего Серебрякова и признававшего всѣ наѣты Барановскаго вздорными и незаслуживающими вниманія. Оправданный Серебряковъ обидѣлся сдѣланнымъ на него наѣтомъ и подалъ въ отставку, отъ званія правителя дѣлъ Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ, оставшись членомъ совѣта Попечительства при Московскомъ генералъ-губернаторѣ. Барановскій даромъ сѣздалъ въ Петербургъ. Гротъ былъ уволенъ и ревизія окончила свое существованіе. Въ Москвѣ началась новая іереміада. Пресловутая Анна Степановна Воейкова, при посредствѣ Варвары Енграфовны Чертовой, начала хлопоты, желая помѣстить землемѣра Евгенія Николаевича Сафонова, бывшаго прежде помощникомъ Серебрякова, и бѣжавшаго отъ своего принцинала, какъ только началась надъ нимъ гроза. Мало того, что Анна Степановна желала помѣстить Е. Н. Сафонова правителемъ дѣлъ пріютовъ, но и желала дать ему жалованіе 2400 руб. въ годъ. Собрали совѣтъ въ залѣ Чертовой. За Сафонова составилъ ареопагъ изъ Чертовой, Воейковой, Кохъ и Торлеңкой, которые прежде предложенія къ избранію лица, могущаго замѣстить должность правителя дѣлъ совѣта, предложили назначить ему жалованіе 2400 р. Противъ предложенія были Давыдовъ, Никпоровъ и другіе, говоря, что никогда правитель дѣлъ въ благотворительномъ обществѣ жалованья не получалъ. Второе, что 2400 р. жалованіе намъ не по силамъ. За такую сумму мы можемъ содержать пріютъ для приходившихъ дѣтей на сто человѣкъ. По вслѣдствію просьбы Чертовой

пошли на компромисъ. Положили жалованіе правителю дѣлъ 1200 рублей, оставивъ тѣ же 1200 р. на разъѣзды, что и составило тѣ же 2400 рублей. Выбрали, конечно, Сафонова, тѣмъ болѣе, что никого другого, болѣе предложено не было. Со дня избранія Сафоновъ считать своими врагами меня и Давыдова, и при всякой возможности старался дѣлать намъ непріятности. Въ первое время онъ вслѣ свои дѣла осторожно, но, взявъ въ члены совѣта своихъ пріятелей, и забравъ понемногу въ руки Чертову, онъ развернулся во всю. Тѣмъ болѣе, что приобрѣлъ себѣ дружбу директора пріютовъ Канцеляріи Императрицы Маріи Князева. По прежнему Уставу всѣ совѣщанія для разсмотрѣнія дѣлъ, назначенныхъ къ рѣшенію въ Совѣтъ, разбирались директорами пріютовъ. Сафоновъ это самовольно уничтожилъ. За подписью Чертовой посылались бумаги въ Петербургъ не только неразсмотрѣнныя директорами, но и не доложенныя Совѣту, прямо въ канцелерію Вѣдомства. Даже къ подписанію всеподанныхъ годовыхъ отчетовъ многіе директора и попечительницы не приглашались, а для увеличенія подписей Сафоновъ набралъ своихъ пріятелей изъ почетныхъ членовъ, которыхъ состояли сотни при Совѣтѣ. Конечно, въ этихъ отчетахъ писались не то, что было, а что нужно было показать Сафонову. Задумавъ Сафоновъ устроить себѣ квартиру и вотъ пошло предложеніе купить домъ, занимаемой канцелеріей. Домъ ветхій, никуда негодный. Но Сафоновъ настоялъ на своемъ, несмотря на сопротивленіе членовъ Совѣта домъ былъ купленъ за награды, хотя эфемерныя. Затѣмъ явился жертвователь, пожелавшій перестроить домъ и учредить въ немъ храмъ. Но тутъ пошла распря между Сафоновымъ и Чертовой. Благотворитель желавшій устроить храмъ былъ переманенъ ею въ Александро-Маріинское училище и проектъ не состоялся. Но Сафоновъ не унывалъ, и началъ строить на купленномъ мѣстѣ новый домъ, сломавъ старыя гнилушки. Планъ постройки онъ скрывалъ отъ большинства членовъ Совѣта, показывая его только своимъ пріятелямъ, которыхъ и заставлялъ подписывать журналы, посылаемые въ Петербургъ отъ имени всего Совѣта. Особенно все это пряталось отъ Давыдова и отъ

меня, такъ какъ я былъ противъ покупки дома за 37 тысячъ, зная его ветхость и плохую постройку, что впоследствии и оказалось. Домъ призналъ негоднымъ и уничтожень до основанія. Когда домъ былъ готовъ, то оказалось— въ двухъ этажахъ расположена квартира Сафонова и канцелярія, въ третьемъ предполагался пріютъ, а въ четвертомъ въ мансардѣ спальни воспитанниковъ. Сафоновъ поселился тотчасъ, а пріютъ гораздо позднѣе. Все что-то было неготово. Сюрпризъ былъ всѣмъ неожиданный. Я громко протестовалъ противъ такого самоуправства, но кромѣ вражды Сафонова ко мнѣ, ничего не вышло. Его сильно поддерживалъ директоръ пріютовъ Князевъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Глава I. — Кончина Императора Николая I. — Заключеніе мира. — Стихи на окончаніе войны. — Пріѣздъ въ Москву. — Первый впечатлѣнія по пріѣздѣ. — Приготовленіе къ коронаціоннымъ торжествамъ. — Графъ Закревскій. — Комендантъ Кизмеръ. — Губернаторъ Сивельниковъ. — Предложеніе мнѣ мѣста плацъ-адъютанта. — Пріѣздъ иностранныхъ пословъ и принцевъ. — Пріѣздъ царской фамиліи. — Парадный вѣздъ Государя въ Москву. — Отѣздъ Государя въ с. — Останкино. — Священное Коронованіе. — Дороговижна въ Москвѣ по случаю большого свѣзда. — Помѣщеніе воеводъ. — Балы у пословъ. — Графиня Раппъ.	1
Глава II. — Мое утвержденіе въ должности плацъ-адъютанта. — Обязанности моей новой должности. — Генералъ Кизмеръ. — Баронъ Саморуго. — Независимость офицеровъ отъ полицейскихъ чинловъ. — Похороны отставного генералъ-маіора Нарышкина. —	23
Глава III. — Балы въ Московскомъ обществѣ. — Дома: князя Львова, Рюминыхъ, графини Паниной, Головиныхъ Никитскій, Головиныхъ, Покровский, графъ Закревскій, Воейковы, Князь Оболенской, Оболенская, Кудашева и другіе. — Балъ у Храповицкихъ. — Утренній балъ въ собраніи. Отѣздъ дѣда за границу. — Жизнь въ Москвѣ. — В. П. Крекшина. — Свиданіе Наполеона съ Государемъ въ Штутгартѣ. — Слухи о негласномъ комитетѣ, устроенномъ въ Петербургѣ. — Чернышевъ — Анненковы. — Свадьбы Логоновской. Комиссія постройки Храма Христа Спасителя.	36
Глава IV. — Зима 1857—1858 года. — Домъ Раевскихъ. — Балъ у Храповицкихъ. — Проекты освобожденія крестьянъ. — Головини. — Оболенскіе. — Тартъ. — Артары-Коломбъ. — Шевалье	43
Глава V. — Домъ Графа Закревскаго. — Послѣдній балъ въ собраніи въ присутствіи графа Закревскаго. 1 мая при Гр. Закревскомъ. — Графъ Закревскій въ роли судьи. — Славянофилы. — П. В. Хавскій и П. М. Ситъгиревъ.	50
Глава VI. — Созывъ экстреннаго собранія Московскаго Дворянства. — Возвращеніе дѣда изъ за границы. — Освященіе Исаакіевскаго Собора. — Временный отпускъ, а впоследствии моя отставка. — Поѣздка и жизнь въ деревнѣ. — Побойще студентовъ съ пожарными. — Отставка Бернга и назначеніе кн. Кравоткина. — Балъ въ купеческой семьѣ. — Губерскіе Комитеты. —	

Отставка гр. Закревскаго.—Слухи о переимѣнахъ въ Главномъ Комитетѣ въ Петербургѣ	62
Глава VIII. 1860 г.—Графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.—Московскіе пожары.—П. А. Тучковъ.....	63
Глава IX. 1861 г.—Освобожденіе крестьянъ.—Поѣздка моя въ Тамбовскую губернію.—Смѣнной бунтъ. Прибытіе Государя въ Москву.—Покуша дачи Тучкову.—Битва подъ Дрезденомъ.—Валъ у П. А. Тучкова.—Пріѣздъ въ Москву.—Гр. Морковъ.—Гр. Закревскій.—Супруга Ген.-Губ. Тучкова.—Семья Челнцевыхъ.—Хлюстимъ.	66
Глава X. 1862 г.—Бурное Дворянское Собраніе.—Поѣздка въ Парижъ.....	71
Глава XI. 1862. — Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ въ деревню.—Мое хозяйничанье.—Коммѣскіе бунты.—Міровые посредники.—Губернаторъ К. К. Данзасъ.—Губернскій Предводитель Н. А. Никифоровъ.—Окружные Начальники.....	77
Глава XII. — Польскій бунтъ.—Слухи въ народѣ.—Возвращеніе хѣда изъ чужихъ краевъ.—Тревоги жителей Москвы.—М. Н. Катковъ.—М. Н. Муравьевъ.—Мой пріѣздъ въ Москву.....	85
Глава XIII. — Моя свадьба.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Поѣздка за границу—Вюрцбургъ. Доктора: Бамбергеръ, Скандонн. Ницца—Кончина хѣда.....	87
Глава XIV. — Кончина Московскаго Генералъ-Губернатора Тучкова.—Назначеніе Офросимова.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Московское общество.—Шиповы, Сухотинъ, Катковъ и Н. А. Милютинъ. Англійскій клубъ.....	92
Глава XV. 1864.—Опубликованіе новыхъ уставовъ Судопроизводства и Земства.—Поѣздка Цесаревича Николая за границу и помолвка его съ Датскою Принцессой Дагмарой.—Пріѣздъ Царской семьи въ Москву.—Московскіе типы.....	99
Глава XVI. 1865 г.—Слухи объ уходѣ М. Н. Муравьева.—Поѣздка въ деревню.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу.—Кончина Цесаревича Николая.—Пріѣздъ Государя въ Москву съ В. К. Александромъ Александровичемъ. Депутація старообрядцевъ.—Пріѣздъ Императрицы Маріи Александровны въ Ильинское.—Пріемъ Голохвастова Государемъ. Поступленіе жены моей помощницей Попечительницы Пречистенскаго отдѣленія Д. П. о бѣдныхъ въ Чертовой, а меня секретаремъ Попечительства. Александро-Маріинское Училище.—Лотерея.—Постройки въ училищѣ.....	112
Глава XVII. 1866. — Дворянскіе выборы.—Дѣло полковника П.—Открытіе дворянскихъ и земскихъ учрежденій.—Покушеніе на жизнь Государя.—Празднованіе 25-ти лѣтъ свадьбы Государя.—Приостановка изданія Московскихъ Вѣдомостей.—Письмо Каткова Государю.—Свѣдѣніе письма.....	121

Глава XVIII. 1867 г. — Жизнь въ Москвѣ въ зиму 1866—1867 г.—Пріѣздъ въ Москву Цесаревича Александра Александровича и Цесаренинъ Маріи Теодоровны.—Этнографическая выставка.— Смерть Милюткина.....	125
Глава XIX. Рожденіе первенца у наслѣдника.—Уволеніе Баранова съ поста Виленскаго генералъ-губернатора, замѣна его Потаповимъ.—Протѣздъ Царской семьи по дорогѣ въ Крымъ.— Жизнь въ Илимскомъ.—Аласть.—В. А. Шереметевъ.—Баронъ Бюллеръ.—Спекуляція спиртомъ.—Тверской бульваръ.—Кн. П. Н. Трубецкой.—Комендантъ Фридериксъ.....	129
Глава XX. 1869 г. — Открытіе Коммерческаго Ссуднаго банка.— Малая Гирка.—Домъ Алзава.—Федоръ Федоровичъ Трѣповъ.....	132
Глава XXI. 1870 г. — Покупка дома Лопухина. — Полученіе виномъ званія камеръ-юнкера.—Потѣзка въ Петербургъ.—Франко-Германская война.—Избраніе новаго городского головы кн. Черкаскова и его иезувитское письмо.....	131
Глава XXII. 1871 г. — Двухсотлѣтняя выставка въ Александровскомъ саду.—Новыя перестройки въ Александро-Маринскомъ Училищѣ.....	139
Глава XXIII. 1872 г. — Болѣзнь жени.—Потѣзка въ деревню лѣтомъ и осенью за границу.—Возвращеніе въ Москву и постройка дома по Еропкинскому переулку въ 1873 году.....	140
Глава XXIV. 1873 г. — Пріѣздъ Персидскаго Шаха.—Учрежденіе Московскаго Земельнаго Банка.—Потѣзка въ Петербургъ.— Комиссіонный Банкъ.....	143
Глава XXV. 1874 г. — Манифестъ 1 января о всеобщей воинской повинности.—Пріѣздъ въ Москву новобрачныхъ Великой княгини Маріи Александровны съ супругомъ.—Поздравленіе и цѣлованіе руки въ Екатерининской залѣ.—Покупка дома Лее въ Столешниковомъ переулкѣ.....	143
Глава XXVI. 1875 г. — Постройка дома въ Столешниковомъ переулкѣ.—Комическій бунтъ.—Отказъ отъ должности предсѣдательницы Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ княгини С. С. Щербатовой.—Г-жа Нейдартъ.—Поступленіе мое въ должность директора Торлецкаго Пріюта.....	149
Глава XXVII. 1876 г. — Болѣзнь жени.—Потѣзка за границу.—Порученіе Принца П. Г. Ольденбургскаго.....	154
Глава XXVIII. 1876—1877 г. — Покупка второй половины Столешниковскаго дома.—Статьи Аксакова.—Движеніе въ Московскомъ обществѣ.—Сербская война.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка.....	163
Глава XXIX. 1877 г. — Объявленіе Восточной войны.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Устройство больницы въ Москвѣ.—Сборъ пожертвованій.—Санитарные поѣзды.—Пріѣздъ Государя въ декабрь.—Празднество столѣтія	

	Стр.
рожденіи Императора Александра I.—Пожалованіе названія „Александровскаго“ Комитету о раненныхъ.....	171
Глава XXX. Возвращеніе войскъ въ Москву.—Дворянскіе выборы.—Выборъ графа Бобринскаго.—Покупка дома для военнаго вѣдомства на Пречистенскѣ. Губернаторы: Дурново, Перфильевъ.....	177
Глава XXXI. 1879 г. — Проженіе въ студенческіе круги. — Скандалъ въ Городской Думѣ.—Выходъ въ отставку: головы, его помощника и членовъ управы.—Выборъ Тичерина.—Покушеніе Соловьева.—Взрывъ на пассажирской станціи Курской дороги.	182
Глава XXXII. 1880 г. — Возвращеніе Государини въ Россію: кончина Ея.—Постройка выставочнаго зданія на Ходынскомъ полѣ.—Приготовленіе къ освященію Храма Христа Спасителя.—Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Празднованіе 25-лѣтія вступленія на престолъ Императора Александра II.....	186
Глава XXXIII. 1881 г. — Кончина Государя.—Похороны Государя.....	187
Глава XXXIV. — Кончина Принца П. Г. Ольденбургскаго. — Отставка Серебрякова и выборъ новаго Правительства для вступленія.....	190

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ:

	<i>Стр.</i>
<i>Портреты:</i>	
Государь Императоръ Александръ II.....	1
Графъ Закревскій, Арсеній Андреевичъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ.....	17
Кнзья, Н. Н. 1-й Московскій Комендантъ.....	19
*Храповицкій, Иванъ Семеновичъ, бывшій Московскій Вице-Губернаторъ въ 1826 году.....	65
Графъ Строгоновъ, Сергій Григорьевичъ, въ бытность его Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Генералъ-Адъютантъ.....	113
Тучковъ, Павелъ Алексѣевичъ, Московскій Генералъ - Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ.....	121
Корниловъ, Петръ Петровичъ, Московскій Комендантъ, Ген.-лейтн.	129
Офросимовъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ отъ инфантеріи.....	137
Князь Долгоруковъ, Владиміръ Андреевичъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ.....	145
Фридериксъ, Московскій Комендантъ, Генералъ отъ инфантеріи.....	161

Виды:

Первая коронація дома Романовыхъ.....	9
Митрополитъ произноситъ рѣчь Императору Александру II, когда онъ приблизился къ наперсти Успенскаго Собора.....	25
Государини Императрицы Александра Оеодоровна и Марія Александровна, Великія Княгини Марія Николаевна и Александра Юсифовна, на публичномъ маскарадѣ 9-го Сентября въ Кремлевскомъ дворцѣ, устроенномъ на 8000 человекъ.....	33
Обѣдъ, предложенный отъ Московскаго купечества Россійскому войску въ экзерциргаузѣ, близь Кремля, 4 Сентября 1856 года....	41
Балъ у Англійскаго посла 11 Сентября.....	57
Балъ въ Благородномъ Собраніи 10 Сентября.....	73
Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.....	81
Балъ у Австрійскаго посла 15 Сентября.....	89
Охота въ имѣніи Графа Толстого 14 Сентября.....	97
Балъ во Французскомъ посольствѣ въ 1856 году.....	105
Домъ гдѣ родился Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.....	153

О П Е Ч А Т К А.

На страницѣ 62 съ низу 12 строка напечатано Милутинъ Николай Александровичъ, слѣдуетъ читать Николай Алексѣевичъ.

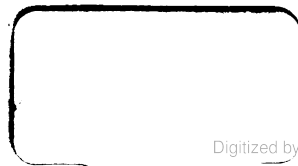
67 555 AA A 30 ••••

67 555 AA A 30 ••••

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02776 3989

Digitized by Google

